

Московской здѣсь Парнасъ называлъ ядѣю,
Что чистой слога стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что азъ Ричардъ Траверсонъ и что "Виргиліи" быль.
То онъ одинъ азъ освоилъ понятіи антикитъ.
Открылъ мнѣмъ сокровища богатыхъ словъ въ Россіи,
Принялъ ихъ остои въ наукахъ философскихъ.

С О Б Р А Н І Е
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

**съ присовокупленіемъ общошпелнаго описанія
сочинишпеловой жизни, взяшшя изъ Московскаго
и Академическаго изданія.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

**съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи
Шнора, 1803 года.**

Ж И З Н Ъ

Михайлы Васильевича Ломоносова. (*)

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, Статскій Совѣтникъ, Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ Профессоръ, Спекгольмской и Бононской членъ, родился въ Холмогорахъ въ 1711 году отъ промышленника рыбныхъ ловлей. Юныя лѣта препроводилъ съ опцемъ своимъ; ѣздя на рыбные промыслы; но будучи обученъ Россійской грамматъ и писанъ, прилѣжалъ онъ болѣе всегда по врожденной склонности къ чтенію книгъ; и какъ по случаю попала въ его руки, предложенная въ списки Симеономъ Полоцкимъ; то читавъ оную многократно, такъ приспрашивался къ спискамъ, что получилъ желаніе обучаться стихотворству. По чему сталъ онъ навѣдываться, гдѣ можно обучиться сему искусству. Услышавъ же, что въ Москвѣ есть такое училище, гдѣ преподаются правила сей науки, принялъ непремѣнное намѣреніе уйти отъ своего отца. Къ сему его побуждало и упорное желаніе его родителей,

(*) Взятъ изъ Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ напечатаннаго въ Санктпетербургѣ 1772 года.

дабы женить его по неволѣ. Вскорѣ потомъ исполнилъ онъ свое намѣреніе, оставилъ домъ родительскій, пришелъ въ Москву, и вступилъ въ Законоспасское Училище, въ которомъ съ великимъ прилѣжаніемъ обучался Латинскому и Греческому языкамъ, Риторикѣ и Спихотворству.

Въ 1734 году взявъ онъ былъ изъ онаго училища въ Императорскую Академію наукъ, и отправленъ въ 1736 году Спуденшомъ въ Германію. По приѣздѣ въ Марбургъ, что въ Гессенской землѣ, порученъ онъ былъ съ товарищами своими Райзеромъ и Виноградовымъ наставленіямъ славнаго Барона Вольфа. Въ Марбургѣ пробылъ онъ чешыре года, упражняясь въ Химіи и въ принадлежащихъ къ ней наукахъ. Потомъ поѣхалъ въ Саксонію, и тамъ подѣ смотрѣніемъ славнаго Химика Генкеля осмошрѣлъ всѣ горныя и рудокопныя работы, въ горномъ округѣ производимыя. Наконецъ возвратился онъ въ Санктпетербургъ въ 1741 году спуденшомъ же.

Около сего времени оказалъ онъ первые опыты столь гремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ чужестранныхъ о-

бласпяхъ Лирическаго стихошворства , сочинивъ поржественную оду и нѣсколь-ко по помъ другихъ. Между пѣмъ болѣе всего прилѣжалъ къ Химіи и къ прочимъ ея часпямъ, и сполько въ оной успѣлъ , что опъ Императорской Академіи Наукъ поручено ему было находящійся при Кунспкамерѣ минеральный кабинетъ привести въ порядокъ. Г. Ломоносовъ исполнилъ порученное ему дѣло съ такимъ искусствомъ, прилѣжаніемъ и исправностію, что Академія, уважая его знаніе и пруды, произвела его Адъюнктомъ въ 1742 году.

По произведеніи его продолжалъ упражняться онъ въ Химіи; а въ 1745 году по указу изъ Правительствующаго Сенапа, основанномъ на свидѣтельстввахъ всѣхъ членовъ Академіи наукъ, произведенъ онъ былъ Профессоромъ Химіи.

Въ 1751 году г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Коллежскимъ Совѣшникомъ. Въ 1752 году по данной ему привилегіи учредилъ онъ бисерную Фабрику, и началъ упражняться въ мозаикѣ; и какъ въ Россіи первый былъ онъ изобрѣтатель мозаическаго искусства, то и поручено ему было прудиться въ составленіи большой мозаической каршины, представля-

ющей знаменитѣйшія дѣла ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Г. Ломоносовъ окончилъ сей прудъ Россійскими матеріалами и масштабами безъ всякой помощи отъ иностранныхъ. Къ составленію сей карпины изобрѣлъ онъ всѣ составы и разныя махины, и оную сдѣлалъ такой величины, какой мозаической карпины по сіе время въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало.

Въ 1751 году Февраля 13 дня определенъ онъ былъ Членомъ въ Академическую Канцелярію; а въ 1760 году Февраля 14 дня поручены въ полное его смотрѣніе Академическая Гимназія и Университетъ.

1764 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Спашскимъ Совѣтникомъ, въ которомъ чину и пробылъ онъ до кончины своей, воспослѣдовавшей 1765 года Апрѣля въ 4 день къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей словесныхъ наукъ. Тѣло его съ богатою церемонією погребено въ Александроневскомъ монастырѣ Императорскимъ иждивеніемъ; а на гробъ его поставленъ мраморный столпъ иждивеніемъ покойнаго Канцлера Графа Михайла Ларіоновича Воронцова съ слѣдующими Россійскою и Латинскою надписями:

В ъ п а м я ш ь
с л а в н о м у м у ж у
М И Х А И Л У
Л О М О Н О С О В У,

родившемуся въ Холмогорахъ
въ 1711 году,
б ы в ш е м у

С п а ш с к о м у С о в ѣ щ н и к у,
И м п е р а т о р с к о й С а н к т и м е р б у р г с к о й
А к а д е м і и Н а у к ѣ

П р о ф е с с о р у
С п о к г о л ь м с к о й и Б о н о н с к о й

Ч л е н у,

Р а з у м о м ѣ и н а у к а м и п р е в о с х о д н о м у, з н а т н ы м ѣ
у к р а щ е н і е м ѣ О ш е ч е с т в у с л у ж и в ш е м у,
К р а с н о р ѣ ч і я, С ш и х о ш в о р с т в а

и

И с т о р і и Р о с с і й с к о й
у ч и щ е л ю,

М у с і и п е р в о м у въ Р о с с і и б е з ѣ р у к о в о д с т в а
и з о б р ѣ щ а щ е л ю,
п р е ж д е в р е м е н н о ю с м е р щ ю о н ѣ М у з ѣ и О ш е ч е с т в а
н а д н я х ѣ с в я щ и х ѣ П а с х и 1765 г о д а
п о х и щ е н н о м у,

В О З Д В И Г Ѣ С І Ю Г Р О Б Н И Ц Ю
Г Р А Ф Ѣ

М и х а й л о В о р о н ц о в ѣ,
с л а в я О ш е ч е с т в о с ѣ щ а к о в ы м ѣ г р а ж д а н и н о м ѣ,
и г о р е щ и н о с ѣ б о л ѣ з н у л о е г о к о н ч и н ѣ.

Viro Celeberrimo,
MICHAËLI LOMONOSOW,
 Kholmogorodi nato, Anno MDCCXI.
Augustae Russiarum Imperatricis
Consiliario Status,
Professori Publico ordinario
Academiae Scientiarum
Petropolitanae,
 Holmensis et Bononiensis socio,
 Qui ingenio excelluit et artibus,
 Patriae decus eximium,
 Eloquentiae, Poëseos
 et
 Historiae Patriae Praeceptor,
 Metri Russici institutor,
 Tragediarum in Vernacula Auctor,
 Primus Musivi operis in Russia
 pictor Avtodidactos.
 Praematura morte Musis
 Atque Patriae feriis Paschaos
 MDCCLXV scriptis
 et
 operibus oblivioni ereptus:
 Talem civem gratulans Patriae,
 obitum eius lugens
MICHAËL COMESA WORONZOW
 Rosnit,

Сей мужъ былъ великаго разума, высокаго духа и глубокаго ученія. Сколь опмѣнна была его охота къ наукамъ и ко всѣмъ человѣчеству полезнымъ знаніямъ, столь мужеспвенно и вспунилъ онъ въ путь къ достиженію желаемаго имъ предмета. Спрямленіе преодолювавшъ всѣ случавшіяся ему въ томъ препяшствіи награждено было благополучнымъ успѣхомъ. Бодрость и твердость его духа оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ. Начавъ учиться иносстраннымъ языкамъ въ такихъ уже лѣтахъ, въ коихъ многіе за невозможность почишають въ нихъ упражняться, достигъ онъ до великаго совершенства. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ и говорилъ, какъ почти на своемъ природномъ. Латынской зналъ очень хорошо, и писалъ на немъ. Французской и Греческій разумѣлъ не худо; а въ знаніи Россійскаго языка, яко природнаго и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почишался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ. Предпріимчивость сколь часпо бываетъ въ другихъ порокомъ, столь многократно ему прибрѣшала похвалу. Онъ упра-

жнялся во всѣхъ философическихъ и словесныхъ наукахъ, въ Химіи съ ея разными часпями, а особливо прилѣжалъ къ Физикѣ экспериментальной, которую и перевелъ на языкъ Россійскій; въ Механикѣ и въ Исторіи нашего Отечества. Стихотворство и краснорѣчіе съ превосходными познаніями правилъ и красоты Россійскаго языка споль великую принесли ему похвалу не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ областяхъ, что онъ почищается въ числѣ наилучшихъ лириковъ и орашоровъ. Его похвальныя оды, надписи, поема ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и похвальныя слова принесли ему безсмертную славу. Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коропко и остроумно, и любилъ въ разговорахъ употреблять острые шулки. Къ Отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ; покровительствовалъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ. Въ общеніи былъ по большой часпи ласковъ, къ искашелямъ его милоспи щедръ; но при всемъ томъ былъ горячъ и вспылчивъ. Сочиненія его суть слѣдующія: Двѣ часпи разныхъ стихотвореній содержатъ въ себѣ духовныя и похвальныя оды,

надписи, двѣ пѣсни героической поемы ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ, похвальныя слова и другія стихотворенія; Россійская Грамматика, Риторика, краткой Россійской лѣтописецъ, первая книга древней Россійской Исторіи, краткое понятіе о Физикѣ, Металлургія, двѣ трагедіи Тамара и Селимъ и Демофонъ; и ученныя разсужденія о разныхъ матеріяхъ. Волфганская экспериментальная физика съ Лашинскаго языка имъ переведенная. Я не могу разпространиться въ похвалѣ сему великому писателю; а довольно будетъ, когда сообщу изъ эпистолы г. Сумарокова слѣдующіе стихи :

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ спранъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

Также стихи Г. Попова къ его портрету :

Московской здѣсь Парнасъ изобразилъ Вишню,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ
Россію;
Что въ Римъ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ нашуръ храмъ богатымъ словомъ Рос-
совъ ;

Примѣръ ихъ оспрошъ въ наукахъ Ломоносовъ.

И наконецъ спихи Михайла Маш-
вѣвича Хераскова.

Великій Ломоносовъ !

Ты долго прославлялъ
Гремящей лирой Россю
И всѣхъ насъ удивлялъ.
Россійскую державу,
Ея Монарховъ славу
Вознесши къ небесамъ,
Взлещѣлъ шуда и самъ.
Когда ЕЛИСАВЕТУ
Пѣвалъ ты передъ ней,
Всему вѣщалъ ты свѣшу
Спокойство нашихъ дней.
Рокъ люшый разрушаешь
Художество шрудный даръ:
Но въ вѣкъ не пошущаешь
Пѣшновъ сильной жаръ.
Твоихъ героевъ вѣчно
Свѣшь будешь почишашъ,,
И будешь безконечно
Спихи швомъ чипашъ.
Почто еще и нинѣ
На свѣшъ не живешь?
Почто ЕКАТЕРИНѢ
Похвалъ ты не поешь?

Твоя гремяща лира
 Доспойною была
 Для всѣхъ предѣловъ міра
 Воспѣшь Ея дѣла.
 Когда Анакреону
 Ошвиѣши дѣлааъ пы,
 Его имѣаъ корону,
 Его въ ружахъ цѣѣши;
 Въ стихахъ его погудки
 Пріятно повшоряаъ,
 Къ любви прибавя шушки,
 Въ свирѣли пы играаъ:
 И лира и свирѣлки,
 И важностъ и бездѣлки
 Чрезъ пшвой священный гласъ
 Пѣняаъ умѣаи насъ.

Изъ сочиненій его переведены на иностранные языки слѣдующія: Грамматика, краткой лѣпописецъ и Россійская Исторія на Нѣмецкій; упреннее и вечернее размышленія о величествѣ Божіемъ на Французскій; похвальное слово ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ перевелъ онъ самъ на Лапинской языкъ, а ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ Панегерикъ переведенъ на Французской Барономъ Чуди. Г. Ломоносовъ имѣаъ переписку со многими учеными людьми въ Европѣ. Библіотека его

и манускрипты по смерти его куплены Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

При семъ пакъ же для любопытства читашелей въ доказательство, въ какомъ уваженіи и славѣ былъ Г. Ломоносовъ для учености своей и въ чужестранныхъ Государствахъ между учеными тогдашняго времени мужами, прилагаются нѣкоторое число опривковъ выбранныхъ самимъ Г. Ломоносовымъ изъ писемъ, частію къ нему самому писанныхъ, а опъ частіи къ Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и въ Академію.

1.

Одобреніе Г. Профессора Вольфа на Латинскомъ языкѣ писанное.

Молодой человекъ преимущественнаго оспроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ прѣхалъ, прилжно Математическія, Философическія, а особливо Физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредь съ такимъ раченіемъ проспираться будетъ; то не сомнѣваюсь,

чтобы возвращаясь въ Отечество , не принесъ пользы ; чего сердечно желаю.
Дано въ Марбургѣ 1739 года Іюля 20 дня.

Христіанъ Вольфъ

Акад: Марбург: Проректоръ.

2.

Сколь много я удивлялся проника-
тельностью и глубинѣ вашего оспроумія
въ изясненіи крайне шрудныхъ химиче-
скихъ вопросовъ; такъ равномѣрно ваше
письмо мнѣ было пріятно.... Изъ сочине-
ній вашихъ съ превеликимъ удовольстві-
емъ усмопрѣлъ я, что въ исполкованіи
химическихъ дѣйствій далече отъ приня-
шаго у Химиковъ порядка опсшутили, и
съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ
высокое знаніе съ обширнымъ искусст-
вомъ всюду соединяете. По сему не
сумнѣваюсь , что бывы нешвердыя еще
и сомнишельныя основанія сея науки не
привеликъ совершенной достовѣрности,
такъ что ей послѣ мѣсто въ Физикѣ
по справедливости дано бытъ можеть.
*Эйлеръ въ письмѣ къ Г. Лом: отъ 23
Марта 1748 года.*

3.

Колико шонки и глубоки ваши разсужденія, копорыхъ сообщеніемъ вы дали мнѣ чувствительный знакъ своей ко мнѣ дружбы и благосклонности! Прощу извинить меня, что я не могъ ранѣе сообщить своего отвѣта; ибо мысли о столь трудныхъ и сокровенныхъ вещахъ пребуѣють времени. *Онѣ же въ письмѣ отъ 24 Август: 1748 года.*

4.

Я съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы въ Академическихъ комменсаріяхъ ученому свѣту себя показали; чѣмъ вы великую честь принесли своимъ соопшчичамъ. Я желаю, чтобы вашему примѣру и другіе послѣдовали, и проч. *Вольфъ въ письмѣ изъ Галы отъ 6 Августа 1753 года.*

5.

Въ томъ же томѣ содержится экстрактъ XIV тома Академическихъ комменсаріевъ, гдѣ я пространно и съ удовольствіемъ описалъ вашу изящную диссертацию о свѣплости металловъ. *Формей въ письмѣ изъ Берлина отъ 27 Октября 1753 года.*

6.

Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишетъ о матеріяхъ Физическихъ и Химическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понинѣ не знали, и исполковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ долженъ я опдѣлать справедливость Г. Ломоносову, что имѣетъ превосходное дарованіе къ изъясненію Физическихъ и Химическихъ явленій. Желательно, чтобы и другія Академіи въ состояніи были произвестъ такіа опкровенія, какія показалъ Г. Ломоносовъ и проч. *Эйлеръ: въ письмѣ между прочимъ къ Графу Кирилѣ Григорьевиту Разумовскому.*

7.

Какъ я всегда удивлялся щастливому вашему остроумію, которымъ въ столь разныхъ наукахъ превосходствуете, и естественныя явленія съ особливымъ успѣхомъ теоретически изъясняете; такъ пріятно мнѣ было ваше извѣстіе . . . Достойное васъ есть дѣло, что вы спеклу всевозможные дѣла дашь може-

ше. Здѣшніе Химѣики сіе изобрѣшеніе почитаютъ за важное дѣло. *Эйлеръ: въ письмѣ изъ Берлина отъ 30 Марта 1754 году.*

8.

Приношу вамъ должное мое благодареніе за актъ Академической и за программу, достойное вашей славы сочиненіе, сообщеніемъ котораго угодно было вамъ удостоить меня, и проч. *Кондаминъ: въ письмѣ изъ Пломберіи въ Лотарингіи Августа дня 1754 года.*

9.

Желая служишь вамъ во всемъ, что только отъ меня зависить, и нашедши случай отъ части по выполнить, препровождаю при семъ къ вамъ листки изъ моего журнала, гдѣ она ваша диссертація напечатана. Самый долгъ требовалъ того, чтобы защитить столь праведное ваше дѣло отъ пакыхъ несправедливыхъ поношителей. *Формей изъ Берлина отъ 27 Маія 1755 года.*

10.

Того ради стараніе тѣхъ, которые въ семъ дѣлѣ прудятся всегда великую похвалу заслуживаютъ. Тѣмъ болѣе вамъ должно отдавать всю справедливость,

что въ сей важный вопросъ изъ тьмы изпоргнули, и положили счастливое начало его изясненію. *Эйлеръ изъ Берлина отъ 11 Февраля 1755 года.*

II.

Проницательнаго Г. Ломоносова разсужденіе о печеніи сей понкой матеріи въ облакахъ великою помощію послужить шѣмъ, которые въ разрѣшеніи сего вопроса силы свои изслѣдовать пожелаютъ. Весьма такъ же изрядны размышленія его о низхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ опъ шого морозахъ. *Эйлеръ въ Академію изъ Берлин. 1754 года.*

Ж И З Н Ъ

Его же пространнѣе описанная, взятая изъ полнаго собранія твореній его напечатанныхъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ родился 1711 года въ Двинскомъ уѣздѣ въ Куропировской волости въ деревнѣ Денисовской, на болотѣ шже, на оспровѣ лежащемъ недалеко опъ Холмогоръ.

*

Отецъ его Василій Дороеевъ Государственн^{ой} крестьянинъ жителъ сей волости былъ промысломъ рыбакомъ (1). Началь брать его отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста съ собою въ каждое лѣто и каждую осень на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Бѣдиль съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ сѣверной Океанъ до 70 градусовъ широты мѣста. Самъ онъ рассказывалъ объ общенаселенскихъ сихъ спранъ, о ловлѣ китовъ и о другихъ промыслахъ.

- (1) Онъ первой изъ жителей сего края соорудилъ и по Европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіонъ, и прозвалъ его Чайкою; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, по Бѣлому Морю и сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы, казенные и частныя людей отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, въ Соловецкой Монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семолди и на рѣку Мезень.

Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, провождалъ зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя (2) чипать и писать по Руски, чипаль обыкновенно одни шолько церковныя книги, и когда прашиваль у учителя своего свѣтскихъ; то сей обыкновенно отвѣчалъ ему, что для прибрѣтенія большаго знанія и учености перебуешь знать языкъ Латинской; а сему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ или Пешербургѣ; что въ сихъ шолько городахъ довольно книгъ на шомъ языкѣ. Простой

(2) Чрезъ два года учинился къ удивленію всѣхъ лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что нерѣдко биванъ былъ не оми сверстниковъ по лѣпамъ, но оми сверстниковъ по ученію за то, что спыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносишъ чипаемое къ мѣсту распоновочно, вняшно, а при томъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса.

Ариѣмешникъ (3) выучился онъ самъ собою. (4)

Долгое время пипалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ кошпорой нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чѣмъ вѣдаться

(3) Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первой въ жизни своей разъ. не духовныя книги. То были спаринная Славенская Грамматики и Ариѣмешника напечатанная въ Санкѣпетербургѣ въ царспровоаніе. Пѣпра Великаго для Навигацкихъ учениковъ. Неостшупныя и усиленыя прозбы, чѣмъ спарикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставались всегда щещными. Опрокъ пылающій ревностію къ ученію, долгое время умысленно угождая прѣмъ спариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того, чѣмъ выдали они ему сіи книги. Опъ сего самаго времени не разспавался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою, и непрестанно читая, вышвердиль наизусть. Самъ онъ попомъ называлъ ихъ врашами своей учености.

(4) На штринадцатомъ году младшій его разумъ уложенъ былъ раскольниками, пакъ называемаго шолка Безпопоящны; держался онаго два года; но скоро позналъ, чѣмъ заблуждаеть.

шамъ наукамъ. Неперпѣливо нажидалъ случая. На 17 году возраста своего на-
 послѣдокъ оной открылся. Изъ селенія
 его отпралялся въ Москву караванъ съ
 мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое
 намѣреніе, по утру смошрѣлъ, какъ буд-
 то изъ одного любопытства, на выѣздъ
 сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ
 всѣ въ домѣ отца его спали (5), надѣвъ
 двѣ рубашки и нагольной пулупъ, по-
 тнался за онымъ въ слѣдъ. Въ претій день
 наспигъ его въ 70 уже верстахъ. Ка-
 раванной прикащикъ не хотѣлъ прежде
 взявъ его съ собою; но убѣжденъ былъ
 прозьбою и слезами, чѣмъ далъ ему посмо-
 шрѣть Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ
 три недѣли прибыли въ столичный сей
 городъ. Первую ночь проспалъ Ломоно-
 совъ въ общевняхъ у рыбнаго ряду. На-
 завпрее проснулся шакъ рано, что еще
 всѣ шоварищи его спали. Въ Москвѣ не
 имѣлъ ни одного знакомаго человѣка;
 ошъ рыбаковъ съ нимъ прѣхавшихъ не могъ

(5) Не позабылъ взявъ съ собою любезныхъ
 своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его
 Библіотеку, ш. е. Грамматикѣ и Арифметикѣ.

ожидать никакой помощи; они занимались продажей только рыбы своей, совсѣмъ объ немъ не помышляя. Овладела душею его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣна; обратился глаза къ ближней церкви, и молилъ усердно Бога, чтобы его призрѣлъ и помиловалъ.

Какъ уже совсѣмъ разсвѣло, пришелъ какой-то господской прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнавъ же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для жилья уголъ между слугами того дома.

У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ. Черезъ два дни послѣ приѣзда его въ Москву пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодого своего земляка, рассказалъ объ его обстоятельстве, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усиленно постараться, чтобы приняли его въ Заиконоспаское училище. Монахъ взялъ что на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монасты-

рѣ (6). Дома между шѣмъ долго его искали, и не найдѣвъ нигдѣ, почипали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пупи: тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ.

Въ Монастырѣ обучался Ломоносовъ (7) съ великою охотою, и оказалъ при-

(6) А какъ не принимаютъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушной окладъ; шо назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойный Новгородскій Архіерей Оеопанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ его узнавъ, и полюбя за опмѣнные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: ... „ Не бойся ничего; хочя бы со звономъ въ Московской соборной колоколь спали шебя публиковать самозванцемъ, я швой защишникъ.

(7) Вспущеніе его въ Законошпаское училище было въ 1722 году при Рекшорѣ Архимандритѣ Германѣ Кошцевитѣ и Префектѣ Софроніи Мегалевитѣ.

За Лапинскую азбуку посадилъ его Іеромонахъ Модеситъ Ипполишовичъ. Въ 1730 году переведенъ въ Лапинской Грамматической классъ училеши Іеромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731 году Синшакситъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

Въ 1732 въ Лапинской и Россійской поэзіи наставлялъ Іеромонахъ Оеофилакшъ Квѣшницкій.

мѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во второй, въ томъ же году изъ второго въ третій классъ. Черезъ годъ послѣ того столько спалъ онъ силенъ въ Лашинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшія стихотворенія. Тогда началъ учиться по Гречески, а въ свободные часы вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвосты, рылся въ Монастырскомъ книгохранилищѣ. Находимыя въ ономъ книги ушвердили его въ языкѣ Славенскомъ. Тамъ же сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ опцевъ и другихъ Богословскихъ книгъ попалось въ руки его малое число

Въ 1734, слушалъ Риторикѣ у Иеромонаха Порфирія Крайскаго, которой послѣ того занялъ мѣсто Ректора сего училища.

Въ Май Мѣсяцѣ 1735 ради отличныхъ успѣховъ въ ученіи ректоръ Архимандритъ Стефанъ и Префектъ Антоній отправили его въ Санктпетербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской Преосвященный Димитрій Свѣной былъ еще не посвященъ, и училъ читавъ и писавъ по Лашини.

Философическихъ, Физическихъ и Математическихъ книгъ.

Законоспаская Библіотека не могла насытити жадности его къ наукамъ; прибѣгнувъ къ Архимандриту съ усиленною прозьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться Философіи, Физикъ и Математикъ; но и въ Кіевъ прошивъ чаянія своего нашель пущья полько словопрѣнія Аристотелевой Философіи. Не имѣя же случаевъ успѣшь въ Физикъ и Математикъ, пребыль тамъ менѣе года, упражняясь болѣе въ чтеніи древнихъ лѣтописей и другихъ книгъ писанныхъ на Славенскомъ, Греческомъ и Лапинскомъ языкахъ.

Скоро по возвращеніи его въ Спаское училище прислано въ оное было въ 1734 году (8) шребованіе, изъ Петербургской

-
- (6) Показаніе жизни сего мужа напечатанной при изданіи его трудовъ 1778 года, будтобы переведенъ онъ былъ изъ Законоспаской въ Санктпетербургскую Академію 1734 года, есть несправедливо. Бывшимъ сего Монашья Рекшоромъ Павломъ, что нынѣ Архіепископъ Ярославскій, особюю доспойною уваженія найдена своеручная росписка Г. Ломоносова въ пріемъ жалованья за Генварскую шрешъ 1735 года шрехъ рублей пшшдешши копѣекъ.

Академіи наукъ о присылкѣ нѣсколькихъ семинаристовъ, копорые бы уже разумѣли по Лашини, для ученія Физикъ и Матемашикъ у Профессоровъ шамошнихъ. Ломоносовъ обрадовался давно желанному случаю, и неопступно просилъ Архимандрипа, чшобы шуда его послали. (9)

Онъ приѣхалъ съ прочими учениками изъ Спаскаго Монастыря въ Пешербургъ въ состоящую подъ вѣдомствомъ Академіи Гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія Философіи и Матемашики, и прилѣжалъ къ тому съ крайнею охотою, упражняясь между шѣмъ и въ стихотворствѣ; но изъ сихъ послѣднихъ его шрудовъ ничего въ печать не вышло. Ошмѣнную оказалъ склонность къ опытной Физикѣ, Химіи и Минералогіи. Учившись цѣлыя два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, и ушвердившись въ Матемашикѣ, назначень былъ съ поварищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію, прежде въ Марбургъ къ тогдашнему слав-

(9) Способшвовалъ ему въ шомъ послѣ бывшій Синодальнымъ Вице Президентомъ Новгородскій и Великолуцкій Архіепископъ Ѳеоданъ Прокоповичъ.

ному философу и Математику Христиану Вольфу.

По прошествіи прехъ лѣтъ отпра-
вленъ по совѣшу сего славнаго мужа
къ искусному Горному Совѣшнику Ген-
келю въ Фрейбергъ на Саксонскіе мѣд-
ные рудники учиться практической Ме-
талургіи и Горному дѣлу.

Черезъ годъ возвратился въ Марбург-
ской Университетъ для продолженія
Теоріи въ сихъ наукахъ.

Не замедлилъ сдѣлаться сильнымъ
въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ еще
будучи въ Пешербургѣ, положилъ хоро-
шее основаніе. Опъ обхожденія съ та-
мошними студентами, и слушая ихъ
пѣсни, возлюбилъ Нѣмецкое стихотвор-
ство. Лучшей для него писатель былъ
Гиншеръ. Многихъ знанѣйшихъ стихо-
творцевъ выпвердилъ наизусть. По та-
мошнимъ Ямбаъ, Хореямъ и Дактилямъ
началъ размѣрять стихи и въ Россій-
скихъ стихахъ совсѣмъ новымъ образомъ
несравненно глаже и согласнѣе пропѣвъ
прежнихъ въ чпеніи. Первый примѣръ
шакowych размѣровъ въ Рускихъ стихахъ

показалъ въ 1739 (10) году поржѣственною одою на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Ташарами и Турками, или на завоеваніе крѣпости Хопина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему Санктпетербургской Академіи Наукъ Президенту Г. Корфу. Оздана она была для просмотра Г. Аддурову обще съ нѣкоторыми Академиками. Удивились они размѣру стиховъ, которой до того времени былъ во все неизвѣстенъ въ Россійскомъ стихопорствѣ. Ода написана была Ямбическими стопами на вкусъ Гинпера подражательно славной его одѣ.

Камергеръ Корфъ напечаталъ ее, подалъ въ поржѣственный день Императорицѣ Анниѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ: каждой читалъ ее со удовольствіемъ.

(10) Изъ сего ясно, что Г. Ломоносовъ за долго предъ тѣмъ ввелъ стопы въ Россійское стихопорство, какъ Г. Сумароковъ только что выпущенной въ семь самомъ году изъ Кадешкаго корпуса учинился извѣстнымъ стихопорцемъ.

Въ то самое время, то есть 1740 года женился Ломоносовъ въ Марбургѣ пайно на дочери хозяина шого дома, гдѣ жилъ, поршнаго маспера, копорая еще до оплученія его изъ сего города опцемъ его учинила.

Живъ онъ въ Марбургѣ городѣ недалекомъ опъ Гарцскихъ горъ однимъ жалованьемъ, копорое получалъ изъ Пешербургской Академіи по претямъ, содержалъ порядочно свое семейство.

Академія по прошенію его позволила ему побывать на Гессенскихъ рудникахъ, чшо въ Гарцѣ. Тамъ познакомился онъ съ славнымъ горнымъ Совѣшникомъ и Металургомъ Г. Крамеромъ, имѣвшимъ тогда уже въ гошовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе объ искусствѣ раздѣленія металловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольное время, и много успѣлъ въ практической Металургіи. Цѣлое лѣто провелъ въ осмашриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ; зимою возвращаясь въ Марбургъ, остался тамъ до весны 1741 года.

Опъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейства своего

и опъ непорядочнаго, можеть быть, хозяйства впалъ въ нищету и долги; дошелъ на конецъ почти до опчаяннаго состоянія, такъ что непрестанно былъ угрожаемъ опъ должниковъ шюрмою, коихъ удовольствовать не имѣлъ силы. Принужденнымъ себя увидѣлъ уйши изъ сего города, питаясь милоспынею на дорогѣ. Изъ полученнаго имъ не задолго предъ шѣмъ прѣшнаго жалованья не оспавалось у него ни копѣйки. Расположился ийти или въ Любекъ, или въ Голландію, и послѣ опшправившись моремъ въ Петербургъ.

Не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію, шедъ всю ночь. На пршей день миновавъ Диссельдорфъ, ночевалъ по близости опъ сего города въ небольшомъ селеніи на постояломъ дворѣ. Нашелъ тамъ Прусскаго офицера съ солдапами, набравшаго рекрушовъ. Здѣсь случилось съ нимъ странное произшествіе. Путникъ нашъ показался Прусакамъ годною рыбою на ихъ уду. Офицеръ просилъ его учпивымъ образомъ сѣсть подлѣ себя, опужинашь съ его

подчиненными, и вмѣстѣ выпить, такъ ими называемую, *круговую рюмку*. Въ продолженіе спола разхваливали ему Королевскую Прусскую службу. Нашъ пупникъ такъ былъ упопчиванъ, что не могъ помнишь, что происходило съ нимъ ночью. Пробудясь, увидѣлъ на плашѣ своемъ красной воротникъ; снялъ его. Въ карманахъ оцупалъ нѣсколько Прусскихъ денегъ. Прусской Офицеръ назвавъ его храбрымъ солдашомъ, далъ ему между шѣмъ знашь, что конечно сыщеть онъ счастье, начавъ служишь въ Прусскомъ войскѣ. Подчиненные Офицера сего именovali его братомъ... „*Какъ*, опивѣчалъ „*Ломоносовъ, я вашъ братъ? я Россіянинъ, сѣдовательно вамъ неродня...*„ „*Какъ?* закричалъ ему Прусской урядникъ, развѣ ты не совсѣмъ выпался, „или забылъ, что вчера съ всѣхъ насъ „вспунилъ въ Королевскую Прусскую „службу; билъ съ Г. Поручикомъ по „рукамъ; взялъ деньги, пилъ съ нами „круговую рюмку за свое и полку нашего здоровье, и побрагался съ нами? „Не унывай шолько, и не думай ни о „чемъ, шебъ у насъ полюбишься; дѣлина „ты доброй, и годишься на лошадь..

Такимъ образомъ бѣдной нашъ Ломоносовъ сдѣлался Королевскимъ Прусскимъ Рейтаромъ. Палка Пруссаго Вахмистра запечатлѣла у него успа. Дни чрезъ два опшведень былъ въ крѣпость Вессель съ прочими рекрутами, набранными по окрестностямъ.

Принялъ однакоже самъ въ себѣ швердое намѣреніе вырваться изъ пшякаго своего собшоянія при первомъ случаѣ. Казалось ему, что за нимъ болѣе присматриваютъ, нежели за другими рекрутами. Спалъ припворяться веселымъ и полюбившимъ солдатскую жизнь. Къ счастью не поставили его посшоемъ въ городъ, а держали въ караульнѣ, гдѣ онъ и спалъ на нарахъ.

Караульня находилась близко вала, заднимъ окномъ была къ скапу. Замѣшивъ онъ шо, и высмотрѣвъ другія удобности къ задуманному побѣгу, оной предпринялъ и совершилъ сшасшливо.

На каждой вечеръ ложился онъ спать весьма рано, высыпался уже, когда другіе на марахъ были еще въ первомъ снѣ. Пробудясь по полуночи и примѣшя, что всѣ еще спали крѣпко, вылѣзъ, сколько могъ лише, въ заднее окно; взползъ на

валъ, и пользуясь темнотою ночи, влекся по оному на чепверенкахъ, чтобы не примѣтили того спявшіе на валу часовые. Переплывъ главной ровъ, а за вѣшними укрѣпленіями и рavelинной, проминовалъ съ крайнимъ трудомъ конпрескарпъ, покрышой ходъ, палисадникъ и гласисъ, и увидѣлъ себя наконецъ на полѣ: оспавалось зайти за Прусскую Границу. Бѣжалъ изо всей силы съ цѣлою Нѣмецкую милю. Плащѣ на немъ было мокро. Спало между плѣмъ свѣшалъ. Услышалъ пушечной выстрѣлъ изъ крѣпости, обмѣтайной знакъ погони за ушедшимъ рекрупомъ. Овладевшей имъ страхъ придалъ силы. Ударился бѣжать, сколько могъ, скорѣе. Непрестанно оглядываясь, завидѣлъ вдали скачущаго за собою чelовѣка во весь опоръ; но успѣлъ однакожь онъ между плѣмъ перебѣжать за Вестфальскую границу.

Обошелъ изъ предосторожности Епископское селеніе находившимся поблизку лѣсомъ; оспановился въ немъ отдохнупъ; сушилъ мокрое свое плащѣ; проспалъ спокойно до полудни. Возспановя такимъ образомъ силы свои, пушпился въ пушь, и прибылъ чрезъ Арнгеимъ и

*

Упрехпъ въ Амстердамъ, назывался вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ Спуденпомъ.

Въ послѣднемъ городѣ Россійскій Императорскій повѣренной въ дѣлахъ Г. Ольдекопъ изрядно его принявъ, отправилъ сходственно съ его желаніемъ въ Гагу къ Россійскому Послу Графу Головкину на шлюпкѣ. Сей Графъ доволенъ былъ его чрезъ нѣсколько дней всемъ нужнымъ, и давъ на дорогу денегъ, отослалъ обратно въ Амстердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобной случай отправиться моремъ въ Санктпетербургъ.

Еще до отъѣзда своего изъ Гаги уведомилъ онъ оставленную въ Марбургѣ жену свою чрезъ письмо о приѣздѣ своемъ въ Голландію къ Россійско-Императорскому Послу Графу Головкину, и чѣмъ не писала къ нему прежде, пока не дастъ ей знать о будущемъ своемъ состояніи и о мѣстѣ своего пребыванія. Послѣ не могъ болѣе года переписываться съ нею можетъ быть для того, что по приѣздѣ въ Петербургъ 1741 года, гдѣ скоро пожаловали его Адъютантомъ, обстоятельства не позволяли объявить, что онъ женатъ, да и не сказывалъ о томъ никому. Жену съ дочерью

по дороговизнѣ жизни Пешербургской не въ соспоянїи былъ содержатъ своимъ жалованьемъ.

На возвращеніи своемъ пущи моремъ въ опечество единожды приснилось ему, что видишь выброшеннаго по разбиіи корабля опца своего на необитаемой оспровъ въ Ледовишомъ Морѣ, къ копорому въ молодости своей былъ нѣкогда съ нимъ занесенъ бурю. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. По прибытіи въ Пешербургъ первое его попеченіе было наѣдаться опъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ опцѣ своемъ. Нашелъ памъ роднаго брата своего, и услышавъ опъ него, что опецъ ихъ того же года по первомъ вскрытіи водъ опправился по обыкновенію своему въ море на рыбной промыселъ; что минуло шому уже чешыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели поѣхавшихъ съ нимъ еще не воропились. Сказанной сонъ и брапніа слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣреніе просишься въ оппускъ ѣхати искаць опца на топъ самой оспровъ, копорой видѣлъ во снѣ, чтобы похоронить его съ

должною чѣстію, еспли подлинно найдеть шамъ тѣло его.

Но обстоятельства не позволили ему произвестъ намѣренія сего въ дѣйство. Принужденъ былъ послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ письмомъ къ тамошней артели рыбаковъ, усиленно ихъ въ ономъ прося, чтобъ при первомъ выѣздѣ на промыселъ заѣхали къ острову, коего положеніе и видъ береговъ почно и подробно имъ описалъ; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ тѣло отца его, такъ бы предали землѣ.

Люди сіи не ошреклись исполнить прозъбы его, и въ ту же осень нашли подлинно тѣло Василя Ломоносова почно на томъ пустомъ островѣ, и погребши, возложили на могилу большой камень. Наслушавшею зимою былъ онъ о всемъ томъ извѣщенъ. Внутренняя его скорбь давно уже многими примѣченная, превратившись въ явную, со временемъ умѣрилась.

Умножилась его прилѣжность къ наукамъ и прудолубіе. Сочинилъ разсужденіе о Натуральной Исторіи и Химіи, доказавшія чинамъ Академіи изыщность

его ума и глубокость его знанія, приобрѣтшія ихъ къ нему уваженіе и открывшія ему путь къ достоинству Химіи Профессора.

Между тѣмъ оставленная въ Марбургѣ его жена ожидая вѣщаго отъ него письма цѣлые два года, не знала, куда онъ дѣвался. Въ такомъ страхѣ и неизвѣстности наконецъ въ 1743 году въ Февралѣ мѣсяцѣ подала письмо Россійско-Императорскому въ Гагѣ Министру Графу Головкину, чрезъ котораго получила она, какъ выше упомянуто, первое мужнино письмо; онымъ просила, чпобъ сдѣлалъ съ нею милость, упѣшилъ ея печалію снѣдаемое сердце и облегчилъ бы бѣдственное ея состояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находится мужъ ея Россійской студентъ Ломоносовъ; еще ли у него въ Гагѣ или въ иномъ мѣстѣ? приобщила къ шому письмо и къ мужу.

Графу Головкину извѣстно было только, что Ломоносовъ за два уже предъ тѣмъ года выѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ, гдѣ и находится ему надлежало. Охотно взялъ на себя переслать послѣднее письмо, написавъ и отъ себя собственнѣнно къ Канцлеру Графу Беспу-

жеву въ Пешербургъ , прося его объ опвѣщѣ.

Графъ Беспужевъ приказалъ оіпнести письмо къ Ломоносову, и взявъ для пересылки къ женѣ его опвѣщѣ.

Никто въ Пешербургъ не думалъ, чтобы Ломоносовъ былъ женатъ. По проченіи письма сего вырвались у него слѣдующія слова: *Боже мой! могу ли я ее покинуть? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сего времени не только вызвать ее сюда, но и писатъ къ ней. Телерь же пусть она придетъ: завтра же пошлю сто рублей на дорогу. Что и исполнилъ дѣйствительно.* Изъ Канцеляріи Графа Беспужева послано было письмо его и' деньги къ Графу Головкину въ Гагу, а опъ него въ Марбургъ. Тогоже года лѣпомъ прибыла жена Ломоносова съ дочерью и брапомъ на Любскомъ кораблѣ въ Пешербургъ; и нашла обрадовавшагося приѣздомъ своимъ мужа весела и здорова. Жилъ онъ тогда въ Академическомъ домѣ подлѣ Химической лабораторіи.

Что Ломоносовъ въ 1746 году произведенъ Химіи и Экспериментальной Физики Профессоромъ, что вовсе переспро-

илъ Академическую лабораторію по новѣйшему и лучшему расположенію ; что многіе дѣлалъ опыты и новыя открытія ; такъ же какія Академическія сочиненія писалъ и читалъ въ собраніяхъ Академіи ; какія изящныя похвальныя рѣчи говорилъ Великому ПЕТРУ и Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ; какіе прекрасные и сильные сочинялъ списки ; какія книги , напр: Риторіку , Россійскую Грамматику , руководство къ горному строенію и заводамъ ; какія издалъ въ печать трагедіи въ спискахъ Россійскихъ , и какую Россійскую Исторію : все это не суть анекдоты , но труды повсюду извѣстные . Видѣть ихъ можно по порядку въ печатныхъ его сочиненіяхъ и въ прошколахъ Академическихъ Канцеляріи и Конференціи . Дарованіями и трудами своими снискалъ онъ Всевысочайшую къ себѣ милость блаженной памяти Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ . Во всенародное похвалу доказательство пожалована ему была сею Государынею дача *Коровалдай* на Финскомъ заливѣ , и взысканъ чинами сдѣла Коллежскаго , а по томъ Императрицею Екашериною II и Спашскаго Со-

вѣшника. Достоинства его уважены были опмѣнно при Дворѣ и опъ знапныхъ особъ Государства, какъ напр: опъ Канцлера Графа Михайлы Ларіоновича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и Графа Пепра Ивановича Шуваловыхъ, опъ тогдашняго Академическаго Президента Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, опъ своихъ и иностраннхъ славныхъ ученыхъ мужей и обществъ, изъ коихъ нѣкопоры имѣли его своимъ членомъ, какъ по Стокгольмская Академія наукъ, славное Бононское общество, и еще иныя.

Къ анекдотамъ касающимся до Г. Ломоносова, изъ копорыхъ многихъ Г. Статской Совѣшникъ Шшелинъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, надлежитъ приобщить и слѣдующей. Ломоносовъ увидѣвъ въ первой разъ въ жизни своей мозаическую каршину, изображающую плачущаго Апостола Пепра, подаренную въ Римѣ Папою Климентомъ Ламберпиномъ Канцлеру Графу Воронцову, восхотѣлъ такую же сдѣлать и въ Россіи. Разсмотрѣвъ прилжно составленіе оной, дѣлалъ самъ въ плавильной своей печи изъ спекла вспа-

вные камни разныхъ цвѣтовъ и пѣней. Соспавилъ попребный къ работѣ сей ма-
спикъ и изобразилъ довольно изрядно
для первой въ Россіи сдѣланной мозаи-
ческой карпины лице Петра Великаго
съ Дангауерова подлинника. По шомъ не-
престанно занимался симъ художествомъ.
Предпріалъ наконецъ по Сенапскому у-
каау сочиненіе большой мозаической
карпины величиною въ 12, а шириною
въ 8 фузовъ, представляющія сраженіе
подъ Полтавою, въ кошорой бы люди
напереди были видны во весь человѣче-
ской ростъ. Столь великая карпина, по-
добно какъ и многія другія, долженство-
вала бытъ поспавлена на украшеніе вну-
шреннихъ стѣнъ Санкшпепербургской
церкви св. Апостоль Петра и Павла.
Окончана имъ была чрезъ два года и нѣ-
сколькомѣсяцовъ съ нарочишымъ успѣхомъ.

Превосходству учености его, важно-
сти и красотѣ его пера отдавалъ справед-
ливостъ покойной дѣйствительной Спаш-
ской Совѣтникъ и Кавалеръ Александръ
Петровичъ Сумароковъ (*), не взирая на

(*) Смощри спраницу IX.

всегдашнюю и непримиримую съ нимъ вражду свою.

Ломоносовъ скончался на преній день свящыхъ Пасхи 1765 года. За нѣсколько дней предъ своею кончиною говорилъ онъ Господину Совѣшнику Шпеллину: „другъ мой! я примѣчаю, что мнѣ „скоро умереть: на смерть взираю радостно; но сожалею только о томъ, „что не успѣлъ довершить, что началъ „для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнуть вѣспѣ со мною.“

Во время великолѣпныхъ его похоронъ, на которыхъ были Новгородской и Санктпетербургской Архіепископы со многими знашнымъ духовенствомъ, нѣкоторые Сенаторы и иныя знашныя особы, былъ и всегда не любившей его Г. Сумароковъ.

Всѣ оставшіяся послѣ Ломоносова бумаги выпросивъ Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ у вдовы его себѣ, поручилъ собрать Григорью Васильевичу Козицкому и заперѣть въ особомъ покоѣ своего дома.

Чрезъ нѣсколько времени по смерти Ломоносова Канцлеръ Графъ Воронцовъ изъ уваженія заслугъ его къ отечеству, вознамѣряся поставишь надъ гробомъ его въ Невскомъ Монастырѣ мраморный столпъ съ надписью, поручилъ Спашскому Совѣшнику Штелину нарисовать изображеніе камня по Флорентинскому размѣру и сочинишь надпись. Памятникъ сей иждивеніемъ его сіятельства выработанъ былъ въ Ливорнѣ изъ Каррерскаго бѣлаго мрамора точно по рисунку съ высѣченными прописями, и по привезеніи въ Петербургъ воздвигнуть надъ пѣломъ Ломоносова въ помянутомъ Монастырѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

СОЧИНИТЕЛЕВО

О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ

въ языкъ Россійскомъ.

Въ древнія времена когда Славенскій народъ не зналъ, упошребленія письменно изображающъ свои мысли, кошорыя погда были шѣсно ограничены для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій ученымъ народамъ извѣстныхъ; погда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ чипаемъ. Сіе богатство больше всего приобрѣшено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Ошмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова кодь высоко почищается, о шомъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѣеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, ви-

пійспровали великіе Христіанскія церкви учили и шворцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и цареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣшь можно выикнув-шимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы ошъ перевода вѣтхаго и новаго завѣша, поученій опеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскина и другихъ шворцевъ канонъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и опшуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собшвеннымъ своимъ доспашкомъ велико и къ припцію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго, сродно. Правда, чпо многія мѣста онихъ переводовъ недовольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хоща нельзя прекословишь, чпо съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно осперечься, чшобы не принявъ въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку спранныхъ; однако оныя чрезъ долгошу времени слуху Славенскому переспали бытъ прошивны, и вошли въ обычай. И шакъ, чпо предкамъ

нашимъ казалось невразумительно , по намъ нынѣ спало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклонясь издавна въ Каполицкую вѣру, опирающу службу по своему обряду на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія по большей части опъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни опъ Рима не могли снискашь подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ опъ Греческаго приобрѣнены. Нѣмецкой языкъ по то время былъ 'убогъ, просъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинской. Но какъ Нѣмецкой народъ спалъ священныя книги чипашъ и службу слушашъ на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ Каполицкихъ обласяхъ, гдѣ только одну Латынь и то варварскую въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человеческимъ изображаются, различеству-

юшъ по мѣрѣ разной своей важности ; шакъ и Россійскій языкъ чрезъ упо^требленіе книгъ церковныхъ по прилично^{ст}и имѣетъ разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сіе произ^ходитъ отъ шрехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причисляются, кошорыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще упо^требительны, на примѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*. Ко второму принадлежащъ, кои хоща обще упо^требляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людемъ вразумительны, ни примѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупо^требительныя и весьма обещшалаыя отсюда исключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и сямъ* подобныя. Къ шретьему роду относятся, кошорыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, шо есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: *говорю, ругей, которой, лока, лишь*. Выключающся отсюда презрѣнныя слова, кошорыхъ ни въ какомъ шцилѣ употребиць непристойно, какъ шолько въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго упо^требленія и разбора сихъ шрехъ родовъ реченій

раждаются при шпиль: *высокой, посредственной и низкой*. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть, употребительныхъ въ обѣихъ нарѣчїяхъ, изъ Славенскихъ Россїянамъ вразумительныхъ и нѣ весьма обещшальныхъ. Симъ шпилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матерїяхъ, которыми они ошъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ шпилемъ преимущесвуесть Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средней шпиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ шпилѣ употребительныя, однако съ великою оспорожностію, чтобы слоги нѣ казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако осперегаются, чтобы не опустились въ подлоссть. И словомъ, въ семъ шпилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо шѣмъ теряется, когда реченіе

Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Символъ пишущаго всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ пребудетъ обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода шпиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ по потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжныхъ должно отъ того удаляться. Спихотворныя дружескія письма, саширы, эклоги и элегіи сего шпиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой шпиль принимаетъ рѣченія прешьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ вообще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до

*

нарочнаго наспавленія о чистотѣ Россійскаго шпіля.

Сколько въ высокой Поезіи служатъ однимъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причасіями и дѣпричасіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупотребительными; по всякъ чувствоватъ можеть, кто въ сочиненіи стиховъ испышалъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе вопервыхъ по мѣсту.

Народъ Россійскій по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее розстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напрошивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, на примѣръ въ Германіи Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго; или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ

народами Славенскаго по́коленія, копорые Греческаго исповѣданія держашся. Ибо хощя раздѣлены опъ насъ иноплеменными языками; однако для упошребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорящъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, копорой весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ опъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку больше семи сощъ лѣтъ не сполько опмѣнился, чѣобы спараго разумѣть не можно было: не пакъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣють языка, копорымъ предки ихъ за чепыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны случившейся чрезъ шо время.

Разсудивъ шаковую пользу опъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ опечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрять собственымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжаніемъ чипали всѣ церковныя книги, опъ чего къ общей и къ собственной

пользѣ воспослѣдуетъ : 1) по важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвысишь. 2) Будешь всякъ умѣешь разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употребляшь ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ спарательнымъ и оспорожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ отвращаясь дикія и спранныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и по еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительнѣе, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняють. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердился, коль долго цер-

ковъ Россійская славословіемъ Божиимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое ^{2-е}напоми^{на}ніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію Опечесства природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей немало запмишся слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Испанской, Галской, Брипанской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ часпяхъ свѣща у безграмотныхъ жишелей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и памъ Герои, бывали опимѣнныя дѣла въ обществвахъ, бывали чудныя въ напурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Гораций говоритъ :

Герои были до Ашрида;
Но древность скрыла ихъ опъ насъ,
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертннй спихопворцевъ гласъ. (*)

(*) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrimabiles
Vrgentur, ignotique longa
Noctе, carent quia vate sacro.

Новат: Od: lib: IV. od: 8.

Счастливы Греки и Римляне предъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ опдаленныхъ вѣкахъ слышанъ громкой гласъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ опечесствомъ. Послѣдовавшіе поздние попомки, великою древностію и разстояніемъ мѣспъ опдѣленные, внимають имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ чипаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Капилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему Опечесству опъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедрошою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не

дадутъ никогда припши въ упадокъ Россійскому слову. Спанутъ чипать самые опдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣка, и равно, какъ мы, чувствоватъ сердечныя движенія. Какъ не бытъ нынѣ Виргиліамъ и Гораціамъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знашныхъ и Меценату подобныхъ предсатпелей, чрезъ ходатайство которыхъ Ея отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселился своимъ симъ украшеніемъ, и показываесть оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на бодрое котораго попеченіе и усердное предсательство твердую надежду полагаютъ Россійскія Музы о высочайшемъ покровительствѣ.

П И С Ь М О
О П Р А В И Л А Х Ъ
РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА. (*)

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Ода , копорую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное естъ , какъ только превеликія оныя радости плодъ , копорую непобѣдимѣйшія наша МОНАРХИИ преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбуждала. Моя продерзость васъ неискуснымъ перомъ упруждаю только оупъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходишъ. Подлинно , что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ лучше бы мнѣ молчать было. Ода .

(*) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ письма сего видно, что Авторъ писалъ его въ скороспи по сочиненіи оды на побѣду надъ Турками и Ташарами, шо естъ 1739 года. Оно еще нигдѣ не напечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санкт-петербурга. Примѣч: издателя.

нако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространѣнію и исправленію Россійскаго языка и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ стихошворствѣ недовольную способность извинишь, а доброе мое намѣреніе за благо примешь, дерзнулъ я наималѣйшій сей мой трудъ купно со слѣдующимъ *о нашей версификаціи вообще разсужденіемъ* вашему предложишь искусству. Не приспирасіе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правила давалъ, но искреннее усердіе заставило опъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по копорымъ донынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И пакъ, начиная оное, вамъ мои государи, предлагаю, прежде кратко объявлю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется бытъ сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносишь.

Вшорое, чѣмъ Россійской языкъ изобилень, и чпо въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того, смотря на скудоспъ другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихсѣ спихотворцевъ, не опшимапъ, но какъ собственное и природное употреблѣнпѣ надлежипъ.

Третіе: понеже наше спихотворство шолько лишь начинается; того ради, чшобы ничего неугоднаго не ввеси, а хорошаго не оспавипъ, надобно смотрѣпъ, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.

На сипъ прехъ основаніяхъ утверждаю я слѣдующія правила :

Первое, въ Россійскомъ языкѣ пѣ шолько слоги долги, надъ копорыми спойпъ сила; а прочіе всѣ крапки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показывается. Того ради совсѣмъ худо и свѣйству Славенскаго языка, копорой съ нынѣшнимъ нашимъ немного разнишѣ, прошивно учинилъ Смприцкій, когда онъ е, о, за коропкія; а, і, ѵ, за общія; и, ѣ, ѡ, съ нѣкопорыми двугласными и со всѣми гласными, чпо предъ двумя или многими согласными спояпъ, за долги почель. Его, какъ изъ

перваго параграфа его просодіи видно , обманула Матѣея Сприковскаго. Сарматская Хронологія ; или онъ , можешь быть , на сихъ Овидіевыхъ`спихахъ утверждался: de Ponto Lib: IV. Eleg: 13.

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poetæ
Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ежели Овидій , будучи въ ссылкѣ въ Томахъ , .спариннымъ Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сарматскимъ языкомъ спихи на Латинскую спать писалъ: по опкуду Славенскія Грамматики Авшору на умъ пришло долгоспъ и крапкоспъ слоговъ совсѣмъ Греческую , а не Латинскую принять, не вижу. И хощя Овидій въ своихъ спихахъ по обыкновенію Латинскихъ спихотворцевъ спѣцы, и, сколько изъ сего Гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi.
ididem.

заклучишъ можно , двоесложныя и проесложныя въ героическомъ своемъ поэматѣ употреблялъ: однако шоль высокаго разума пища , не надѣюсь , что такъ погрѣшилъ , чтобы ему долгоспъ

и крапкость слоговъ, Лапинскому, или Греческому языку свойственную, въ онѣе списки ввеси, кошорые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оной языкъ опъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ: то употреблялъ оспроумный шопъ спиховорецъ въ спискахъ своихъ не иные, какъ шолько шѣ за долгіе слоги, на кошорыхъ акценшъ спойшъ, а прочіе всѣ за крапкіе. Слѣдовашельно гексаметры, употребляя вмѣсто Спондеевъ для ихъ малости Хореи, шѣмъ же образомъ писалъ, кошорымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Щаслива красна была весна, все лѣшо пріятно;
Только мушился песокъ, лишь бѣлая пѣна
кипѣла.

А пеншаметры :

Какъ обличаешь, смотри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся шого подопнушь.

**А не такъ, какъ Славенскія Грамматики
Авторъ:**

Сармашски новорасшныя Музы спобу перву
Тщашуюся Парнасъ во обидель вѣчну зашши,
Христе Царю, пріими и благоволи въ шебѣ съ
ощемъ и проч.

Сии стихи коль Славянскаго языка свойству прошивны, всякъ видѣшь можешъ, кпо оной разумѣешъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочипашъ, въ копорыхъ всѣ односложныя слова за долгія почишающся. Причина сего всякому Россіянину извѣсна. Кпо будетъ просягаешъ единасложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣстоименія и нарѣчія, споя при другихъ словахъ, свою силу теряють, на примѣръ : за сто лѣшь ; подъ мостъ упалъ ; реветъ какъ левъ ; что ты знаешъ ? По оному Королларію, въ копоромъ сіе правило щасливо предложено, сочиненные стихи, хопя бытъ гексаметрами, въ испые и изрядные, изъ Анапестовъ и Хореевъ состоящіе, пеншаментры попали, на примѣръ :

— — — — —
Невозможно сердцу, ахъ ! не имѣшь печали.

По моему мнѣнію наши единасложныя слова иныя всегда долги, какъ : Богъ, храмъ, свящъ ; иныя крапки, на примѣръ союзы : же, да, и ; а иныя иногда крапки, иногда долги, на примѣръ : на моръ, по году, на волю, по горъ.

Второе правило : во всѣхъ Россійскихъ правильныхъ стихахъ , долгихъ и короткихъ , надлежитъ нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя употреблять. Оныя каковы бытъ должны, свойство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учить. Доброхотная природа какъ во всемъ , такъ и въ оныхъ довольное Россіи дама изобиліе. Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство , такъ что въ наши стихи безъ всякаго нужды двосложныя и проесложныя стопы внести, и въ томъ Грекамъ , Римлянамъ , Нѣмцамъ и другимъ народамъ въ версификаціи правильно поступающимъ послѣдовать можемъ. Не знаю, чего бы ради инаго наши гексаметры и всѣ другіе стихи съ одной стороны такъ запереть , чтобы они ни больше , ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли ; а съ другой такую волю дать , чтобы вмѣсто Хорея свободно было положить Ямба , Пиррихія и Спондея , а слѣдовательно и всякую прозу стихомъ называть , какъ только развѣ послѣдуя на примѣры кончающимся

Польскимъ и Французскимъ спрочкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можетъ. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, которыхъ о правильномъ порядкѣ тѣхъ же шворцы не радѣють? Французы, которые во всемъ хопяшъ натурально поступать, однако почти всегда проливно своему намѣренію чиняшъ, намъ въ помъ, что до спощъ надлежитъ, примѣромъ бышъ не могутъ: понеже надѣясь на свою фантазію, а не на правила, поль криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеивають, что ни прозой, ни стихами назватъ не лзя. И хопя они шакъ же, какъ и Нѣмцы, могли бы спощы употреблять, что сама природа иногда имъ въ рошъ кладетъ, какъ видно въ первой спрофѣ оды, которую Боало Денро на сдачу Намура сочинилъ :

*Quelle docte et sainte yvresse,
 Aujourd'hui me fait la loi?
 Chastes Nymphes du Permesse etc.*

Однако нѣжные тѣ господа на по не смотря, почти одними приемами себя

Д

довольствуюсь. Пристойнымъ весьма символомъ Французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подѣ видомъ нѣкошорыя женщины, кошорая сугорбившись и раскарячившись, примузыкѣ играющаго на скрипцѣ Саша-рананцуепѣ. Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ непокомо бодростию и героическимъ звономъ Греческому, Латынскому и Нѣмецкому не уступаепѣ; но и подобную онимъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можепѣ. Сіе поѣ долго пренебреженное счастье, чѣобы совсѣмъ въ забвеніи не оспалось, умыслилъ я наши правільные стихи изъ нѣкошорыхъ опредѣленныхъ спопѣ составлять, и опѣ шѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ шрехъ языкахъ обыкновенно, онимъ имена дапѣ.

Первой родъ стиховъ называю *Ямбическимъ*, кошорой изъ однихъ поѣлько Ямбовъ соспоипѣ :

— — — — —
Бѣлѣпѣ будпо снѣгъ лицомъ.

Второй *Анапестическимъ*, въ кошоромъ поѣлько одни Анапесты находяпѣся:

Начертанъ многократно въ бѣгущихъ
волнахъ.

Третій изъ *Ямбовъ и Анапестовъ*
смѣшаннымъ, въ копоромъ по нуждѣ,
или произволенію, поспавлены бышь
могушь, какъ случишся.

Во пищу себѣ червей хвапашъ.

Четвершій *Хорегескимъ*, копорой
одни Хореи соспавляютъ:

Свѣшъ мой, знаю, что пылаешь.

Мнѣ моя не служишь доля.

Пятой *Дактилегскимъ*, копорой
изъ единыхъ только Дактилей соспоятъ:

Вьешся кругами змѣя по правѣ обно-
вившись въ разсѣлинь.

Шестой изъ Хореевъ и Дактилей
смѣшаннымъ, гдѣ по нуждѣ, или по из-
воленію ту и другую употреблать мо-
жно спопу.

Ежель боишся, ктобъ не спалъ бышь си-
лень безмѣрно.

*

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ Гексаметровъ, столькожъ родовъ *Пентаметровъ*, *Тетраметровъ*, *Триметровъ* и *диметровъ*, а слѣдовательно всѣхъ тридцать родовъ.

Неправильными и вольными стихами тѣ называю, въ которыхъ вмѣсто Ямба, или Хорея можно Пиррихія положить. Оные стихи упошребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ бытъ надлежитъ. Напримѣръ въ семь стихъ вмѣсто Ямба положенъ Пиррихій:

— — — — —
Цвѣты румянецъ умножайше.

А здѣсь вмѣсто Хорея:

— — — — —
Солнцева сестра забыла.

Хорея вмѣсто Ямба и Ямба вмѣсто Хорея въ вольныхъ стихахъ упошребляю я очень рѣдко, да и по ради необходимости, или великія скорости: понеже они совсѣмъ другъ другу противоположны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видѣтся, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ упошреблять и

оставлять можно. Долженствуешь ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только опдыху быть неопмѣнно, то можешь разсудить всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оспавить позволено, кто однимъ духомъ принадесяи слоговъ прочиашь не можешь. За наилучшіе, велѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скорость и тихость дѣйствія и состоянія всякаго приспрасія изобразишь наиспособнѣйшіе, оныя стихи почишаю, которые состоятъ изъ Анапестовъ и Хореевъ.

Чиспыя Ямбическіе стихи хотя и прудновато сочиняшь; однако поднимаясь тихо въ верхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употребляшь, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ Хореевъ и Дактилевъ составленные стихи къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій быть видятся. Примѣръ скорого и ярого дѣйствія:

Брезна кашайше на верьхъ, каменья и горы валише,
Лѣсъ бросаيشе, живучей выжавъ духъ, задавише.

Прочіе роды стиховъ, разсуждая по состоянію и важности матеріи, такъ же очень пристойно употреблять можно, о чемъ подробнѣе упоминаю для краткости времени оставляю.

Третье : Россійскіе стихи красно и свойственно на *мужескія, женскія, и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія Рiemы*, подобныя Италіанскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только одни женскія Рiemы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескія и опъ претяго слога начинающіяся заказаны; однако сей заказъ поль праведень и нашей версификаціи такъ свойственъ и природень, какъ ежели бы-кто обѣими ногами здоровому чело-вѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуда пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ Польскимъ Рiemамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ Польскія слова, вы-

ключая нѣкоторыя односложныя, силу надъ предпоследнемъ слогѣ имѣють. Въ нашемъ языкѣ столь же довольно на послѣднемъ и предшлемъ, жоль надъ предпоследнемъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находилъ: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякаго причины самовольную нищету перыть, и только одними женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, проегласныхъ усиліе и высоту ославлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія Рiemы столь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы свѣтъ на прим. сіи женскія Рiemы: *красовуляхъ, ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ, высокъ*, были? по моему мнѣнію подлость Рiemъ не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣють; но что оныхъ слова подлое или простое что либо значать.

Четвертое: Россійскіе стихи также къ сплани красно и свойственно сочетываться могутъ, какъ и Нѣмецкіе. Понемѣ мы *мужескія, женскія и трехгласныя*

риемы имѣть можемъ; по улаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивашь пристойно велишъ; что я вѣдѣши во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто одни женскія Ріемы употребляетъ, сочешаніе и перемѣшка стиховъ спранны кажутся; однако ежелибы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же приятно и красно, какъ въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужская Ріема предъ женскою не показала, какъ дряхлой, черной и деваносполѣтней спарой Арацъ предъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣтномъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ моихъ стиховъ въ примѣръ стиловъ и сочешанія. Тетраметры изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардишся,
 Вылетаетъ вспылчиво хищный вспокъ,
 Глаза кровавы, самъ вершишся;
 Удара не сносишь Сѣверъ въ бокъ,

Господство даетъ своему побѣдителю,
 Пресильному водѣ морскихъ возбужденію.
 Свои шопъ зыби на прежни возводишь,
 Являешь полношь силъ своей,
 Что южной спраной владѣешь всей,
 Индійски быстро острова проходишь.

Вольные возставающіе Тетраметры :

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
 Однако съ нимъ любовь моя.
 Хошь я не самъ шоя причина,
 Люблю Мирпиллу, какъ себя.

Вольные падающіе Тетраметры :

Нимфы около насъ кругами
 Танцовали поючи,
 Всплескиваячи руками',
 Нашей искренней любви
 Веселяся, привѣчали,
 И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры :

Весна тепло ведѣшь,
 Пріятной Западъ вѣешь,
 Всю землю солнце грѣешь;
 Въ моемъ лишь сердцѣ лёдъ,
 Грусь прочъ забавы бѣешь.

Но, мои государи, опасаяся, чтобы
 неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ
 очень долго не наскучишь, съ покорнымъ

прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку не-свойственны и непристойны, меня извинишь. Не съ инымъ какимъ намѣреніемъ я сіе учинишь дерзнулъ, какъ только чпобы оныхъ благосклонное иоправление, или безпристрастное подкрѣпленіе для большаго къ Поэзіи поощренія опъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюся.

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Вашъ покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

О Д Ы
Д У Х О В Н Ы Я.

О Д А І.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА І.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочешь грѣшнымъ въ сѣдѣ сплунать,
И съ шѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣсѣ засѣдаешь. (1)

Но мысль и волю (2) подвергаешь
Закону Божію во всемъ,
И точно (3) оный наблюдаешь
Во всемъ печеніи своемъ.

Какъ древо онъ распространился,
Что близъ текущихъ водъ расцветъ,
Плодомъ своимъ обогатился,
И листъ его не опадаетъ.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

-
- (1) Въ согласныхъ мысляхъ засѣдаешь.
(2) Но волю шокмо.
(3) И сердцемъ.

Часть І.

1

И такъ злодѣи не возстанушъ
Предъ Вышняго Творца на судъ,
И праведны не вспомянушъ
Въ своемъ соборѣ ихъ опниудъ.

Господь на праведныхъ взираешъ,
И ихъ въ пуши своемъ хранишъ;
Ошъ грѣшныхъ взоръ свой опаращаешъ,
И злобный пушъ ихъ погубишъ.

О Д А И.

Преложение псалма 14.

•

Господи! кто обижаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ побою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду всегда хранитъ,
И неслепымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

Кто устами льститъ не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ съсей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дасть сребро спыдишся,
Мзды съ невинныхъ не берешь.
Кто на свѣтъ пакъ жить шлѣпится,
Тотъ во вѣки не падешь.

*

О Д А III.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 26.

Господь спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюсь?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ:
Кого я усрашуся?

Чтобъ въ (1) злобъ плоть мою пожрать,
Противны устремились.
Но злой навѣтъ (2) хоща начашъ,
Упадши, сокрушились.

Хощь полкъ противъ меня возсѣсть;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнуть брань;
На Бога полагаюсь.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселишься;
И больше въ свѣтъ не ищю,
Какъ въ ономъ веселишься.

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злыя окружали.

(1) Во злобъ.

(2) Совѣтъ.

Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жершву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю.

Я къ (1) свѣшу швоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И опъ всецѣдраго Творца
Принимаю лучъ всѣдневный.

Опъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не опшрашися;
Да въздешъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвъ укропшися.

Меня оставилъ мой опецъ
И мапъ еще въ младенствѣ;
Но восприялъ меня Творецъ,
И даль жишъ въ благоденствѣ.

Наспави, Господи, на пушь
Святымъ швоимъ закономъ,
Чшобъ врагъ не могъ поколебнушь
Крѣпющагося въ ономъ.

(1) Ко свѣшу.

Меня въ сей жизни не опдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницею покрывай
Опшъ клеветашей ложныхъ.

Я чаю видѣшь на земли
Всевышняго щедроты
И не лишишься шикола
Владычнія доброты.

Ты сердце духомъ укрѣпясь,
О Господѣ мужайся,
И бѣдшвіемъ не колеблѣсь,
На Бога полагайся.

О Д А IV.

Преложение псалма 34.

Суди обидящихъ, Зиждишеть,
И опъ борющихся со мной
Всегдашній буди покровишеть,
Васпушникъ и спасишеть мой.

На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щипъ,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда прошивникъ мнѣ грозишъ.

Сдержи спременение гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ:
Увѣрь въ напасяхъ обшоящихъ,
Чшо я въ покрятіи швоемъ.

Гонишеля да поспыдяшся,
Чшо ищущъ зла души моей,
И съ срамомъ вспяшъ да возвращашся,
Смушившися въ памяти своей.

Да сильный гнѣвъ швой злыхъ возхипишъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ;
И Ангель швой да не защишишъ,
Бѣгущимъ (1) умножая спрахъ,

(1) Бѣгущихъ

Да помрачнѣхся пущь ихъ мглою,
Да будешь ползокъ и разрышь,
И Ангель мспящею рукою
Ихъ въ слѣдъ гоня, да успрашишь.

Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбишь за злобу ихъ,
Чшо на меня ярься (1) напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю,
Въ пущи да будешь сокровень;
Да будешь съшійю своею,
Чшо мнѣ поспавиль, удовлень.

Душа моя возвеселихся
О покровишелъ своемъ,
И радосшію ободрихся
О заспулненіи швоємъ.

Съ Тобою кто себя сравняешъ?
Всѣ кости, Боже мой, гласятъ;
Твоя власъ сильныхъ сокрушаешъ,
Чшо бѣдныхъ разшерзашъ хощашъ.

Уже свидѣтели возспали
Неправедные на меня,
И спыдъ оставивъ, вопрошали
О шомъ, чего не знаю я.

(1) Чшо зляся на меня.

Наносящъ мнѣ вражду и злобу,
Чшобъ тѣмъ мнѣ за добро воздасть,
И бѣдной духъ мой и ушробу
Досадой и шоской перзашъ.

Но какъ они ослабѣвали ;
Тогда ~~воспомъ~~ я и мольбой
Смирять себя, дабы возспали
Противники мои въ покой.

Какъ брату своему я шцился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождашь.
И съшуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держашъ.

Они однако веселяшся,
Какъ видяшъ близъ мою напашъ,
И на меня согласно зляшся;
Гошова ровъ, гдѣ мнѣ уцашъ.

Смященный духъ во мнѣ перзають,
Моймъ паденьемъ льспя себя;
Смѣюшся, нагло укоряють,
Зубами на меня скрыпя.

Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злосшь ихъ будешь Ты взирашь?
Не дай, же дай Ты львову чреву
Живошъ мой до конца пожрашь!

Во храмъ възвѣщу великомъ
Преславную хвалу швою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При шьмахъ народа воспою,

Не дай врагамъ возвеселишся
Неправедной враждой своєю,
Не дай презоршвомъ возгордишся
И помизаніемъ очей.

Хошь мирныя слова вѣщади,
И ласковъ видъ казали вѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли,
И сѣши соплѣтали мнѣ.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно спали восклицашъ,
Смѣяшся, челюсть разширяя:
Намъ радостно на то взирашъ!

Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость:
Ошмши и злобнымъ не сперши,
Ошмши безсовѣстную дерзость,
И опъ меня не ошмшуй.

Возспани, Господи Зиждишель,
Взойди на швой свяшый пресполь;
И буди нашей при рѣшишель,
Спаси опъ несшерпимыхъ золь.

Подвигнись правдою свяшою ,
Суди насъ , Господи , суди ,
Не дай имъ поругаться мною ,
Суди , и мнѣ не снисходи .

Не дай имъ въ злобѣ похвалишься ,
И мнѣ въ ругательство сказашь :
О какъ въ насъ сердце веселился ,
Чшо мы могли его пожрать !

Посрамлены да возмѣянушся ,
Чшо ради злымъ моимъ бѣдамъ ;
И съ верхъ главы да облекушся
Мои прошивны въ спудъ и въ срамъ .

Но шѣмъ дай вѣчную награду ,
Чшо оправдашь меня хошаяъ ;
Взирая на мою опраду ,
Великъ Господь нашъ , говоряъ .

Языкъ мой правдѣ поучишся ,
И истиннѣ свяшой швоей .
Тобой мой духъ возвеселишся ,
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней .

О Д А V.

Преложение псалма 70.

Въ Тебѣ надѣжду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся оупъ спуда.

Свяпою правдою швоею
Избавь меня оупъ злобныхъ рукъ;
Склонись молишвою моею,
И сокруши коварныхъ лукъ.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ спремящихся враговъ,
И брѣнной сей и шлѣнной груди
Сшѣна, защита и покровъ.

Спаси меня оупъ грѣшныхъ власши.
И пресшупившихъ швой законъ,
Не дай мнѣ въ чедюспи ихъ впасши
Зілющи со всѣхъ шпоронъ.

Въ штерпѣнии моемъ, Зиждиптель,
Ты былъ оупъ самыхъ юныхъ дней
Помощникъ мой и покровишель,
Присшанище души моей.

Опѣ чрева машерня Тобою
И опѣ ушробы крѣплень,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возжень.

Враги мои чюдясь, смѣюшся,
Чшо я кругомъ объяшь бѣдой:
Однако мысли не мяшущся,
Когда Господь заспунникъ мой.

Превозносишь швою державу
И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣпіе и славу
Опѣ успѣ да ушпремишся гласъ.

Во время спаросши глубокой,
О Боже мой! не опспуни;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увидши члены укрѣпи.

Враги, кошорые всѣчасно
Погибели моей копяшъ,
Уже о мнѣ единогласно
Между собою говоряшъ.

Погонимъ: Богъ его оспавиль;
Кого онъ можешъ преклонишь?
Опѣ насъ бы кшо его избавиль?
Теперь пора его губишь.

О Боже мой! не удалися,
Покрой меня рукой своей,
И помощь низпослашь пощиси
Объяшой злому душъ моей.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузяшся,
Которые мнѣ ищущъ зла;
Да на главу ихъ обращаешся
Коварства, плевъ и хула.

Надѣжду крѣпку несомнѣнно
Въ Тебѣ единомъ положу,
И прославляя безпремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

Отъ успѣ моихъ распространишся
О истиннѣ швоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчѣшся,
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

Твою я крѣпость, Вседержишель,
Повсюду стану прославляшь;
И что Ты мой былъ покровишель,
Во вѣки буду воспоминашь.

Тобою, Боже, я насцавлень
Хвалишь Тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославлень
Черезъ весь Тобой созданный свѣтъ.

Доколѣ дряхлостъ обращаешься
Не возбранишь моимъ усшамъ,
Твоя въ нихъ крѣпостъ прославляешься
Грядущимъ будешь всѣмъ родамъ.

Твоя держава возвѣспишя
И правда мною до небесъ;
О Боже, кто тебѣ сравнишя
Великимъ множествомъ чудесъ?

Ты къ пропасти меня поспавиль,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обращаешь избавиль
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

Щедрошу Ты свою прославиль,
Меня ушѣнишь восхотѣлъ,
И скоро обращаешь избавиль
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ,

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу щвою,
И на спрунахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспую.

Усна моя возвеселяшя,
Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувства насладишя
Души спасенныя Тобой.

Еще языкъ мой поучишся
Твои хвалиши правошъ,
Коварныхъ сила поспыдишся,
Кошоры ищущъ мнѣ бѣды.

О Д А VI.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 143.

Благословенъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый
И персшы въ брани научивый
Сопрѣшь враговъ вознесенный рогъ.

Заступникъ и спаситель мой,
Покровъ и милость и опрада,
Надѣжда въ брани и ограда,
Подъ власшь мнѣ даждь народъ свяшой.

О Боже! что естъ человекъ?
Что Ты ему себя являешь,
И пакъ его Ты почишаешь,
Кошораго шоль крапокъ вѣкъ.

Онъ упрѣ, вечеръ, ночь и день
Во щещинныхъ помыслахъ проводишь;
И пакъ вся жизнь его проходишь,
Подобно какъ пусшяя пѣнь.

Склони, Зиждишель, небеса,
Коснись горамъ, и воздымашся,
Да паки на земли являшся
Твои ужасны чудеса.

Часть I.

2

И молніей швоей блесни,
Рази ошъ спранъ гремящихъ спрѣмъ,
Разсыпъ враговъ швоихъ предѣмъ,
Какъ бурей плены разлени.

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязь глубокой,
Ты съ шверди длань простри высокой,
Спаси меня ошъ многихъ водъ.

Вѣщаешъ ложъ языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Успя обильны суешою;
Скрываютъ въ сердцѣ злобный ковь.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десятишь спрунъ тебѣ согласно,
Псалмы и пѣсни приношу.

Тебѣ Спасителю Царей,
Чшо крѣпостію меня прославиль,
Ошъ люшаго меча избавиль,
Чшо врагъ вознесъ рукою своей.

Избавь меня ошъ хищныхъ рукъ
И ошъ чужихъ народовъ власши;
Ихъ рѣчь полна щещемъ, напашши,
Рука ихъ въ насъ наводитишь лукъ.

Подобно масличнымъ деревьямъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтають ,
Одѣждой дщери ихъ блистають ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

Пшеницы полны гумна ихъ ,
Несчетно овцы ихъ плодятся ,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Спада въ правѣ воловъ шолсшихъ.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ ,
Вездѣ столпами укрѣпленныхъ ,
Тамъ воля въ спогнахъ нѣтъ смѣсненныхъ ,
Не знаютъ скорбныхъ шамъ времянь.

Щаслива жизнь моихъ враговъ !
Но шѣ свѣщѣе веселятся ,
Ни бурь, ни громовъ не боятся ,
Копорымъ Вышній самъ покровъ.

О Д А VII.

Преложѣніе псалма 145.

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Пошнися, духъ мой, возсылашъ:
Я буду пѣшь въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышашъ.

Никшо не уповай во вѣки
На щещну власшъ Князей земныхъ;
Ихъ шѣшъ родили человекѣ,
И нѣшъ спасенія ошъ нихъ.

/

Когда съ душою разлучашся,
И шѣнна площъ ихъ въ прахъ падешъ:
Высоки мысли разрушашся
И гордосшъ, ихъ и власшъ минешъ.

Блаженъ шощъ, кшо себя врѣчашъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И шокмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высокоу
И непоспигными дѣлами
Земли и моря широшу.

Творящаго на сильныхъ нищу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіюшъ.

Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упавшихъ возвышаетъ,
И любитъ праведныхъ рабовъ.

Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ приемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

О Д А VIII.

Преложение псалма 103 (*).

Да хваляшь духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣявъ чудной красошой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распроспери безъ счепа
Шашру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высопы,
На легкихъ облакахъ восходишь;
Крилами вихрей шумъ наводишь,
Когда на нихъ лепаешь Ты.

И воли швоея послы,
Какъ успрямленія воздушны,
Всесильнымъ маніемъ послушны,
Текушь, горяшь, не зналъ мглы.

(*) Сей псаломъ взятъ изъ I части Академическаго изданія, гдѣ онъ, ошмысканъ будучи между оспавшимися рукописями послѣ Г. Ломоносова неполной, въ первой разѣ былъ напечатанъ. Не преложено псалма сего еще 19 стиховъ.

Ты землю твердо основалъ ,
И для надёжныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклёпы,
И вѣчну непреклонность далъ.

Ты бездною ея облекъ ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходишь, спущаясь надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

Ихъ воля швой единый взглядъ,
Опъ запрещенія мушашся,
И въ пучи ушпашась шѣсняшся;
Лишь грянешъ громъ швой, внизъ шумяшъ.

Восходяшъ горы въ вышину,
Крупныя спавишъ шы спремнины,
И спелешъ зланыя долины,
Угрюмшвомъ множа красоту.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ ,
Чшобъ землю скрышъ не обрашислсь,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонилссь,
Опричь швоихъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешъ ключи,
И прокладдаешъ шѣмъ опъ зноя;
Журташъ для сладкаго покоя,
Между горами шекучи.

И напаяють всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя пипають,
Онагдѣ ждуть, какъ въ жадѣ шають,
Оспрады ошъ руки швоей.

Слешаясь шамо цшицы въ щѣнь,
Возносящъ пѣніе и свисты,
Живящъ вершепы каменисты,
И щѣмъ проводящъ жаркой, день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣхъ живущихъ насыщаешь,
Свидѣтелей швоимъ дѣламъ.

Расшишь въ поляхъ справу для спадъ;
Тамъ разны зѣлія въ пошребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу;
Щедрошою ко всѣмъ богашъ.

Хлѣбъ силою нашу грудь крѣпишь,
Намъ масло члены умягчаешь,
Вино въ печали ушѣшаешь,
И сердце радосшю живишь.

Древамъ даешь обильный шукъ,
Поля вѣнчаешь ими, щедры!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
могущесшвомъ всесильныхъ рукъ.

О Д А IX.

ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА глав: 38. 39.

40 и 41.

О ты, что въ горести напрасно
На бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ души рѣкъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистал,
И гласомъ грома прерывая,
Словами небо колебаль,
И шакъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, спой и дай оповѣсть.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ спройномъ чинѣ
Прекрасный сей успроилъ свѣтъ,
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власъ мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны шмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ

Мое величество вѣщали,
Когда ось солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ берегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Спрямишься далѣ не велѣлъ?
Покрышую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ шуманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хоща однажды
Велѣши ранѣй упру бышь,
И нивы въ день помящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоишь,
Пловцу способный вѣпръ направишь,
Чтобъ въ приспани его поспавишь,
И шагосу земли пряхнушь,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнушь?

Спремнинами пушей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чюдъ многообразныхъ
Сшада ходящія по дну?

Ошверзались ли передъ шобою
Всегдашнюю покрывш шмою (1)
Со спрахомъ смершныя враша?
Ты сперлъ ли адовы уста?

Спѣсня вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрытьъ,
И воздухъ огустишь прозрачный,
И молнію въ дождѣ родишь,
И вдругъ быспрошекущимъ блескомъ
И горь сердца прясущимъ прескомъ
Концы вселенной колебаешь
И смершнымъ гнѣвъ свой возвѣщаешь?

Твоей ли хипростью взлещаешь
Орель, на высочу паря,
По вѣтру крила простираешь,
И смошришь въ рѣки и моря?
Ошъ облакъ видишь онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Чшо я ему на пищу даль. (2)
Толь быспро око (3) пылъ создалъ?

Воззри въ лѣса на Бегемоша,
Чшо мною сошворень съ шобой;
Колючей шернь его охоша
Безвредно попираешь ногой.

(1) Мглою.

(2) Чшо въ пищу я ему послалъ.

(3) Ты ли даль.

Какъ веревъ сплешенъ въ немъ жилы:
Ошведдай пы своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ лишая мѣдъ:
Кшо можешь рогъ его сошрѣшь?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удъ вышянушь на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана
Онъ быспрый просшираешъ бѣгъ;
Свѣшящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щипами,
Конье и мечъ и молонъ швой
Щипаешъ за шросшникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣешъ,
И зубы спрашный рядъ серповъ:
Кшо руку въ нихъ вложишь посмѣешъ?
Всегда къ сраженью онъ гошдѣвъ;
На оспрыхъ камняхъ возлегаешъ,
И швердосш оныхъ презираешъ,
Для крѣпосши великихъ силъ
Щипаешъ ихъ за мягкой иль.

Когда ко браши усшремишся,
То море какъ кошель кипишъ,
Какъ печь горшанъ его дымишся,
Въ пучинѣ слѣдъ его горишъ,

Сверкають очи раздраженимъ,
Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный:
Всѣхъ сильныхъ онъ спрашиваетъ, гоня:
Кто можешь спасти пропавъ меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроишь я хопѣлъ,
Просилъ ли своего совѣта
Для множества шолкиихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создаши человѣка;
За чѣмъ тогда ты не сказала,
Чшобъ видѣ иной шебъ я даль?

Сіе, о смершнй, разсуждая,
Представъ Зиждигелеву власшъ;
Свяшую волю почишая,
Имѣй свою въ шерпѣни часшъ.
Онъ все на пользу нашу спроишъ,
Казнишъ кого, или покоишъ.
Въ надѣждѣ шягошу сноси,
И безъ роишанія проси.

О Д А Х.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное съѣшило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла опшкрыло;
Мой духъ съ веселіемъ внемли;
Чудся яснымъ шоль лучамъ,
Предспавъ, каковъ Зиждипель самъ!

Когда бы смершнымъ шоль высоко
Возможно было, возлешѣшь,
Чшобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣшь;
Тогдабъ со всѣхъ опшкрылся, спранъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы спремяшся
И не находяшъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крушяшся,
Борющись множесѣво вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипящъ,
Горящи шамъ дожди шумяшъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ побой одна.
О коль пресвѣпшая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты шворишь намъ повелѣлъ!

Опъ мрачной ноци (1) свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему опкрылись
Исполненны швоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываешъ плошь:
Великъ Зиждишель нашъ Господь!

Свѣпило дневное блиспаешъ
Лишь только на поверхность шѣль;
Но взоръ швой въ бездну проникаешъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Опъ свѣплосити швоихъ очей
Ліешся радосъ швари всей.

Творецъ, покрышому миѣ шмою
Проспри премудроси лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда швориши научи,
И на швою взирая шварь,
Хвалишь Тебя, безмершый Царь.

(1) Ночи.

О Д А ХІ.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна (1) шѣнь;
Лучи ошъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣсть, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ шонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углублень,
Теряюсь мыслями упомень!

Уша премудрыхъ намъ гласишь:
Тамъ разныхъ множесиво свѣповъ;
Несчетнымъ солнца шамъ горяшь;
Народы шамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила еспешва.

(1) Чорна.

Но гдѣжь, Натура, швой законъ?
Съ полночныхъ спранъ вспаешь заря!
Не солнцель спавипгь шамъ свой пронъ?
Не льдиспыль мещупъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрыль!
Се въ ночь на землю день вступиль!

О вы, кошорыхъ быспрый зракъ
Пронзаешь въ книгу вѣчныхъ правъ,
Кошорымъ малый вещи знакъ
Являешь еспѣспива успавъ,
Вамъ пущъ извѣспенъ всѣхъ планешъ,
Скажише, чщо насъ шакъ мяшешъ?

Чщо зыблешъ ясный нощью лучъ?
Чщо шонкій пламень въ швердъ разишъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ шучъ
Сспремипся опъ земли въ зенишъ?
Какъ можешъ бышъ, чщобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споришъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блеспяшъ,
Склоняся сквозъ воздухъ къ намъ гусшой;
Иль шучныхъ горъ верьхи горяшъ,
Иль въ моръ дупъ преспалъ зефиръ,
И гладки волны бьюшъ въ эфиръ.

Часть I.

3

Сомнѣній полонъ вашъ опившъ
О помъ, чпо окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажишежъ, коль проспраненъ свѣтъ?
И чпо мадѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ шварей вамъ конецъ:
Скажишежъ, коль великъ Творецъ?

О Д Ы
П О Х В А Л Ы Н Ы Я .

О Д А I.

Блаженныя памяти Государынь
Императрицъ АННѢ ІОАННОВНѢ на
повѣду надъ Турками и Татарами
и на взятіе Хотина 1739 года.

Воспоргъ внезапный умъ пѣнилъ ,
Ведетъ на верьхъ горы высокой ,
Гдѣ въшрь въ лѣсахъ шумѣшь забылъ ,
Въ долину пишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчишь,
Кошорой завсегда журчишь
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремился;
Лавровъ вьюлся шамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣвши въ во всѣ концы;
Далече дымъ къ поляхъ курился.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сесиръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды :
Испей и всѣ забудь шруды ;
Умой росой Каспальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ проспри,
И духъ свой къ нѣмъ спранамъ вперя,
Гдѣ всходишь день по шемной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хошащъ покрыши,
Бѣжишь, срывая съ нихъ верьхи,
Прѣшишь съ пущи себя склониши;
Съдая пѣна вкругъ шумишь;
Въ пучинѣ слѣдъ его горишь;
Къ Россійской силѣ такъ спремѣяся,
Кругомъ объѣхавъ шумы Ташаръ;
Скрываешь небо конскій паръ!
Чтожь въ шомъ? спремглавъ безъ душъ валялся.

Крѣпишь опечесшва любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаешь всякъ пролишь всю кровь,
Ошъ грознаго бодрѣея звуку.
Какъ сильный левъ спада волковъ,
Что кажущъ оспрыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонишь спрахомъ?
Ошъ реву лѣсъ и брегъ дрожишь,
И хвостъ песокъ и пыль мушишь,
Разишь, извившисъ сильнымъ махомъ.

Не мѣдъ ли въ чревѣ Эшны ржешь,
И съ сѣрою кипя, клочкочешь?
Не адъ ли шяжки узы рвешь
И челюспи раззинушь хочешь?
То родъ опзверженной раби,

Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Мешалъ и пламень въ доль бросаешь,
Гдѣ въ шрудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болопъ
Черезъ быстрой шокъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябъ
Дымъ, пепель, пламень, смершь рыгаешь,
За Тигръ, Шамбуль, своихъ заграбъ,
Чшо камни съ береговъ сдираешь:
Но чшобъ орловъ сдержашъ полешъ,
Такихъ препонъ на свѣшъ нѣшъ;
Имъ воды, лѣсъ, бугры, спреминны,
Глухія степи равень пушъ:
Гдѣ шолько вѣпры могушъ душъ,
Проспулянтъ (1) шамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Поншъ прясешъ,
Пускай вездѣ громады спонунъ,
Премрачный дымъ покроешъ свѣшъ,
Въ крови Молдавски горы шонунъ:
Но вамъ не можешъ шо вредишъ,
О Россы, васъ самъ рокъ покрывъ
Желаешъ для щасливой АННЫ.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быстро проходишъ сквозъ Татаръ,
И пушъ ошворентъ вамъ проспранный.

(1).Доступняшъ.

Скрываешь лучь свой въ волны день,
Оспавивъ бой ночнымъ пожарамъ ;
Мурза упалъ на долгу пѣнь ;
Взявъ купно свѣтъ и духъ Тапарамъ ;
Изъ лызъ гусныхъ выходить волкъ
На блѣдный шрупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣднѣ видя зорю,
Закрой, кричишь, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магмешовъ спидъ,
Спустишь поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

Чшо шакъ пѣснишь боязнъ мой духъ ?
Хладѣюшь жиламъ, сердце ноешь !
Чшо бѣешь за спранный шумъ въ мой слухъ ?
Пусыня, лѣсъ и воздухъ воешь !
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь ;
Небесная опверзлась дверь ;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ ;
Омышымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ Герой опкрылся.

Не сей ли при Донскихъ спруяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ спѣны ?
И Персы въ жаждущихъ спеняхъ
Не сямъ ли пали пораженны ?
Онъ шакъ взиралъ къ своимъ врагамъ,

Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возноскъ десницу;
Такъ быспрый конь его скакалъ,
Когда онъ шѣ поля шопшалъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувсивуя приходъ Пепровъ,
Дубравы и поля препенцутъ.
Кто съ нимъ шолъ грозно зришъ на Югъ,
Одѣянъ спрашнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиришель спрашъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при насъ
Селима гордаго пошрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ шуть Герой:
„Не щещенно я съ шобой шрудился,
Не щещенъ подвигъ мой и швой,
Чшобъ Россовъ цѣлой свѣшъ спрашился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ спалъ широкъ
На Сѣверъ, Западъ и Восшокъ.
На Югъ АННА шоржесшвуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.,,
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зришъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крушишь рѣка Татарску кровь,
Что прошекала между ними;
Не смѣя въ бой пусшиться вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пусшими,
Забывъ и мечъ и спанъ и спыдъ,
И предспавляетъ спрашний видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже шрахнувшись, легкій листъ
Спрашишь его, какъ ярый свистъ
Быспро сквозь воздухъ ядръ лешащихъ.

Шумишь съ ручьями боръ и доль:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что опъ меча уполъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна спыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Лепаетъ слава въ шымъ ночной,
Звучишь во всѣхъ земляхъ шрубой:
Коль Росская ужасна сила!

Вливаясь въ Поншъ, Дунай ревешъ,
И Россовъ плеску опивѣщаетъ,
Ярься, волнами Турку лешъ,
Что спыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщешъ какъ пронзенный звѣрь,

И чаешь, что уже теперь
Въ послѣдній разъ заносишь ногу ;
И что земля его носишь
Не хочешь, что не могъ покрышь.
Смущаешь мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба пивоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на Сѣверны края ?
Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ спугнуть,
Насъ пошчасъ чаялъ побѣдишь;
Янычаръ пивой свирѣпо злился,
Какъ шигръ на Россій полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мершеъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

Цѣлуйше ногу шу въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйше руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой АННЫ грозный взоръ
Оспраду дашъ просящимъ скоръ ;
По спрашной пучѣ возсіеши,
Къ себѣ повинносъ вашу зря,
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнъ и милосъ общаеши.

Злапшой уже денницы (1) перспъ
Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;
Опъ вспока скачешъ по спу верспъ,
Пуская искры конь ноздрами,
Лицемъ сіяешъ Фебъ на шомъ
Онъ пламеннымъ попрясь верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивишся:
„Я мало шаковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блиспалъ,
Коль долго кругъ вѣковъ кашипся.,,

Кахъ въ клубъ змія себя крупипшъ,
Шипипшъ, подъ камень жало кроешъ,
Орель когда шума лешипшъ,
И шамъ парипшъ, гдѣ вѣспрь не воешъ;
Превыше молній, буръ, снѣговъ,
Звѣрей онъ видишъ, рыбъ, гадовъ.
Предъ Росской шакъ дрожишъ орлицей,
Спѣсняешъ виупрь Хошипъ своихъ.
Но чшо? въ спѣснахъ ли можешъ сихъ
Предъ сильной успояшъ Царицей?

Кшо скоро шоль шебя, Калчакъ,
Россійской учипшъ вдашся власпи,
Ключи вручипшъ подданшва въ знакъ,
И большей избѣжашъ напаспи?
Правдивой Аннишъ гнѣвъ велишъ,

(1) Десницы.

Что падшихъ передъ ней щадишь :
Ея взопли и шамъ оливы ,
Гдѣ Вислы шокъ , гдѣ славный Рень ,
Мечемъ пропивникъ гдѣ смиренъ ,
Извергли духъ сердца кичливы .

О какъ красуются мѣста ,
Что нго люшо низложили ,
И что на Туркахъ шягоша ,
Кошорую ошъ нихъ носили ;
И варварскія руки шѣ ,
Что ихъ держали въ шѣсношѣ ,
Въ полонъ уже несупъ оковы ;
Что ноги узами звучашъ ,
Кошоры для ошгнашъ спадаъ
Чужи поля шолшашъ гошовы !

Не вся швоя шупъ , Порша , казнъ ,
Не шакъ тебѣ смиряшъ досшойно ,
Но большу нанести боязнъ ,
Что жишъ намъ не дала спокойно .
Еще высокихъ мыслей спрасшъ
Прешшшъ тебѣ предъ АННОЙ пасшъ ?
Гдѣ можешъ шы ошъ ней укрышъся ?
Дамаскъ , Каиръ , Алеппъ сгоришъ ;
Обспавяшъ Росскимъ флосшомъ Крипъ ;
Езфрашъ въ швоей крови смунишъся .

Чинить премьну что во всемъ?
Что очи блескомъ проникаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ.
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу весель кликъ!
Одѣянь въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣзды вѣчность возносятъ круги;
И правда взявъ перо злато,
Въ непѣнной книгѣ пишетъ то,
Вѣлики коль Ея заслуги!

Витѣйство, Пиндаръ, успѣ пивохъ,
Тягчаебъ Оилы обвинили,
За шѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аенинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣшетъ подъ Анниной державой.
Въ Кипайскихъ члупъ ее спѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ шоржеспиованьи новомъ!
Военныхъ не спрашися бѣдъ:

Бѣжишь опшуду бранимый вредъ,
Народъ гдѣ АННУ прославляешь.
Пусшь злобна зависшь ядъ свой льешь,
Пусшь свой языкъ, ярьсь, грмзешь,
То наша радосшь презираешь.

Козацкихъ полъ за Днѣспрской пашъ
Разбишь, прогнанъ, какъ прахъ развѣянь,
Не смѣешь больше ужъ шопшашъ,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдешь въ пушь купецъ,
И видишь край волнамъ пловець,
Нигдѣ не зналъ, павъ, препяпшсва.
Красуется великъ и малъ;
Жишь хочешь вѣкъ, кпо въ гробъ желалъ;
Влекушь къ шому шоржесивъ изрядсва.

Паспѣухъ спада гоняешь въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходишь,
Припедъ, овецъ пасешь гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводишь;
Солдашску храбросшь хвалишь въ ней,
И жизни часшь блажишь своей,
И вѣчно пишины желаецъ
Мѣспамъ, гдѣ шоль спокойно спишь;
И Ту, чшо опъ враговъ хранишь,
Пропшымъ усердьемъ прославляешь,

Любовь Россіи; спрахъ враговъ ,
Страны полнотной Героиня ,
Седми пространныхъ моръ береговъ
Надѣжда, радостъ и богиня,
Велика АННА; Ты добростъ
Силешъ свѣтомъ и щедростъ ,
Просиши, что рабъ швой къ громкой славѣ
Звучиши, что крѣпостъ силъ швоихъ
Придаши дерзнулъ некрасной спихъ
Подданства въ знакъ Твоей державѣ.

О Д А Ц.

НА ПРИБЫТІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санкт-
петербургъ 1742 года по коро-
націи.

Какой пріяшной Зѣфиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувствѣа льетъ?
Какая красота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей шоржесивъ свѣщащу новой.
Чѣмъ ближе ша сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь 1) грозитъ врагамъ.
Брега Невы руками плещущъ,
Брега Бошнійскихъ водъ шрепещущъ.

Взнесись 2) превыше молній, Муза,
Какъ быспрый съ Пиндаромъ орель 3);
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И въ верьхъ пари скорѣе спрѣль;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;

1) Ночь.

2) Взлети.

3) Какъ Пиндаръ быспрый швой орель.

Превысь Парнасъ высокимъ шпономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веде
Въ торжественъ ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пусыинныхъ родм.

Дерзай спущишь на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свои вселенной рѣчи;
Блудясь спустишь свой въ долы взоръ;
Надъ пучи онмъ просширайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ.
Но ею весь просширанный свѣтъ
Наполненный спирашасъ чудишся:
Какъ въ спихъ возможно ей вмѣстипшасъ?

Однако ты и шѣмъ щаспишасъ,
Что щидишся 1) похвалы вспѣвашъ
Всея земли красы и дива,
И шѣмъ красу себѣ снискашъ.
Ты швердь оспавъ, о древня лира,
Взнесенна басньми къ верьху міра:
Моя число умножишь звѣздъ,
Возвысивишся до горнихъ мѣстъ
Парящей славою 2) Орлицы,
Прявъ опъ Росакой свѣтъ Денницы.

1) Имя воспѣвашъ.

2) Славой вознесенна

И новымъ блескомъ освѣщенна.

Священный ужасъ мысль объемлетъ;
Ошверзь Олимпъ всесильный дверь;
Вся шварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ дочеръ,
Огнь вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицомъ,
Кошору въ свѣтъ онъ своею
Прославивъ, щедро къ ней взираешь,
Завѣтъ крѣпиль и утѣшаешь.

„Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаешь Вѣнхій деньми къ ней,
И всѣ швои съ шобою люди,
Чшо вѣрилъ власни Я швоей;
Твои любезныя доброши
Влекутъ къ себѣ мои щедроши.
Я въ гнѣвъ Россамъ былъ шворецъ,
Но нынѣ паки имъ отецъ:
Души швоей крошчайшей сила
Мой гнѣвъ на крошесъ преложила.

„Ушѣпгилъ я въ петаши Ноя,
Когда пошпопомъ мѣръ казнилъ,
Дугу посшавилъ въ знакъ покоя,
И шюю съ нимъ завѣтъ чинилъ.
Хошѣлъ Россію бѣдъ водою.

И гнѣвною казнишь грозою;
Однако для заслугъ твоихъ
Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ;
Тебя поспавилъ въ знакъ заѣла
Надъ знашнѣйшею часнью свѣла

„Мой образъ чпнятъ въ шебѣ народы
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчипся роды
Доброшъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поспавляю судъ правдивый,
Тобой сопру сердца кичливы,
Тобой я буду злосъ казнишь,
Тобой заслугамъ мзду даришь;
Господствуй ушверженна мною,
Я буду завсегда съ тобою.“

Но что спраны вечерни пмятша,
И дождь кровавыхъ капель льють?
Что Финскихъ рѣкъ спруи дымятша,
И долы съ влагой пламень пють?
Тамъ видя выше горизонша
Всходяща Гошеска Фаешонша
Пропивъ шеченія небесъ,
И вокругъ себя горящій лѣсъ,
Тюмень въ брегахъ своихъ мушипся,
И воды скрышь подъ землею пщипся.

Прешающимъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
„О дерзкій мира нарушитель!
Ты мечъ прошивъ меня извлекъ;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто можешь спастъ со мною въ спорѣ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
Я самъ Россію защищаю.“

Но Вышній зракъ свой отвращаешь
Отъ Готскихъ ослѣпленныхъ спранъ,
И шѣмъ продержавъ ихъ смущаешь,
Трясешь полки ихъ, Флотъ и спанъ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонишь
И дровъ верьхи высоки клонишь.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ злосиъ разишь пропивныхъ силъ:
„Прими разженны къ мести спрѣлы,
Разсыпъ враговъ своихъ предѣлы.“

Спокогольмъ глубокимъ сномъ покрывай,
Проснись, познай Пешрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защипы,
Ошринъ коварну ихъ любовь;
Ты все солнце почишаешь,

И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй ЕЛИСАВЕТИНЪ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его мягчишь одна покорность,
Остришь кичливая упорность.

Примѣры храбрости Россійской
Предсказъ мнѣ умъ своемъ;
Воззри на Донъ и край Понтийской.
Смиранный мстительнымъ огнемъ.
Тамъ сшепи кровью напоены
Взрастили 1) лавры намъ зелены;
Багрова шлемъ земля шрѣслась,
И къ небу съ дымомъ пылъ вилась;
Россіянъ швердо грудь сполла,
И слава ихъ во мглѣ блискада.

Свою Полшавску вспомни рану,
Что знаешь еще къ груди швоей,
И гордость при Днѣпрѣ пограну
И многій павъ швоихъ людей,
За Обскія брега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власиъ
Велику держишь востока часиъ,
Гдѣ орды ей собирають дани,
По ней всегда готовы къ брани.

1) Родили.

Какъ лишь рѣкамъ не лѣзя къ вершинѣ
Пропивъ крупицы водъ своихъ,
И силы взявъ огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввезши людей своихъ.
Орамъ на шее не взираютьъ,
Что львовы челюсти зѣлютъъ.
Вошше швой хищрыи былъ совѣтъ:
Россію самъ Господь блюдешь;
Рукою Онъ ЕЛИСАВЕТЫ
Противныхъ разрушилъ навѣны.

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство печешь,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Гошесовъ жмешь.
Огня ревущаго удары
И свистъ ошъ ядръ летящихъ ярыи
Сгущенный дымомъ воздухъ рвушь,
И шяжкихъ горъ сердца шрясушь,
Уже мрачущся свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютьъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Гошескими полками
Бѣжитъ, ярась, изъ строя въ строй,
И ащну челюсть ошверзаешь,

И хладны руки проспираешъ,
Ихъ гордый испоргая духъ,
Тамъ тысящи валяшся вдругъ.
Но ешьли хочешь видѣшь ясно,
Коль Росско войнштво ужасно :

Взойди на брегъ крушой високо.
Гдѣ кончшся землею поншъ ;
Проспри свое чрезъ воды око ,
Коль много обнялъ горизоншъ ;
Внимай, какъ югъ пучину давишъ ,
Съ пескомъ мушишъ , змбъ на змбъ спавишъ ,
Касается морскому дну ,
На сушу гонишъ глубину ,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаешъ ;
Такъ Россъ прошивныхъ низлагаешъ .

Какъ ешли на Рямлянъ залился
Плушонъ , являя гнѣвъ и власшъ ,
И ешьли градъ тому чудился ,
Чшо Курцій , видя мрачну пасшъ ,
Презрѣлъ и младосшъ и породу ,
Погибъ за Римскую свободу ,
Съ разѣзду въ оную скочивъ ;
То ей , Квирипы , Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ , чшо безъ спраху
Чрезъ огонь и рви печешъ съ размаху .

Всякъ мнишь, что равень онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Эгиду
Носи, враговъ своихъ спрашивъ;
Пронзаешь, рвешь и разсѣкаешь,
Противныхъ силу презираешь.
Смѣсившись съ прахомъ, кровь кипишь;
Здѣсь племъ съ глазою, шамъ шрупъ лежишь,
Тамъ мечъ съ рукой отбихъ валился.
Коль злоба жестоко казнишь!

Народы, нынѣ научишься,
Смотря на спрашну гордыхъ казнъ,
Союзы разрушаешь блюдишься,
Хранишь искренню пріязнь;
На множество не уповайше
И шѣмъ Небесъ не раздражайше:
Мечи, щипы и крѣпости спѣшь
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и шѣнь:
Предъ нимъ и горы исчезающъ,
Предъ нимъ пучины изсыхающъ.

Бѣжишь въ свой пупъ съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполнъ,
Скучаешь по вершинамъ спрогимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьешь воздухъ вихремъ за собою;

Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры шрепщашъ,
И слѣдомъ дерева лежашъ,
Что множеству вѣковъ спояли,
И бурей яросшъ презирали.

Такъ Флотъ Россійскій въ поимѣ держашъ,
Такъ роешъ онъ поверхъ валовъ ;
Надменна бездна уступашъ,
Спеша онъ плягосши судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшашъ сѣдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносашъ Гошеамъ спрахъ великъ ;
Уже надежду опшвергающъ,
И въ мглаъ свой флотъ и спмѣдъ скрываютъ.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
Какъ Апшасъ держашъ цѣлой свѣшъ,
И море сильною рукою
И полной власшю въ узакъ жмешъ ;
Что швердъ съ собой въ союзъ свяжешъ,
И вспяшъ ниши лунѣ укажешъ ?
Однако родъ Россійскій зналъ,
И мысленно тогда взиралъ,
Когда онъ спшалъ на насъ грозашъся,
Какъ онъ бѣжашъ, какъ насъ спрашашъся !

На нивахъ жашву оспавляешъ
Опъ мести успрашенный Финъ,
И съ горъ оцѣпенѣвъ взираешъ
На дымъ всходящій изъ долинъ,
На мечъ на Гошеовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ ночью опъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пмѣи ношная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣешъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣешъ.

Но холмы и древа скачите,
Ликуйте множеству озеръ,
Руками рѣки восплещите,
Петрополь буди вамъ примѣръ:
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходишь,
Оспраду съ пищиной приводишь,
Любя вселенныя покой,
Уже проспершой вамъ рукой
Даруешъ мирныя оливы,
Щадишь велишь луга и нивы.

Хощь съ вамибъ, Гошемъ, къ намъ доспигалъ
Полюци западъ бысприны,
Хощя бы вы на насъ воздвигалъ
Союзны ваши всѣ спраны;
Но шщещны былибъ всѣ походы:

Незнаемые вамъ народы,
Что далъ Сѣвера живушь,
Того по всѣ минушны ждущъ,
Что имъ велишь ЕЛИСАВЕТА,
Готовы спашь прошиву свѣща.

О слава женъ во свѣшѣ славныхъ,
Россіи радоспѣ, спирахъ враговъ,
Краса Владѣтельница державныхъ!
Всякъ кровь свою пролишь готовъ
За многія швои доброты
И къ подданнымъ швоимъ щедроты.
Твой слухъ плѣнилъ и шѣхъ людей,
Что спранспивують среди звѣрей,
Что съ люпыми пасущся лъвами;
За честъ швою возмщанушъ съ нами.

Твое прехвально имя пишешъ
Неложна слава въ вѣчномъ лѣдѣ,
Всегда гдѣ хладный Сѣверъ дышешъ,
И шолько вѣрой шепль къ тебѣ;
И спени шъ зноѣ опдаленны
Къ тебѣ любовію возженны
Еще усердїе горящъ:
Къ тебѣ отъ вшпочныхъ спранъ спѣшашъ
Уже Американски волны
Въ Камчатской поршѣ веселья полны.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше, нежели водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ щасливый ходъ.
Коль радостень женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понтъ въ швоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ успяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, Нимфы въюшъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ воспѣвая 1) дѣсны новы.

О чистый Невскій шокъ и ясный,
Щасливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь шеперь ошъ струй своихъ,
Сспремись, шуми, щеки обильно,
И быстриной швоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше успраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна злая.

Какъ люшый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни сцранамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,

1) И воспѣвающъ.

Нашуру намъ возобновляешь,
Поля цвѣтами красишь вновь:
Такъ нынѣ милосѣ и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Пепровой
Насъ жизнью оживляешь новой.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горишь во мнѣ охоша
Торжественный возвысишь шонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блискаешь,
И купно ясный день сіяешь!
То сердце сильна власи спланишь,
То крошеси оное живишь;
То бодреси спрахъ, шо спрахъ шу клонишь,
Противна спрасишъ прошивну гонишь!

На Западъ смопришъ грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну духъ Пепровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Пресупныхъ онъ мяшешъ враговъ.
Богиня кропко съ нимъ взираешъ
На Невскій брегъ, и проспираешъ
Свой персти на дщери свою съ высошъ:
Воззри на образъ швой и плодъ,
Чшо всѣ дѣла швой воспавишъ,
И въ свѣтѣ шѣмъ себя прославашъ.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои распушъ,
Вѣщаетъ Пётръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цѣшущъ;
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею.
Блаженъ пошъ годъ, пошъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ ее намъ на успѣху
И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ спиломъ возрыдаешь,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделѣнный,
И гласъ возносящъ къ ней смиренный;
Преспанъ прекрасный вѣкъ мрачнѣ,
И Фински горы кровавишъ:
Се царшвуешь ЕЛИСАВЕТА,
Да миръ подасишь предѣламъ свѣта.

Хопя швои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ сваянный видъ,
Чтобъ знали впредь пошомки позны,
Что нынѣ свѣтъ Россіи зринъ.
Я вянщи учиню премѣны,

Когда градовъ 'проспранны спѣны
Безъ пагубы людской сопру,
Въ огромные спѣллы сберу;
Превыше будущъ пѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.

Мечи швомъ и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудушъ всѣ поля безбѣдны,
Опвергнувъ люшю власшъ швою:
На мѣстѣ брани и раздора:
Цвѣтшъ свои рассыплеть Флора.
Разишъ не будешъ сѣрный прахъ
Сквозъ воздухъ, огонь и смершъ въ полкахъ,
Но озаривъ веселы ночи,
Восхишишъ зрящихъ духъ и очи.

Еще плѣненна мысль мушится!
Я слышу стихошворцевъ шумъ,
Копорыхъ жаръ не погасишся,
И будешъ чпунцихъ двигашъ умъ;
Зависшио на меня взирая,
И съ жалоспїю воздыхая,
Ко мнѣ возносяшъ скорбный гласъ:
О коль пшъ щаспливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ:
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На что бы вымышлялъ намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когдабы было намъ возможно -
Рожденнымъ въ Росской бытъ спранѣ
Въ сіе благословенно время,
Въ кошорое Пешрово сѣмля,
Всѣхъ жентъ хвала ЕЛИСАВЕТЪ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даетъ.
Въ ней зряшся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты.

Что шоль пріятный сонъ смущаетъ,
Воспортъ пресладкій гонитъ прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И отвращаетъ ясну ночь?
Возноситъ Востокъ и Западъ клики!
Согласно разныя языки
Гласятъ къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь пивои дражайши лѣта
Къ опрадѣ и зацѣпѣ свѣта.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красошой,
Тогда бы жертвой почицали
Прекрасный въ храмѣ образъ швой.
Чтожь будущіе скажутъ роды?

Часть I. \

Покрышы кораблями воды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великій ПЕТРЪ намъ далъ блаженство,
ЕЛИСАВЕТА совершенство.

Цѣлуй, Пепрополь, шу десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы жаляють,
И въ зной цвѣшны опъ жажды пають;
Не такъ способныхъ въспровъ ждешъ
Корабль, что въ шихъ портъ плывешъ,
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице ея сіяло.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй пѣмъ шворцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будущъ въ вѣкъ хранишь
Дѣла Пепровой дщери громки,
Что спануть поздны честь пошѣмъки.

О Д А Ш.

НА ПРИВЫТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНИИ И НА
ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1742
ГОДА ФЕВРАРЯ 10 ДНЯ.

Дивишся нинѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Чѣмъ отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зришь конецъ бѣдамъ;
И чѣмъ уже ЕЛИСАВЕТА
Злашмя въ ону вводишь лѣша,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуюшся Пешровы спѣны, ¹
Чѣмъ къ нимъ его приходишь внукъ
Прекрасной АННОЙ днесъ рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всецѣдный нашъ Творецъ
Возсѣавилъ намъ Пешрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,
Ужъ съ радостью любовью согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно.
Всего народа веселъ шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ возводишь,
И мой опрады полный умъ
Восхиливъ плѣмъ, въ восшоргъ приводишь.

*

Воинскій звукъ осплавъ, Беллона,
И, Марсь, вложи свой шумный мечъ,
Чтѣмъ спройнось праздничнаго шона
И Музъ поющихъ нынѣ рѣчь
Едина громко разносилась,
И съ нашей радостью сравнилась;
Чтѣмъ воздухъ, море и земля
ЕЛИСАВЕТУ возглашали,
И купно съ ней Пепра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.

Богиня, коея державу
Объять не могутъ семь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣстишь вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Пепра
Какъ Феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая швоя сеспра
Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

О коль велика добродѣтель
Въ Пепровыхъ дняхъ цвѣшетъ!
Коль славенъ Сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Онъ ради дивного блаженства

Даровъ достигнешь совершенства:
И щасшье бѣгъ остано́вишь
Любовью оныхъ восхищенно, ●
Сою́зъ съ шобою ушвердишь,
И вѣчно будешь непремѣнно.

О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Пепрова кровь,
Къ тебѣ горишь уже издавна
Россiянъ искренна любовь!
Пенрополь по тебѣ перзался,
Когда съ шобою разлучался
Еще въ зачатiи швоемъ.
Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда годъ дерзкимъ кораблемъ
Балпiйски волны побѣдили.

Какъ мать спенаньемъ и слезами
Крупи́лся о сынъ своемъ,
Чшо онъ прошивными вѣлпами
Ошгнанъ живешь въ краю чужемъ,
Она минушы всѣ счи́паетъ,
На брегъ по всякой часъ взираетъ;
И просишь ще́дры небеса:
Россiя шакъ тебѣ желала,
И чрезъ пучину и лѣса
Усердны мысли просширала.

Но нынѣ радости умножаетъ
Желанный нами пивой приходъ;
И крошечныя нѣба общаетъ
Возвыситъ пѣмъ Россійскій родъ.
Спикии сами предъявляютъ,
Чего всѣ Россы ожидаютъ.
Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно;
Весну пріятну предвѣщавъ,
Какъ ждали мы тебя всечасно.

Коликой славой днесъ блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи пивомъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ просторномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И ночи тьму отъземлетъ блескомъ.
Ахъ естлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобѣ мрачна ночь отъ сихъ ушѣхъ
На вѣчной день перемѣнилась!

Намѣспница Всевышней власпи,
Что родомъ, духомъ и лицомъ
Восходишь выше смертныхъ часпи,
Прехвальна, совершенна всѣмъ,
Въ кошорой всѣхъ даровъ изрядство,

Съ величешвомъ цвѣшеть пріятшство,
Кому возможно описашъ
Твои доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указашъ
Въ Пешрѣ природу въ томъ подобну.

Но спѣшно шолъ куда возводишъ
Внезапно мой пламенный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводишъ
Превыше Фессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю сполщу,
Рукою опрока держащу
И всѣ спраны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разишъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня прошивноспи съ бѣдами.

И вѣчнось предстоишъ предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянешся небомъ и землею
О щаснѣхъ будущихъ родовъ,
Что къ Россамъ будешь непремѣнно,
Пешровой кровью ушверженно.
Ошверзлась дверь, не видѣнь край,
Въ проспранствѣ заблуждаешъ око,
Цвѣшеть въ Россіи красной рай,
Проспершъ во всѣ спраны широко,

Млеко́мъ и медомъ напоенны
Тучнѣюшъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенн
Смѣюшся злачныя луга:
Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Чрезъ плодъ земли благословенный:
Успихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ пишина полями,
Спокойство царспвуешь въ градахъ,
И миръ просперся надъ водами.

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласишь спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ:
Тебѣ я подданныхъ питаю,
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ шую за тебя пролишь.
Ахъ, чтобы къ удивленью свѣша
Изволилъ Вышній утвердить
Пресполю Пешровъ чрезъ вѣчны лѣта!

О Д А IV.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ТЕОДО-
РОВИЧА 1743 года.

Уже враша опшверзало лѣшю;
Нашура спаивашъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣшо;
Колелешь въшъви шихъ Зефиръ,
Объемлешь мягкій лугъ крылами;
Крушится чистый шокъ полями;
Брега пишаешь шучный иль;
Древа и цвѣшъ покрылись медомъ;
Ведешъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣшилъ.

Но о небесъ пресвѣшло око,
Веселыхъ дней прекрасный царь!
Какъ наша радость, вспанъ высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на шваръ,
Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпнѣ міру,
И въ новомъ блескѣ вознесись,
Въ злашую сѣдши колесницу,
Въ зенишъ всшупи, прѣшедъ границу,
Поздишъ¹⁾ въ Океанъ спушись.

1) И позже.

И шѣмъ\почпи Пешрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горишь отъ радостнаго звука,
Который въ нашъ внушаешь слухъ
Младаго шумъ орла паряща,
И предкамъ въ слѣдъ взлетишь спѣшаща,
На миръ воззрѣшь, искашь побѣды.
Онъ выше буръ и шучь промчипся,
Противъ перуновъ ополчипся,
Однимъ обозришь взглядомъ свѣтъ.

Какой веселый ликъ приходишь?
Се вѣчность отъ просиранныхъ нѣдръ
Великій рядъ вѣковъ приводишь,
Въ нихъ будешь жишь Великій Пешрь
Тобой, Великій Князь Россійскій.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Асійскій
Воскресшу прежню чпишь любовь.
Какъ въ гробъ лице Пешрово скрылось,
Въ сей день веселья солнце шмилось;
Но днесъ побою свѣшишь вновь.

Тебѣ Россія вся открыла,
Кленущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ шнала,
Что мнѣ доспоишь жишь шбой;
Мнѣ полдень съ ушромъ вдругъ вспунаешь,

Весна цвѣтши и плодъ являешъ
Въ возлюбленной душѣ швоей.
Но грудь пронзиптъ народовъ льстивныхъ
Ужасный лучъ, въ полки прошивныхъ
Блнспная изъ швоихъ очей.

Возвысипся какъ кедръ высокій
Надъ сильныхъ всѣхъ швоя глава;
Ты какъ змію попрешъ пороки,
Пяшой насшупишь шы на льва.
Твоими самъ Господъ усшами
Завѣтъ во вѣкъ посшавиптъ съ нами;
И крѣпче Мавришпанскѣхъ горъ
Твои плещи Пешромъ скрѣпленны
И силой свшше облеченны
Надѣждный будущъ намъ подпоръ.

Просшрешъ свои державны длани,
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешъ мечъ и спрахъ въ день брани
Подобно какъ швой дѣдъ въ полкахъ:
Премудрость сядешъ въ судъ въ шобою,
Изгонишь лещъ и ковъ съ хулою;
И мужешцо швой чресла
Скрѣпишь для общей нашей чешши,
Защипишь насъ къ прошивныхъ месши,
Дабы изшоргнушъ корень зла.

Подъ инну Трою вновь приступишь
Россійскій храбрый Ахиллесъ,
Продерзкій мечъ враговъ пришунишь,
Хвалою взойдешь къ верьху небесъ.
Оспрада пойдесть въ слѣдъ оспрадѣ
И плески плескамъ вѣспѣ дадушъ:
Господь щедроши въ насъ пробавишь,
И больше насъ шобой прославишь,
Какъ съ шренешомъ враги падушъ.

Мой духъ шечешъ къ предѣламъ свѣша,
Охолой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восшоргѣ зришь грядущи лѣпа
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верьхъ дымишся!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ спремешся!
Текутъ струи Евфрански вспишь!
Онъ Тигровъ челюспи шерзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велишь лунѣ и солнцу спашъ.

Фиссонъ шумишь, Багдадъ пылаешъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьюшь,
Ассирски спѣнн огнь шерзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ поншъ бѣгущъ.
Единъ шрисяшъ свирѣлымъ Югомъ

И дальнимъ вѣсточныхъ спранъ округомъ,
Сильнѣйшій горъ, огня, вѣпровъ,
Ошмспишель храбръ враговъ сварливыхъ,
Карашель спранъ въ союзъ лживыхъ
Россійскій родъ и плодъ Пешровъ.

Однако естѣли врагъ оспавишь
Коварну зависъ самъ собой,
То насъ желанный миръ прославишь,
И шѣмъ возвысишь насъ Герой.
Сшихи дросъ укрощайше,
Туманы въ ясны дни распайше,
Являй веселый небо зракъ,
Цѣлуйшесь громы съ шишиною,
Упейся молнія росюю,
Спанъ рядъ планетъ въ щаспливый знакъ.

Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣль спунить;
Да придуть всѣ спраны далеки
Съ концевъ земныхъ тебѣ служишь.
Воззри на свѣта паръ проспранный,
Воззри на понтъ тебѣ подспланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ;
Онъ змблешся и помаваешъ,
И славу арѣшь ливою желеашъ,
Свѣщающихъ шѣмами въ немъ очешъ.

Воззри на прудъ и громку славу,
Что свѣшь въ Пешрѣ неложно чпишь;
Непшунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласишь;
Онъ богъ, онъ богъ швой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ шебѣ плошскія,
Сомедъ къ шебѣ отъ горьнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчноспи сілетъ,
На внука весело зриаешь,
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Испочникъ лѣтъ, вѣковъ Опецъ,
Услыши гласъ Россіянъ вѣрныхъ
И чисту искренноспъ сердецъ!
Какъ еспъли сей предѣлъ положень,
Что выше спепенъ не возможень,
Куда дѣлами Пешрѣ возшелъ;
Яви сію щедронгу съ нами,
Да превзбидешъ его лѣпами
Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

3

О Д А - V.

На день брачнаго сочетанія Ихъ
Императорскихъ Высочествъ Госу-
даря Великаго Князя ПЕТРА ТЕО-
ДОРОВИЧА и Государыни Великия
Княгини ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЪ-
ЕВНЫ 1745 года.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ чертогъ богиня въ славѣ входитъ,
Любезнѣйшихъ супруговъ вводитъ,
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ Геройской духъ и сила
Цвѣшущъ во дняхъ уже младыхъ,
Въ другой напура испощила
Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

Исполнилъ Богъ свои совѣщанья
Съ желаніемъ ЕЛИСАВЕТЫ:
Красуйся свѣтло Россій родъ.
Се наки Пешръ съ Екатериной
Велелъ общаго причиною:

Ликуйше сонны многихъ водъ.
Рифейскихъ горъ верьхи неплодны
Одъньшесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни, и поля безводны
Излейше чистый шокъ ключей.

На Востокъ, Западъ и Югъ,
Во всемъ просиранномъ свѣта кругъ
Ужасны Россіе полки
Мечи и шлемы опложише,
И въ храбры руки днесъ возмише
Зелены въшви и цвѣпки.
Союзны царсшва ушверждайше
Въ предѣлахъ вашихъ шипину,
Вы бурны вихри не дерзайше
Подвигнушь нынѣ глубину.

Дѣвицъ и юношъ красныхъ лики
Вносише радосшны клики
По мягкимъ шихихъ рѣкъ брегамъ.
Пусшъ гласъ веселый раздаешся,
Пусшъ сей пріятшый гласъ прочешся
По холмамъ, рощамъ и лугамъ:
Къ ушѣхъ Росскаго народа
Пешра съ Екашериной вновь
Счешаешъ щасшье и порода,
Пригожшво, младосшъ и любовь.

Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены
Во дни 1) трудами изнуренны,
Оспраду, легкоешь и покой;
Такъ мысль въ весельѣ ушопаетъ.
О коль прекрасенъ свѣтъ блискаетъ,
Являя видъ спраны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными 2) облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

Кристалльны горы окружающъ,
Спруи прохладны обшекающъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцомъ изпещренны,
И вѣшви медомъ орошенны
Весну являющъ съ лѣшомъ вдругъ.
Воспоргъ всѣ чувства возхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ жару припшномъ сердце шаетъ!
Не шамъ ли царствуетъ любовь?

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являющъ шамо власнѣ.
Древа лиснами помавающъ,
Другъ друга вѣшвами обнимающъ,

1) Черезъ день.

2) Между млечными...

Въ бездушныхъ 1) тамъ любовна спрась!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крупящися,
То гоняшь, то себя манишь,
То прямо къ другу другъ спремящися,
И слившись межъ собой журчащъ.

Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красоюю,
Стоишь, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ шмъ по берегу дуешь,
Сто крапъ лишки его цѣлуешь,
И сладкой пѣй кропишь росой.
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранишель,
Куда свой правишь съ нихъ полети?
Зефиръ кушмовъ и рошъ любилшель,
Чшо прочъ опъ нихъ шебя влечешъ?

Онъ легкими шумишь крилами,
Взвиваешся подъ небесами,
И лешъ на воздухъ ароматъ;
Царицу мѣстъ любовь сръпгаешъ,
Порфиру и власы взвѣваешъ;
Она спѣшишь въ свой свѣпшый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хопъ вѣчна васъ весна песпришь,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любви зришь.

1) Зрю любовну спрась»

Какъ упрення заря сіяетъ,
 Когда день ясный общаетъ,
 Румянитъ синій горизонтъ;
 Лице любви шоль прекрасно.
 Въ ночи горятъ колы звѣзды ясно,
 И проникаютъ тихій сонъ;
 Подобно сей Царицы взгляды
 Сквозь души и сердца идутъ,
 Съ надеждой смѣшанны оспрады
 Въ объѣмы спрассью мысли льютъ.

Бѣлѣйшей мрамора рукою
 Любовь несетъ передъ собою
 Младыхъ супруговъ свѣтлый ликъ;
 Сама смотря на нихъ дивится,
 И полкъ всѣхъ нѣжностей шѣснится,
 И къ онимъ щещельно приникъ;
 Кругомъ ея умильны смѣхи
 Взирающихъ плѣняютъ грудь,
 Приятности и всѣ ушѣхи
 Цвѣтами устилаютъ путь.

Усердна вѣрность принимаетъ
 Носимый ликъ и поспавляетъ
 На крѣпкихъ мраморныхъ сполпахъ,
 Сребромъ чистѣйшимъ обведенныхъ,
 И такъ опъ вѣка утвержденныхъ,

Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нушрѣ горахъ;
Бурливыхъ вихрей не боишься,
И презираешь молній блескъ,
Отъ мрачныхъ пучъ бѣжаешь не щипишься,
Въ ничто вмѣняешь громовъ прескъ.

Не самъ ли въ арфу ударяешь
Орфей, и камни оживляешь,
И слѣдомъ водишь хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею возклицающъ
Лѣса, и громко возвышающъ
Младыхъ супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверкая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплютъ чрезъ долины зланы,
Чѣмъ блестятъ Ормъ въ своихъ краяхъ

Каспальски Нимфы ликовсплвуютъ,
Съ любовью купно шоржесплвуютъ,
И движутъ плесками Парнасъ:
Надежда оныхъ ободряешь,
Надежда шверда возбуждаешь
Возвысишь громко брачный гласъ:
Надежда общаешь лвно;
Онъ себѣ съ весельемъ жадушь
Имѣшь въ Россіи имя славно,
Щедрошой ободренный шрудъ.

О вѣпвъ опъ корене Пепрова
Для всѣхъ полночныхъ спранъ покрово
Благополучно возраспай.
О щедрая Екашерина !
Ты процвѣщай краснѣе крина,
И сладки намъ плоды подай.
Опъ васъ Россія ожидаешъ
Щаспливыхъ и спокойныхъ лѣтъ;
На васъ по всякой часъ взираешъ,
Какъ на всходящій дневный свѣтъ

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ сщепяхъ Асійскихъ
Единоголасно говорятъ:
Какъ Богъ продлишь чрезъ вѣчно время
Дражайшее Пепрово племя,
Щасплива жизнь и нашихъ чадъ:
Не будешъ спрашной¹⁾ ужъ премѣны,
И опъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыпаются прошивныхъ сѣны,
И сильныхъ изнемодещъ лукъ.

Пепръ силою десницъ
Россійски распроспиретъ границы,
И въ нихъ спокойство ушвердишь.
Дражайшія его супруги
Вездѣ прославятся заслуги,

¹⁾ Спрашныя.

И сѣишь щедроша удивишь.
Онъ добродѣтель чрезъ награду
Въ народъ будешь умножать;
Она предшательствомъ отплату
Попишися бѣднымъ подавай.

Отъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Отъ вѣчныхъ льдовъ до поковъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и спранамъ
Вашъ слухъ пріятный прошекаетъ,
Языки многи улаждаетъ,
Какъ благовонный еиміамъ.
Коль сладко пунникъ почиваетъ
Въ густой справѣ, гдѣ ключъ печетъ;
Свое такъ сердце утѣшаетъ,
Смотря на васъ ЕЛИСАВЕТЪ.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлѣя зѣницы,
Проспиранный видишь шаръ земной,
Въ Россійской пы державѣ всходишь,
Надъ нею дневный путь преводишь,
И въ волни кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердїй нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ содѣтель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

О бже, крѣпкій Вседержитель!
Подай, чшобъ Россю обновилъ
Въ попомкахъ вѣчно жить своихъ:
Вспомини его заслуги,
И преклонивъ небесны круги,
Благослови супруговъ сихъ.
Съ вышю пивохъ, ЕЛИСАВЕТЪ
Посли свѣшюю благодаю,
Сподоби шу въ грядущемъ лѣшъ
Пѣшрова первенца лобзашъ.

О Д А VI.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙ-
СКІЙ ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОС-
СІЙСКІЯ 1746 ГОДА.

На верхъ Парнаскихъ горъ прекрасный
Спрямишся мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекають ясны,
И прохлаждають Музъ соборъ.
Меня не жажда спруй прозрачныхъ,
Но шумъ пріянный въ рощахъ зланныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа взываютьъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ ЕЛИСАВЕТЪ.

И се уже рукою багряной
Враща опшверзла въ міръ заря,
Опъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ и въ шверди скрпиться,
И шѣмъ почтпшъ его приходъ.
Онъ блескъ и радостъ изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесъ Россійскій родъ.

Взирая на дѣла Пешровы,
На градъ, на флотъ и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власнь чужой руки,
Россія ревностно вѣдыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Пешрово племя,
Ушѣшь печаль 1) швоихъ людей.

Покрой ошечески законы,
Полки прошивныхъ ошчени,
И свяшосши швоей короны
Чужимъ коснушьсѣ возбрани,
Ошъ церкви оштраци налоги;
Тебя Монарши ждущъ черпоги,
Порфира, скипенрь и прешполь;
Всевишнѣй пойдесть предъ шобою
И крѣпкою тебѣ рукою
Ошъ спрашныхъ защитишь всѣхъ золь.

Какую чувствуюецъ премѣну
Желаніемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно возхищенну
Веселый ободряешь слухъ!
Уже со многими народы

1) Ушѣшь.

Гласишь вѣтръ, земля и воды,
И камни вопіюшь шеперь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щасье наше обновилось:
На пронь взошла Пешрова дщерь.

О ухра часъ благословенный;
Дражайшій намъ злашихъ вѣковъ!
О вѣселикъ щасья вождѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ!
Ты коль велику даль опраду,
Когда открылъ Пешрову граду
Избавльшія богини зракъ!
Мы въ скорбной шемношъ заснули,
Но въ радости отъ сна вспрынули,
Какъ ты ночный разсыпалъ мракъ.

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ:
Но Богъ смошря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію крошкимъ окомъ,
И видя въ мракъ шу глубокомъ,
Со власью рекъ: да будетъ свѣтъ.
И бысть! о пвари обладаешь!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что извелъ на пронь ЕЛИСАВЕТЬ.

О день блаженный, день избранный
Для щаспїя полночныхъ спранъ!
Тобой сугубо осїянный
Воспокъ и льдисный Океанъ
Свои колѣна преклоняюще,
И жершву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радоспныхъ сердцахъ
Предъ солнцемъ на земли свѣщающимъ,
Чшо намъ въ печальной шѣмѣ сѣдящимъ
Проливши свѣшь, ошгнало спрахъ.

Намъ въ оноу ужасѣ казалось,
Чшо море въ яроспци своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земли спенала ошъ зыбей,
Чшо вихри въ вихри ударялись,
И шучи съ шучами спирались,
И усшремлялся громъ на громъ,
И чшо надушы водъ громады
Текали покрышь просшпранны грады,
Сравняшь хребшы горъ съ влажнымъ дномъ.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злился Исполнѣ
Разсыпанъ земнородныхъ племя,
И разрушншъ нашурь чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,

Лѣсисны съ мѣстѣ бугры хвапашъ,
И въ швердѣ сквозь облака разишъ.
Сиканской какъ Вулканъ¹⁾ дымишся,
Такъ мгла изъ челюстей куришся,
И помрачаешъ солнце видъ.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Просперши блескъ швоихъ лучей,
Спасенный Сѣверъ освѣщаешъ,
И къ намъ веселый видъ склоняешъ,
Взирая на ЕЛИСАВЕТЪ
И купно на ея доброшъ:
Ошъ ней шекушъ на всѣхъ щедрошъ,
Какъ тцвой повсюду явный саѣшъ.

О вы недремлющія очи
Спрегущія небесный градъ!
Вы бодрспвуи во время ночи,
Когда покоясь смершны спяшъ,
Взираешъ сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ
Впрошивъ ешесшвенному чину
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавишъ насъ.

1) Какъ Эпина въ яросши.

Сладка плодамъ во время зною
Проклада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью дровъ густою
Прилпелъ въ жаркіе часы;
Но внятну радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія опрады день.
Еще приходишь плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и души
Тогдашней ноци зришься тѣнь!

По спогнамъ шумный гласъ несется
ЕЛИСАВЕГИНЫХЪ похвалъ,
Въ полкахъ спокрашно раздается:
Великій Пётръ изъ мертвыхъ вспадъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
Преодолѣмъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ пошупимъ,
На горды выи ихъ насшупимъ,
На грозныхъ спанемъ мы валахъ.

Коль наша радость справедлива,
Насъ красить сладосный покой!
О коль, Россія, ты щаслива
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой!
Прошивны силъ ея спрашатся,

И купно милоспи чюдятся.
Таковъ Екашерининъ ликъ
Былъ щедръ и крошокъ и прекрасенъ;
Таковъ былъ Пешпръ врагамъ ужасенъ,
Своимъ опещъ, вездѣ великъ.

Что вы, о поздніе пошомки!
Помыслише о нашихъ дняхъ?
Дѣла Пешровой дщери громки
Предспавивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвише между собой?
Не всякъ ли 'скажешъ быль чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ шолікой купно красотою!

'Велико дѣло естъ и знашно
Сердца народовъ привлеци,
И снранно всѣмъ и непоняшно
Полю свѣпа взяты въ одной ноци!
Но кое сердце шоль жеспоко,
Колпоробъ сей богини око
Не сильно было умягчишь?
И кая можешъ власшь земная,
На дщерь и духъ Пешровъ взирая,
Себя прошиву ополчишь?

Плать крапль подь щаспливой держарой
Цвѣшми красилась земля;
Спокрапной облеклся славой
Россійски грады и поля:
Сстоять профеи вознесенны,
Цвѣпунъ оливы насажденны
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой,
Чшо новыхъ свѣптовъ досязаешь;
Опъ шой Европа ожидаешь,
Чшобъ въ ней воспавлень былъ покой.

Хопя опъ смершныхъ сокровенно
Грядущихъ бышіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величешвомъ богини сей
На будущіе дни взираешь,
И больше щаспье предвѣщаешь.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Чшо ради нашего блаженства
На веръхъ поспавишь совершенства
Всходящій въ небо Пешръ велѣлъ.

Кшо можешь всѣ хвалы достойно
Сея Монархини сказать?
Чья Муза шоль красно и спройно
Предъ нею можешь возыграшь?
Я лиру нынѣ подвергаю

Спопамъ ея, и возглашаю:
Подай, о сильно божество!
Да узряшъ многихъ лѣтъ округи
Ея къ опечеснву заслуги
И свѣпло днешне поржеснво.

Да возраспешъ ея держава,
Богатснво, щаснѣе и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава;
Какъ шокъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой проспираешъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаешъ,
И множеснво градовъ поимъ,
Разлившись на поля восходишъ;
Обильный шукъ на нихъ наводишъ,
И жашвы щедро богатишъ.

О Д А VII.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ Ея Величества Госу-
дарыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕ-
ТРОВНЫ Самодержицы Всероссійскія
1746 года.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ спрана!
Въ сей день опъ вышины святыя
ЕЛИСАВЕТЪ шебъ дана
Воздвигнуши 1) Пешра по смерши,
Гордыню сопоспаповъ сперши,
И къ ужасъ оныхъ привесши,
Опъ грозныхъ бѣдъ шебя избавишь,
Судей надъ царствами поспавишь,
И выше облакъ вознесиши.

О дщеръ гремящаго надъ нами!
О маши всѣхъ племень земныхъ!
Нашура чудная дѣлами,
Какъ еспали шаинъ шы своихъ
Меня достойнымъ бышь судила,
И еспали слаба мыслей сила
Проникнушь 2) можешъ въ швой черпогъ;
Предспавъ мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣщилъ по чину,
Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.

1) Воздвигнушь намъ.

2) Приникнушь.

Сквозь пучи бывшія печали,
Что люпый рокъ на насъ навель,
Какъ горы о Пешрѣ рыдали,
И поншъ въ брегахъ своихъ ревѣль,
Сквозь спрашны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу пошъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ молодой ЕЛИСАВЕТЫ
Сіаюшъ щасливы планены,
Я слышу шамъ нашуръ гласъ.

Сѣдя на блещущемъ пресполѣ,
Соспавленномъ изъ швердыхъ горъ,
Въ проспранномъ всѣхъ швореній полѣ
Между сшихій смиряешъ споръ;
Сосцами всяку плошъ пишаешъ, 1)
Опъ чрева рѣки проливаешъ;
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ разширяя,
Изъ успъ Зефирами дыкая,
Съ веселіемъ вѣщаешъ къ намъ.

„Я съ вами нынѣ шоржешвую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣшъ,
Что героиню шаковую
Въ сей день произвела я въ свѣшъ.
Въ ней хипросшъ вся моя и сила

1) Сосцами рѣки проливаешъ
И пѣми всяку шваръ пишаешъ.

Возможность крайню положила;
Я избрала щасливой знакъ
Надежду показашъ нелеснну:
Въ пространну высошу небесну
Прилѣжно возведише зракъ.

„Се сонце бѣгъ свой премѣняеть,
И, къ вамъ печеть умножишь день,
На Сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя, что ЕЛИСАВЕТА
Въ Россіи усугубишь свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ерміи наукамъ предводишель
И Марсъ на брани побѣдишель
Близкають совокупно съ нимъ.

„Тамъ мужъ звѣздами изпецренный
Свой свѣщамъ напрягаетъ лудъ,
Діана спрѣлы позлащенны
Съ нимъ менцетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показываетъ ясно,
Колѣ по съ доброшами согласно.
Рожденныя въ признакахъ сихъ
Опъ ней геройство съ красошою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускають дней злашихъ.“

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
Но щипца радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ твоихъ признакъ
Надежны въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родишелей великихъ зракъ.

Въ шебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли 1)
Въ твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящія денницы
И бодрость быстрыя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Уже младенческіе взгляды
Предвозвѣщали дѣлѣ опрады,
Что бѣднымъ нынѣ оптьемлютъ спрахъ.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ крошечью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно пропекаетъ,

1) Блистаніе вліяли.

Бреговъ своихъ онъ не перзаешъ ;
Но пользой выше прочихъ рѣкъ :
Своею сладкою водою ,
Въ лугахъ зеленыхъ пролипою ,
Запшой даешъ Египту вѣкъ .

Какъ ясно солнце изліяло .
Свой блескъ впервые на себя ,
Ужъ щастье руку проспирало ,
Твои пріятности любя ,
Вѣнецъ держало надъ главою ,
И возвышало предъ тобою
Трофеи опшескихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя .
Коль щастлива была Россія ,
Когда воззрѣла ны на свѣтъ !

Тогда опъ радостной Полшавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ ;
Тогда не могъ Пепровой славы
Вмѣстипшъ вселенныя предѣлы ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоннены
Еще при целенахъ півоихъ ;
Тогда предъявлено судьбою ,
Чшо съ шрепешомъ передъ тобою
Падушъ полки попомковъ ихъ .

О сладкой нѣжности обидель!
О вы блаженныя мѣста!
Гдѣ храбрый Гошеовъ побѣдидель
Лобзаль и въ очи и въ уста
Впервые плодъ свой вождельный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Вась оныхъ радостныхъ временъ.
Любезна памятьъ услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
Въ безсмертны¹⁾ вѣки не забвень.

Но се различныя языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласны возносятъ клики;
Къ шебѣ Монархинѣ своей
Сердца и руки проспирають,
И многократно повшоряють:
„Да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТЪ,
Для Росской славы днесъ рожденна!
Да будеть свыше укрѣпленна
Чрезъ множество щасливыхъ лѣтъ!“

Сіе гласитъ шебѣ Россія
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія
Возводитъ къ верьху быспрый взоръ,
Небесны бѣги наблюдаетъ,

1) Въ безцѣпны.

И съ радостію составляешь
Вънедъ шебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показати безмѣрно
Незнаемыхъ желаетъ мѣстѣ.

Поэзіи парящей ревностъ
Дѣла твои превознесешь;
Ни гниль спихій, ни вещь древностъ
Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ.
Открыши еспешива успавы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубишь шѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравіе твое.

Да будетъ шое невреждено,
Какъ верхъ высокія горы
Взираешь непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можешь вихрь его достигнуть,
Ни громы спрашныя подвигнуть,
Внесенъ къ безоблачнымъ спранамъ,
Ногами шучи попираешь,
Угрюмы бури презираешь,
Смѣешься скачущимъ волнамъ.

О Д А УШ.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ
ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛІЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
1747 года.

Царей и царствъ земныхъ опрада
Возлюбленная шишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣтны пестрѣющъ
И класы на поляхъ желтѣющъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзающъ въ море за шобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной вышины
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводишь;
Но краше въ свѣтѣ не находишь
ЕЛИСАВЕТЫ и себя.
Ты кромѣ шой всего превыше;
Душа ея Зефира шире ~
И зракъ прекраснѣ рай.

‘ Когда на пронѣ она вспупила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ;
Тебя въ Россію возврашала,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя приязнь облобызала;
Мнѣ полно пѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется шокъ.
Я Россю щасшѣмъ улаждаю,
Я ихъ спокойствіемъ не мѣняю
На цѣлый Западъ и Воспокъ.

Божеспвеннымъ успамъ приличенъ,
Монархиня, сей кропкій гласъ:
О коль досшойно возвеличенъ
Сей день и шопъ блаженный часъ,
Когда опъ радостной премѣны
Пепровы возвышали спѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою,
И на престолъ явила съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!

Чшобъ слову съ оными сравняшся,
Доспашокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержашся
Опъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободраютъ

Нашъ духъ и къ бѣгу устремляющъ,
Какъ въ понизъ пловца способный въспрь
Чрезъ яры волны порывающъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оспавляетъ;
Лепишь корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчише пламенные звуки
И колебашъ преспанье свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ разширяшъ науки
Изволила ЕЛИСАВЕТЪ.
Вы наглы вихри не дерзайше
Ревѣшъ, но крошко разглашайше
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хочещъ лира восхищенна
Гласишъ велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зилдишель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославишъ въ наши дни;
Послалъ въ Россію челоѣка,
Каковъ не слыханъ былъ опъ вѣка.
Сквозъ всѣ препяшества онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ 1) поправну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

1) Грубоспью.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ спрашшлся,
Свой мечъ въ Пешровыхъ зря рукахъ;
И съ шрепешомъ Непшунъ чудилсЯ,
ВзираЯ на Россійскій флагъ.
Въ спѣнахъ внезапно укрѣплена
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пуши склонилась,
Кошорымъ прежде я шекла?

Тогда божешшвенны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію просширали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ шщаніемъ гошовы
Подашъ въ Россійскомъ родѣ новы
Чисшѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаешъ
Полезны видѣшъ ихъ шруды.

Но ахъ жешпокая судьбина!
БешмертїА досшойный мушъ,
Блаженштва нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
ЗависшлАвымъ ошпорженъ рокомъ,

Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски воспсенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣшлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался пущь;
И шокмо шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянушь.
Но крошкая Екашерина
Оспрада по Пепрѣ едина
Пріемлеть щедрой ихъ рукой.
Ахъ еспылибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана поспыдилась
Съ своимъ искѹсствомъ предъ Невой!

Какая свѣпелость окружаетъ
Въ толикой горесни Парнасъ?
О коль согласно щамъ бряцаешь
Припшнхъ спрунъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Пепрова дщерь
Щедропы опщи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щаспью опшверзаетъ дверь.

Великой похвалы достойны,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнишь сраженьямъ можешь воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живешь:
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому шрубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія шебъ единой слава,
Монархия, принадлежащъ,
Проспранная швоя держава
О какъ шебъ благодарить!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь плещетъ;
Богатство въ оныхъ пошленно
Наукой будетъ опкровенно,
Чшо щедростью швоей цвѣшетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалился Индія:

Но пребуешь къ тому Россія
Искусствомъ уцвѣжденныхъ рукъ.
Сіе злату очистишь жилу,
Почувствуешь и камни силу
Тобой возсавленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна спрана,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твоя вѣвѣаетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И брега наконецъ шеряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смершнымъ неизвеснымъ
Творишь нашура чудеса,
Гдѣ густостью живощимъ шѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ шѣней
На пасшѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгоняетъ;
Охотникъ гдѣ не мешилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ спухомъ
Поющихъ пшницъ не успрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ пупъ свой проспиралъ!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздашь?
Мы даръ швой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедрости швоихъ поспавимъ,
Гдѣ солнца востокъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крушился,
Желая паки возвратиться
Въ швою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда опровергаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрости тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота пупъ бѣлѣетъ,
И море щипища уснупишь:
Колумбъ Россійскій черезъ водъ
Сплыпишь въ невѣдомы народы
Твои щедрости возвѣспишь.

Тамъ шмою оспрововъ посянъ
Рѣкъ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ шучи разныхъ щипищъ лешающъ,

Что песпрошою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Пишась въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ припшныхъ,
Не знаютъ спрогя зими.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злапо исшекаетъ
Во всемъ наслѣдіи швоемъ.
Плушонъ въ разсѣлинахъ мятепся,
Что Россамъ въ руки предаешся
Драгой его мешалъ изъ горъ,
Кошорой шамъ напура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣпила
Онъ мрачный ошвращаетъ взоръ.

О вы, кошорыхъ ошдаешъ
Ошечесиво отъ нѣдръ своихъ,
И видѣшь шаковыхъ желаетъ,
Какихъ зовешъ отъ спранъ чужихъ,
О ващи дни благословенны!
Держайше нынѣ ободренны
Раченъемъ вайшимъ показашъ,
Что можетъ собшвенныхъ Плапоновъ
И быспрыхъ разумомъ Невпоновъ
Россійская земля раждашъ.

Науки юношей[!] питающъ,
Оспраду спарымъ подающъ,
Въ щасливой жизни украшающъ,
Въ несчастной случай берегущъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустыняхъ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милосердіи источникъ!
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣпъ!
Всевышній на шого помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнешь,
Завидя нашему покою,
Противъ себя возмнать войною.
Тебя Зидишель сохранилъ
Во всѣхъ пущахъ безпреткновенну,
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнишь.

О Д А IX.

На день возшествія на престоль Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 года.

Заря багряною рукою
Отъ ушренныхъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіало:
И нашихъ искренности сердець
Предъ трономъ Вышняго пылаешь,
Да щастіемъ твоимъ вѣнчаешь
Его средину и конецъ.

Да движущая свѣтила спройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Тебѣ въ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да изстребишя,
И огонь и мечъ да удалишя
Отъ спранъ твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣшя нѣжно,
И рапай въ нивахъ ¹⁾ безмятежно
Споричный плодъ да собереть.

1) И земледѣлецъ.

Съ способными въспрами споря,
Терзашь да не дерзнешь Борей
Покрышаго судами моря,
Пловущими къ земли швоей.
Да всѣхъ глубокий миръ питаешь,
Желѣзо браней да не знаешь,
Служа въ шрудѣ безмолвныхъ седѣ,
Да злобна зависшъ посимидишся,
И славѣ свѣшъ да удивишся
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да храняшъ ушавы
И правду на судѣ судьи;
И время швоея державы
Да ублажашъ раби швои.
Сосѣды да блюдушъ союзы;
И вамъ, возлюбленны Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно
Да будешъ радостъ повседневно,
При Невскихъ обновясь шруяхъ.

Годину шу воспоминаю,
Среди ушѣхъ мятепся умъ!
Еще крушишся мгла густая,
Еще наносишъ спрашай шумъ!
Тамъ буря искры зажигаешъ;

И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ прескомъ храмъ!
Какъ мѣдъ въ горнилѣ небо рдѣлся,
Богатство разума спремѣлся
На низъ къ прелещущимъ ногамъ.

Дражайши Музы, опложите
Взводишь на мысль печали шѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ опеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ пронѣ
Яснѣ дня ЕЛИСАВЕТЪ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась,
И пѣма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица шрудолюбныхъ пчелъ,
Блещущими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Спекаешься оспавивъ розы
И сопомъ напоены лозы,
Со щцаніемъ опивсюду рой,
Свою царицу окружаетъ;
И тѣсно въ слѣдъ ея лепкаетъ
Усердіемъ вперенный спрой.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Спекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь, взиралъ на пивой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Слѣшили слѣдомъ за побоею.
Тогда великій градъ Пепровъ
Въ едину спогну умѣшился,
Тогда и въпръ остановился,
И плескъ 1) вносилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣща,
Какъ молнія, доспигнуль слухъ,
Чшо царспвуетъ ЕЛИСАВЕТА,
Пепровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда неспройные сосѣды
Опчаялись своей побѣды,
И въ мысли опспупали вспянь.
Монархія, кшо Россовъ знаешь,
И ревноспъ ихъ къ шебѣ внимаешь,
Помыслишь ли прошиву спашь?

Чшо Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей просперши къ намъ,
Твой онъ силы почищаетъ
И власпъ подобну небесамъ.
Левъ нынѣ шокмо зришь ограду,

1) Чшобъ плескъ всходилъ. ^

Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ сжаду.
Но море нашей пишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ запады сираи.

Европа упоменна въ брани,
Изъ пламени подъявъ главу,
Къ тебѣ свои просперла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя крошчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всемишній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ твой лаврами обвиши
Не обнаженъ войну пресѣки.

Европа и весь міръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миллионъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ шронъ!
О какъ сіе насъ улаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархини, твой дѣла!
Народовъ твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ глазомъ всѣ вызываешь,
Что ты зацѣпица и мать,
Твоя доброта изчисляешь;
Но всѣхъ не можемъ описатьъ.
Когда воспынь щедроты щиримся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣды твоей мыслѣ печешь,
Какъ пали Гошѣ предъ шобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлѣй удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобы всѣмъ кшо дарами цѣлѣ:
Тотъ крѣпкое имѣешь шѣло;
Но слабѣ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ:
Въ другомъ блискаешь умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣешь шѣсный,
И духу силъ не доспашешь.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и шѣла красоты;
Что въ многихъ раздѣлась блискающъ,
Едина всѣ имѣешь ты.
Мы видимъ, что въ тебѣ единой

Великій Пётръ съ Екашериной
Къ блаженству нашему живещъ.
Похваль пучина рѣшилась!
Смущенна мысль оспановилась,
Чѣмъ словъ къ тому не доспаетъ!

Однако духъ еще спремился,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчашъ спыдился:
О Муза, усугубь швой даръ,
Глази со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зришь своей державы;
Гремящей насыщенна славы
Покоишься среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими числыми спруями
Шумя, спадамъ наводящъ сонъ,
Съдишь и ноги просшираешь
На спень, гдѣ Хину опдѣляешь
Просширная спѣна опъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаешь,
И вкругъ довольства изчисляешь,
Возлегли лакшемъ на Кавкасъ.

„Се нашею, рекла, рукою
Лежишь поверженный Азовъ;
Рушишель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ!
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и баша Пепръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена памъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали шучи спрѣлъ!

„Въ моей послушности крушатся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы щипатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловишь звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются люшосни Борея;
Чудовищамъ дерзають въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ проспирасъ,
Угрюмы шучи раздраасъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

„Здѣсь Днѣпръ хранишь мои границы,
Гдѣ Гошеъ гордящійся упалъ
Съ поржесшвенныхъ колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сармашовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,

Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во-всѣ спраны, и спрахомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу бысприяой.

„Въ спѣнахъ Пешровыхъ прошекаетъ
Полна веселья шамъ Невъ,
Злашой 1) порфиною блиспаетъ
Покрыша лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылають
Сердца, какъ спогны всѣ сѣяють
Въ исполненной ушѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Пешрополь небу подражая,
Подобны испуслилъ лучи.“

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ:
Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ побой спойтъ,
Власы сѣдые проспираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопіа:
„Воззри на храмы опаленны,
Воззри на спѣны разрушенны;
Я жду щедроты швоея.“

1) Вънцемъ.

Гряди, краснѣйшая дѣвицы,
Гряди, и свѣтлоспѣю лица
И блескомъ чистой багряницы
Ушѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Ощуществуя ты будешь съ нами;
Покрышымъ орлими крилами
Кто смѣешь прикоснуться намъ?

Но есѣли гордосѣ ослѣпленна
Дерзнешь на насъ воздвигнушъ рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Прошивъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ тебѣ преклонишъ,
И шучи спрашныя нагонишъ
Во срѣщенѣ врагамъ твоимъ.
Лишь шолько ополчишся къ бою,
Предыдешъ ужасъ предъ шобою,
И слѣдомъ воскуришся дымъ.

О Д А Х.

Въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Сарскомъ селѣ, Августа 27 дня 1750 года.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищень?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ Олимпа вознесень!
Божественно лице сіяешь
Ко мнѣ, и сердце озаряешь
Блнсплюющимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха прнншство
Богинѣ красныхъ снхъ высотъ!

Чтожъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Опъ коей хнпросью напрасной
Укрышся хочешь звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со дѣнницей
Великолѣпной колѣсницей
Въ безоблачныхъ спранахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонянно!
Благополучень многокрапно,
Когда нещедрымъ сномъ я лѣжусь!

Пресцанъ сомнѣнъемъ колебашся,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Неложны по мечшанья зряшся,
Но истинно Пепрова дщерь
Къ наукамъ маперски снисходитъ,
Щедрою въ воспоргъ приводишь.
Ты, Муза, лиру прими,
И чшобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славена
Гордяся, пролился спруи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Злапыя кровы окомъ мѣришь,
И въ ужасъ себѣ не вѣришь;
Но каждую обозрѣвши часъ,
Съ веселіемъ сіе вѣщаешь:
То само Небо созидаетъ,
Или Пепровой дщери власъ.

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась пщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя,
Клубишся пѣною въ правѣ.
Во храмъ сіяющій мешаломъ,

Предъ шронъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно проспираешь ходъ;
Вънцемъ зеленымъ увязенной
И въ вись въщаешь облеченной
Владычицъ Россійскихъ водъ.

Рѣка, кошорой проливають
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щаслива шрудомъ Пепровымъ;
Тебя и нынѣ красишь новымъ
Раченіемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Но малые мои пѣшохы
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Кошорой изъ рая шечешь.

Мои испочники вънчаютъ
Едемской равни красоша,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохлады возлюбивъ мѣсяца;
Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами изнепряютъ.
Не шокмо нѣжная весна,
Но осень шамо юношь года;
Всегда роскошшвуешь природа
Искусшвомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣпви высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ пшцы воспѣваютьъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Чшо царшвуешь съ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивнися.
Цвѣшъ, межъ коихъ Индъ крупишся,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда шомитъ пропшжный день,
Отъ знойной шеплошъ и свѣта
Прокладна покрываетъ шѣнь,
Гдѣ вѣшви преклоняшъ зеленъ,
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводяшъ жаркіе лучи.
Но колъ великая опрада,
И шомнымъ чувствшамъ шущъ проклада,
Какъ росу пьюшъ цвѣшъ въ ночи!

ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ доброшамъ
Вездѣ подобна красошъ;
Примѣра многимъ лишъ щедрошамъ
Не смѣешъ скудна дашъ вода,
И орошашъ скаканьемъ поля;

Однако ещель оной воля
Охошу ободрить мою,
Великой въ похвалу Божинѣ
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речешъ, и къ небу успремлю.

Коль часпо домы оживляешъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Божина понуждаешъ
Звѣрей чрезъ шрубный гласъ изъ норъ!
Ей въшры въ свѣдъ не успѣваютьъ;
Коню бѣжашъ не воспящаютъ
Ни рвы, ни часныхъ въшьвей связъ;
Крушишъ главой, звучишъ броздами,
И шопчешъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Какъ еспьли зданіемъ прекраснымъ
Умножишъ должно звѣздъ число;
Созвѣздіемъ являшся яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, чшо легковѣрнымъ
Раченъемъ древносшъ и безмѣрнымъ,
Поднявъ на швердъ, вмѣспила шамъ,
Укройпесь за предѣлы свѣта:
Се зиждешъ здѣсь ЕЛИСАВЕТА
Красу приличну небесамъ!

Великія Семирамиды

Разсыпанна окружності спѣнь,
И вы, о горы пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ ошлагощенъ,
Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный шрудъ лѣтъ малыхъ зрѣли;
Вамъ не было бы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ создали человѣки,
Здѣсь создаетъ божество.

Великолѣпными верхами
Восходящъ храмы къ небесамъ;
Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
ЕЛИСАВЕТЪ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ стороны взираетъ,
И на единъ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зрѣтъ лежащіи
Поля и грады подъ собой.

О коль правдиво возвышаешь,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блискаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнасъ,
Какъ ты отъ мѣсяцъ преукрашеныхъ 1)

1) Препещреннѣхъ.

И лѣпней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла мастерски къ нему.
Являя шакову щедросту,
Колику къ знаніямъ охоту—
Даетъ народу швоему!

— Чшо дымъ и пепель опрыгая,
Мрачить вселенну Энциладъ,
Ревепъ подѣ Эшною рыдая,
И шѣломъ наполняепъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
Въ опчяныи прясепся яромъ,
Безсиленъ 1) шягошу подняишь,
Великою покрывъ горою,
Безъ пользы движепся подѣ шюю,
И шщепно силииши возстаишь

Такъ варварство швоимъ Перуномъ
Уже повержено лежишь,
Когда при шумѣ сладкоспрунномъ
Поющихъ Музъ швой слухъ звучишь,
Востокъ и Западъ наполняепъ
Хвалою швоей, и возвышаепъ
Тѣби щедросты выше звѣздъ.
О вы щаспливыя науки!
Прилѣжны просишайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ шѣспъ.

1) Не можепъ.

Пройдише землю и пучину,
И степи и глубокий лѣсъ,
И нущрь Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ:
Вездѣ изслѣдуйше всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣль свѣшъ;
Трудами вѣки удивилше,
И, сколько можешь, покажише,
Щедрошою ЕЛИСАВЕТЪ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, пы въ чesнь возвысь
Монархамъ, ошъ кошорыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блага изсуши,
Военны облегчи громады,
Пешпромъ основанные грады
Подъ скипшромъ дщери соверши.

я

Въ земное нѣдро, пы Химія,
Проникни взора оспрошой,
И что содержишь въ немъ Россія,
Драги сокровища открой:
Ощечеснѣва умножишь славу

И вѣще укрѣпишь державу
Спѣши за хипрымъ еспешивомъ,
Подобнымъ облакался цвѣшомъ;
И что прекрасно шокмо лѣшомъ,
Ты сдѣлай вѣчно масперспивомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
ЕЛИСАВЕТИНЫ заслуги,
Чтобъ шамо въ вѣчну славу ей
Сіяла новая планеша.
Россійскаго просшрасшво свѣша
Собравъ на малы чершежи,
И грады оною спасенны,
И села еюже блаженны,
Географія покажи.

Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предъявляй,
Чтобъ 1) рашай могъ избраши время,
Когда землѣ повѣришь сѣмя,
И дашь когда покой браздамъ;
И чтобы не боясь погоды,
Съ богашспивомъ дальни шли народы
Къ ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ брегамъ.

1) Земледѣлецъ выбрали.

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ щаспьемъ веселись,
Къ блискающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равень былъ ЕЛИСАВЕТЪ
Такимъ блисканіемъ хвалы.
Но что за громы ударяють?
Се гласъ мой звучно повспоряють
Земля и вѣтры и валы!

О Д А ХІ.

На день воѣшества на Всероссійскій
престолъ блаженныя памяти Государыни
Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Ноября 25 дня 1752 года.

Россійско солнце на восходѣ
Въ сей обще вождѣнный день
Прогнало въ ревностномъ народѣ
И ночи и печали шѣнь.
Вспомнявъ часы веселы,
Красуйшесь щасливъ предѣлы,
Въ сердцахъ усугубляйше жаръ.
Поля и горы восклицайше,
И совокупно возвышайше
Усердіемъ небесный даръ.

Чпо часно солнечнымъ сравняемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Опъ нужды дѣлъ не прибѣгаемъ
Къ однимъ шоль много крашъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіяніе въ шебѣ зримъ ново
И нову красоту добростъ.
Лишь шолько умъ къ шебѣ возводимъ,
Мы ясностъ солнечну находимъ,
И многихъ шеплошу щедростъ.

Когда премудроспью своею
Всевышній солнце сошворилъ,
Пуши различны надъ землею
Въ печеніи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часъ Европы
Сіаешь въ Южны Есіопы,
И паки къ намъ приходишь вспашь;
Полсвѣща дневной теплошою,
Полсвѣща нощной въ ночь росю
Премѣнно шцишся оживляшь.

Такъ ты, Монархиня, сіаешь
Въ концы державы цвоея,
Когда по онымъ прошекаешь,
Ошраду, радосшь, жизнь дая.
Ошь славныхъ водъ Балтійскихъ края
Къ Воспоку пушь свой проспирая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь,
Инымъ прохладну шѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пуши, копорымъ пролетаешь,
Какъ быспрой въ высотѣ орель,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Ошь всѣхъ къ тебѣ просперши взоры,

Тобой всѣхъ полни разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ впродъ.
Дипля родившихъ вопрошаешь:
Не пая ли на насъ зриаешь,
Чшо мащерию всѣ доуишь?

Иной ошъ спаросити нагбенный
Простершь спараеиша хребешъ,
Главу и очи ушомленны
Возводишь, гдѣ швой блещеиъ свѣшъ,
Тамъ видя возрасиъ безсловесный,
Монархия, швой зракъ небесный,
Любезну оспавляеиъ грудъ;
Чего языкъ не изъясняеиъ,
Усмѣшкой шю изображаеиъ,
Послѣдуя очами въ пуиъ.

Среди наслѣднихъ державъ,
На древней предковъ зысоиъ,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красоиъ,
Надѣясь швоего прихода,
Коляко множесшво народа
Тебѣ во срѣиенъе шечешъ!
Всшаюиъ верьхи Рифейски выше:
Течешъ Двина, Днепръ, Волга шите,
Желая швой увидѣиъ свѣшъ.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поляція спруи!
Вы ударяючи во бреги шучны,
И проходя поля свои,
Ликуйше, свѣшло веселишесь;
Вы скоро, скоро насладишесь
Богини щедрныя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
Видѣнія ея лишены.
Сердцами пойдуть въ слѣдъ за ней.

Сердцами пойдуть, и ушами
Въ воспоргѣ сладкомъ возгласить:
Коль славными она дѣлами
Пешровъ разпространила градъ;
И какъ о свѣшломъ оной взоръ
Возвеселясь, подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ!
Какимъ необычайнымъ шрескомъ,
Какимъ молніевиднымъ блескомъ
Возхищился внезапно умъ?

Кто въ громъ радостные клики
И огонь ошъ многихъ водъ даетъ?
И кто ведетъ въ Перунахъ лики?
Великая ЕЛИСАВЕТЬ
Дѣла Пешровы совершаетъ,

И глубинѣ повелѣваете,
Въ средину нѣдръ земныхъ вступите!
Отъ гласа Россіи Палады
Подвигались сильныя громады,
Врагъ пучинѣ оповороте.

О полны чудесами вѣки!
О новостѣ непонятныхъ дѣлъ!
Текутъ изъ моря въ землю рѣки,
Нашуры нарушивъ предѣлъ:
Уже въ нихъ корабли всплываютъ,
Отъ коихъ волны отбѣгаютъ,
И спонетъ спрашннй Океанъ.
Помысли, земнородныхъ племя,
Бываль ли гдѣ въ минувше время
Примѣръ сего чуднѣ данъ?

Помысли, зря дѣла шалки
И прудъ, что можемъ понести,
Что можешь нынѣ ПЕТРЪ Великій
Черезъ дщерь свою произвести!
Напрасно спрогая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ береговъ вечернихъ на Воспокъ.
Я вижу умными очами,
Кодумбъ Россійскій между льдами
Слѣзистъ, и презираешъ рокъ.

Тамъ щастіе ЕЛИСАВЕТЫ
Предходили кораблямъ въ пущи,
Ошводишь всѣхъ спихій навѣны,
И въ слѣдъ себѣ велишь иппи.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни волны льдомъ опягощенны
Противъ его не могушь спашь.
Божесшвенны ея щедроты
Къ чему не могушь намъ охоты
И силъ непобѣдимыхъ дашь?

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіеете уже Богини,
Земныхъ оспавя низкосшь мѣсць!
Вы пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство
Чрезъ славныя свои дѣла.
Воззрише съ вышнимъ свяшныя,
Коль свѣтло въ наши дни Россія
Пешровой дочерью процвѣла!

Супружню, Ольга, смершь опмицаа,
Казнишь изкуссшвомъ Искоресшь;
И тѣмъ невѣрства избѣгалъ,
Спѣшншь до просвѣщенныхъ мѣсць.
Премудросшь, храбросшь и свяшныя

Тобой, блаженная Княгиня,
Изъ древности сіеишь къ намъ.
Твои въ дѣлахъ свящныя вѣрм
Даетъ Пешрова дочерь примѣры;
Но мстишь умѣренцо врагамъ.

Елена 1), грознаго Героя
Великая дѣлами мать!
Среди враговъ шы грады спроя,
Россію щцилась защищашъ.
Напрасно дерзки сопоспашы,
Свирѣпы орды и Сармашы,
Спремились на швое вдовспшъ;
Сыновия шобою младосшъ
Была спранамъ Россійскимъ радосшъ,
Врагамъ ужасно сиропшшво.

Ты многой силой защищася,
Сдержала злосшъ враговъ швоихъ;
ЕЛИСАВЕТА возвышася
На шронъ, низвергнула смонхъ;
И нынѣ посредѣ покоя
Прекрасны храмы, грады спроя,
Россію щцишся украшашъ;
Одни Россійскихъ воинспшъ слѣды
И чудныя ея побѣды
Прошивныхъ могутъ усшращашъ.

1) Великая Княгиня Московская Елена Васильевна супруга Великаго Князя Василія Іоанновича, рожденіемъ Княжна Глинская, мать

И ты въ женахъ благословенна;
Черезъ кою храбрый АЛЕКСѢЙ
Намъ далъ Монарха несравненна,
Что свѣтъ открылъ Россіи всей,
Велика шѣмъ, что ты родила;
Но больше, что намъ сохранила
ПЕТРА отъ внутреннихъ враговъ!
Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
Когда злодѣевъ представляемъ
Рыкающихъ, какъ люпыхъ львовъ!

Воззри на вѣнценосну внуку,
Что злыхъ совѣщъ раззоря,
Пріемлешь скиншпръ въ Геройску руку,
Другую движешь чрезъ моря,
Противныхъ силы успрашаешь,
ПЕТРА въ Россію возвращаешь,
Коварства ихъ разсыпавъ мракъ;
Пушемъ приводишь безопаснымъ;
Съ плесканіемъ вездѣ согласнымъ
Крѣпишь наслѣдіе и бракъ.

О ты, котораго Россія
Давно отъ чреслъ Пепровыхъ ждетъ.
Для коего молебнъ свящныя
ЕЛИСАВЕТА къ Богу льетъ,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно!

Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича
правила съ нимъ въ его младенчество Россій-
скимъ государствомъ по завѣщанію супруга
своего чешыре года съ половиною.

О семь единомъ безушѣшно
Вздыхають Россі всякой часъ.
О Небо, предвари судьбину,
Снабди плодомъ ЕКАТЕРИНУ,
Внуши народовъ многихъ гласъ!

Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Пешровыхъ дѣлъ
ЕКАТЕРИНА, погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ онъ опшелъ,
Ушѣшила шь въ слезно время,
Нося шоль шягосшное бремя,
Что самъ онъ на шею взложилъ.
Возвеселися нынѣ шюю,
Кошору онъ для насъ шобюю
Подобну обимъ родилъ.

Что должно оной по наслѣдству,
Геройствомъ возмогла дойти.
Какому шь подверглась бѣдству,
Монархия, шюбъ насъ спаси!
Мы часъ шюшъ нынѣ предспрашаемъ;
Предспавивъ, виѣ себя бываемъ:
Надежда, радость, страхъ, любовь
Живитъ, крѣпитъ, печалитъ, клонитъ,
Противна спраши противну гонитъ,
Гушитъ и кипитъ въ насъ кровь.

Однако въ силахъ Богъ великій
Тебѣ вънець, намъ радости даль;
Въ шебѣ одной хвалы шлоики
Россійскихъ Героинь послалъ.
Въ шебѣ одной всѣхъ почишаемъ,
И къ Вышнему всегда взываемъ:
Подай ЕЛИСАВЕТѢ въкъ
Обилень, радостень, спокоень,
Таковъ, коль долго жишь достоень
Тебѣ подобный человекъ!

О Д А XII.

НА РОЖДЕНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЬСО-
ЧЕСТВА ГОСУДАРЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА
ПЕТРОВИЧА, СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ 1754
ГОДА.

Надежда наша совершилась,
И слава въ пущь свой устремилась:
Спѣши, спѣши, о Муза, въ свѣдѣ,
И Лиру согласи въ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣтъ!
На гласъ себя онъ нашъ склоняетъ,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Петрова первенца лобзаеиъ
ЕЛИСАВЕТА на рукахъ.

Се радости возвѣщающе звуки!
Воздвигъ Пѣтрополь къ небу руки,
Веселыми устамъ рекъ:
„О Боже, буди препрославленъ:
Сугубо нишъ я возсхваленъ,
Злашой мишъ усугубленъ въкъ!“
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы выпускала,
Въ возшоргъ принуждая печь.

Когда на холмѣ кпо высокомѣ
Сѣдя, въ округѣ объемлетъ окомѣ
Поля въ прекрасной лѣпнѣй день,
Сады, долины, рощи влачны,
Шумящихъ водѣ ключи прозрачны
И дровъ густыхъ прохладну пѣнь,
Спада ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго пруда,
И желбы класы межъ браздами;
Чпо чувствуешь въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Пешровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный,
Возшедь опрадъ на вышину,
Вокругъ веселія счищаешь,
И края имъ не обрѣщаешь;
Какую зришь онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На спогнахъ ходящъ и брегахъ;
Шумящъ шамъ праздничные клики,
И раздающъ въ облакахъ.

Тамъ слышны разны разговоры,
Иной взводъ на небо взоры,
Великъ Господъ мой! говоритъ:
Мнѣ видѣшь въ спаросши судилось,
И прежде смерти приключилось,

Часть I.

10

Что въ радости Россія зрѣтъ!
Иной, я спячу жишь дополѣ,
Гласишь, молодой свой знаа вѣкъ,
Чтобы служишь подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройши и быспросишь рѣкъ!

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава спранъ звучишь.
Труды народы оспавляютъ,
И гласу новому внимають,
Что промыслъ имъ чрезъ шо велишь?
Пучина преклонила воли,
И на берегахъ умолкнулъ шумъ;
Бездонныя всѣ земли полны;
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.

Но грады Россіе въ надеждѣ,
Котора ихъ пишала прежде,
Подвигались слухомъ паче шѣхъ,
Верхами къ высотѣ несущся,
И щипаются облакамъ коснуться.
Москва споя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими спѣнами
Въначалу возводишь къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную опраду
Великому внушили слухъ граду,
Опшверзшіемъ священнымъ ушъ
Трясущи сѣдиной, вѣщаешь:
„Теперь мнѣ Небо ушверждаетъ,
Что домъ Пешровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И судъ и правда водворится;
Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.“

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при тебѣ прекрасно,
Монархія, живутъ и чинятъ;
Сіе всѣ грады повшворяютъ,
И рѣчи купно сообщаютъ,
И съ ними села всѣ гласятъ!
Какъ громъ отъ шучей удаленныхъ
Въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ;
Какъ брегъ шумитъ отъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укрощѣвшей вдругъ.

Ты, слава, далѣ простираясь,
На Западъ солнце устремляясь,
Гдѣ Висла, Рень, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ сады,
Гдѣ ихъ еще гремѣтъ победы,

Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедриль Богъ!
ПЕТРА Великаго попомки
Даюшся милосши въ залогъ.

Чшо Россовъ мужество крѣпишся;
И нынѣ кшо лишь возгордишся,
Сугубу ревность ощутишь!
Не будешь никому измѣн:
Падущъ въ дыму проливныхъ слѣн,
Погибнешъ въ прахъ древней вѣдъ.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сіе возшубишь свѣтъ;
Меня любовь неперцѣлива
Обрати въ градъ Пешровъ зовешъ.

Богиня власни несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Оспрада Россовъ и любовь!
Во возшоргѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Чшо въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью швоей.
О какъ шмы симъ возвеселилась!
Коль ясень былъ швой свѣтъ очей!

Когда ты на престоле достигла,
ПЕТРА Великаго воздвигла,
И жизнь дала ему собой.
Онъ лаки нынѣ воскресаешъ,
Чшо въ правнукѣ своемъ дышаешъ,
И родъ въ немъ восплаваешъ свой.
Мы долго обоихъ желали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости прилязъ,
О Небо, ошъ щедрошъ швоихъ!

А вамъ, дражайшіе супруги!
Вамъ плещушъ нынѣ дѣсь и луги,
Вамъ плещушъ рѣки и моря.
Предспавъше радости внѣ и въ градѣ,
Взаимно на себя въ опрадѣ.
И на младаго ПАВЛА зря.
Зачни, диши, зачни любезно
Усмѣшкой рождшихъ познавать:
Боговъ породѣ бесполезно
Не должно сроку ожидашь.

Распи, распи, крѣпясь,
Съ великимъ Прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики сушъ дѣла Пепровы;
Но многія еще гошovy

Тебѣ оспались напреди.
 Когда взираемъ мы къ Воспоку,
 Когда посмошримъ мы на Югъ,
 О коль пространность зримъ широку,
 Гдѣ можешь загремѣшь швой слухъ!

Тамъ вкругъ обдегъ драконъ ужасный
 Мѣспа свящѣ, мѣспа прекраснѣ,
 И къ облакамъ спо главъ вознесъ!
 Весь свѣшь чудовища спрашившѣ,
 Единъ лишь смѣло успремишѣся
 Россійскій можешъ Геркулесъ.
 Единъ спо оспрыхъ жалъ пригнушишь,
 И множесшвомъ низвержешъ ранъ,
 Единъ на спо головъ наспунишь,
 Возспавишь водноспѣ многихъ спранъ.

Проспранными Китпай спѣнами
 Закрышь бышь мнишѣся передъ нами,
 И что пуспой земли хребешъ
 Онъ спранъ Россійскихъ опдѣляетъ;
 Онъ гордымъ окомъ къ намъ взираешъ:
 Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
 Внезапно яросшъ возгорнишѣ
 И огнь и месшъ между спѣной,
 Сіе все можешъ совершишѣся
 ПЕТРОВА племени рукой

Въ своихъ увидишь предкахъ лавны
Дѣла велики и преславны,
Чшо могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго МИХАИЛА
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднявъ,
И послѣ спрашной перемѣны
Въ предѣлахъ удержавъ враговъ,
Собравъ разсыпанные члены
Такого множества градовъ.

Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи опдалъ АЛЕКСѢЮ.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ готовилъ въ море;
Но все шо Богъ ПЕТРУ судилъ.
Сего къ ошечесству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ;
Его и крошкія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.

<

Примѣръ въ его великой дщери.
Широки ша опверзла двери
Наукамъ, счастью, пишинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедрой больше, какъ грозою

Въ Россійской царшвуешь спранѣ.
Но ты, о гордоспѣ вознесенна!
Блюдися съ хипроспѣю своею.
Она Героями рожденна;
Геройской духъ извѣспенъ въ ней.

Но нынѣ мы не зная брани,
Проспремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ:
О Боже крѣпкій Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ разширитель,
Коль милоспннѣ бываеъ ты къ намъ!
Чрезъ седмъ сопѣ лѣпѣ едино племя
Ты съ Росскимъ скипшромъ сохранилъ;
Продли сему по мѣрѣ время,
Какъ нынѣ Россію разширилъ,

Воззри къ намъ съ высотъ святымъ,
Воззри, коль широка Россія,
Кошорой далѣ ты властѣ и цвѣштѣ.
Опѣ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Опѣ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ пѣбѣ взывали девѣпѣ лѣштѣ.
Ты подаль оспрасѣ намъ едину:
Умножа благодапѣ послѣ,
И впредѣ съ ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНУ
Рожденіемъ возвесели.

Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣшомъ клялся несозданнымъ
Хранишь во вѣкъ пресполю и родъ.
Исполни что надъ позднымъ свѣшомъ,
И шаковымъ святымъ обѣшомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для шоль великихъ спранъ покою,
Для счасья множеснва вѣковъ,
Поспавъ, какъ солнце предъ шобою
И какъ луну, пресполю Пешровъ.

/

О Д А XIII.

Блаженной памяти Государынь Импера-
трицъ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ на день
рождения Ея Величества, Декабря 18 дня
1757 года.

Красуйтеся многіе народы;
Господь умножилъ домъ Пешровъ;
Поля, лѣса, брега и воды!
Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ спраны взираешь,
Свою Россію обновляешь;
Полки, законы, корабли
Самъ спроишь, правишь и предводишь,
Нашуру духомъ превосходишь
Герой въ моряхъ и на земляхъ.

О божеской залогъ! о племя!
Чѣмъ наша жизнь обновлена,
Возвращено Пешрово время.
О вы любезны имена!
О швердь небеснаго завѣща
Великая ЕЛИСАВЕТА,
ЕКАТЕРИНА, ПАВЕЛЪ, ПЕТРЪ,
О новая намъ радость АННА,
Россіи свыше дарованна,
Божественныхъ порода нѣдръ!

Смоптрите въ солнцевъ предѣлѣхъ
На ранней и вечерней домъ;
Смоптрите на сердца веселы:
Внемлите общихъ плесковъ громъ.
Успами цѣлая Россія
Гласишь; о времена злашныя!
О мой всевождедѣльный вѣкъ!
Прекрасна АННА возвратилась;
Я съ нею разлучась, крушилась,
И слезъ моихъ источникъ шекъ!

Здѣсь Нимфы съ воплемъ провожали
Богиню родомъ, красой.
Но нынѣ громко восплескали,
Младая АННА! предъ шобой;
Тебѣ, пѣснь звучну воспѣваюшъ,
Героя въ мужа предвѣщаюшъ,
Геройскихъ всѣхъ попомковъ плодъ,
Произопцаишь земли владыки,
Родились бы ПЕТРЫ Велики,
Чшобъ просвѣдшишь весь смершныхъ родъ.

Умолѣни нынѣ брань кровава.
Намъ всѣхъ приятиище побѣдъ;
Намъ больше радости, больше слава,
Чшо ПЕТРЪ въ наслѣдїи живешъ,
Чшо дщерь на шренѣ зришь Россія. !

На что державы ей чужія?
Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
Послушайте концы вселенной,
Что нынѣ въ брани воспаленной
Въззаль ея на Небо духъ:

„Великій Боже Вседержитель!
Святымъ швой промысль я совѣшъ
Имя въ сердце мой родишель,
Вознесъ подъ солнцемъ Россій свѣшъ.
Меня оставленну судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою,
И на престолахъ посадилъ.
Шесинадцать лѣшъ нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру
Союзами и шпрахомъ силъ.

Какъ славны далъ шм намъ побѣды,
Всего превыше было мнѣ,
Чтобъ родъ Ростійской и сосѣды
Въ глубокой были шипинѣ.
О безмятежной жизни свѣша
Я всѣ усердшвовала лѣша:
Но нынѣ я скорблю душой,
Зря бури царшвамъ шоль опасны,
И вижу, что шѣ несогласны
Съ свяшой правдивосшью швоей.

Присяжны пресупивъ союзъ,
Поправши нагло свѣпосшь правъ,
Царямъ навергнушь шщидишя узъ
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ! воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли ушѣсненны,
На помощь спраждуцимъ возспанъ,
Позволь для общаго покою
Подъ сильною швоей рукою
Воздвигнушь прошивъ брани брань.“

Сіе рекла ЕЛИСАВЕТА,
Геройской свой являя видъ,
Небеснаго очами свѣща
На сродное имъ небо зришь.
Надежда къ Богу въ нихъ сіяешъ,
И гнѣвъ со крошосшью блиспаешъ,
Какъ видишся зарница намъ.
Чшо громко въ слухъ мой ударяешъ?
Земля и море отвѣщаешъ
ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ словамъ!

Противныя спраны шрепещушь,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ.
Ужасные перуны мещушь
Размахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О шмъ союза Героица

И сродна съ нашею богиня!
По вась поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаешъ,
Обиды наглыя опмщаешъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Когда въ немъ милость представляемъ,
Ему подобныхъ видимъ вась;
Какъ гнѣвъ его изображаемъ,
Оружій вашихъ слышимъ гласъ;
Когда неправды онъ карашъ,
То силы ваши ополчаешъ;
Его земля и небеса,
Законъ и воля повсемѣстна;
Поколь намъ будетъ неизвѣстна
Его щедроша и гроза?

Правишеля, судья внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ пренешомъ внимаше;
Сіе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Впері всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божеспвенный пѣвецъ Давидъ
Священными шумишь струнами,
И Бога полными успами
Исайя восхищенъ гремишь.

„Хранише праведны заслуги,
И милуйше сиропъ и вдовъ;
Сердцамъ неживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйше вѣрно,
Пріизнь къ друзьямъ нелицемѣрно;
Опверзйше просящимъ дверь;
Давайше спраждущимъ оспраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Пешрову дщерь.

Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю я послалъ.
Въ ней бодрость, крошость, правда, вѣра;
Я самъ въ лицѣ ея предсхалъ.
Содѣлалъ знаменіе ново,
Украсийъ торжествѣе Пешрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ;
Мои къ себѣ щедроты знайше,
И твердо все то наблюдайше,
Чшо Пешрь, она и я велѣлъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Проспирйше вашъ усердный прудъ, *
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, паспвой, блескомъ рудъ.
Пуши всѣ опшворю къ блаженству,

Желаній вашихъ къ совершенству.
Я крошкимъ окомъ къ вамъ воззрю,
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взоидетъ съ солнцемъ радости многа,
Враговъ совѣши раззорю.“

Ликуй, спрана благословенна,
Всевышняго обѣщаю вѣрь;
Пребудешь онимъ покровенна,
Его щедрошой щастье мѣрь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай въ полки велики, сильны
И на размноженный народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедръ,
Къ шрудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедра
Среди жаровъ, морозовъ, водъ.

Свирѣпой Марсъ въ минувши годъ
Въ Россіи по снѣгамъ спупалъ,
Мечемъ и пламенемъ народы
Въ срединѣ самой успрашалъ;
Но нынѣ и во время зноя
Не можешь нарушишь покоя;
Какъ сверженной Гигантъ ревешъ;
Поправъ Россійскою ногою,
Спѣсяненъ какъ спрашноу горою,
Напрасно пняжи узмъ рвешъ.

Тамъ мракъ божеспвеннаго гнѣву
Подвергнулъ грады и полки
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзанью хладныхъ руки:
Тамъ слышанъ вой въ оружномъ прескѣ,
Изъ пучъ при смертоносномъ блескѣ
Кровавы шрупы множатъ спрахъ.
О ты опечесиво драгое!
Ликуй при внутреннемъ покоѣ
Въ ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ лучахъ.

О Д А XIV.

На день тезоименитства влаженный па-
мяти Государыни Императрицы ЕЛИСА-
ВЕТЫ ПЕТРОВНЫ СЕНТЯБРЯ 5 дня 1759,
и на повѣды Ея въ семь году надъ Коро-
лемъ Прускимъ одержанныя.

Щедрошь источникъ, Ангель мира,
Богиня радостныхъ сердець,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ крошкующу весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при швоей державѣ
Въ Европѣ спрашну зрѣшь войну?

Позволь, мнѣ жаръ велишь сердечный,
Монархиня, въ сей свѣпалый день,
Какъ въ имени швоемъ Предвѣчный
Поспавиль намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царство,
Чтобъ миромъ свергла ны коварство,
Позволь мнѣ духа взоръ проспершь
На брань и сродство милосердо,
Гдѣ крошкующи жилище швердо,
Жалка и сопосташовъ смершь.

О колы мечпанія' прошивим
Объемлющъ совокупно умъ!
Доброшмы вижу здѣсь предивны,
Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ,
Здѣсь полдень милосшии и лѣпо,
Щедрошой общество нагрѣпо;
Тамъ смершну хлябъ раззинуль адъ!
Но промыслъ мракъ сей разгоняешъ,
И волны въ мысляхъ укрощаешъ:
Ошверзся въ славъ Божій градъ.

Ефиръ, земля и преисподня
Зиждишеля со спрахомъ ждушъ!
Я вижу опрока Господня
Приемлюща небесный судъ.
Всесильный властїю своею
Вѣщаешъ свыше къ Мойсею:
„Я въ яросши ожеспочу
Египшту сердце вознесенно;
Израиля neodолѣнно
Пресвѣщлой силой ополчу.“

Сїежъ явилъ Богъ въ наши лѣща,
Нежспову воъдвигнувъ рашъ,
Дабы тебѣ, ЕЛИСАВЕТА,
Вѣнды побѣдъ преславныхъ даща.
Позволилъ вознесшихъ гордынѣ,

Чѣмъ нашей крошкой Героинѣ
Былъ жребій вышша въ славѣ часѣ;
Чѣмъ врагъ дѣламъ Россійскимъ вѣрилъ,
И опытомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрность, власть.

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ пивой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще ли смотри на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дапелемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти
Еще ли стремишься въ буйной спраси
Вселенной наложить яремъ?

Взирая на пожаръ Кисприна,
На прочи грады оглянись;
Что имъ не равная судьбина,
Не храбросщюю своею гордись:
Что земли, гдѣ пивоя корона,
Не слышатъ гибельнаго спона,
Не видятъ пламенной зари,
Дивятся и въ войнѣ покою;
Побѣдоносной надъ побою
Монархинѣ благодарн.

Велика божествомъ природнымъ,
Восходишь выше пишиной;
Чшобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двинулась войной;
Узрѣвъ разперзаннымъ союзомъ,
Наверженный скиппирамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрошу?
Алчбѣ ихъ свѣша не доспанешъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянешъ,
Сobleщещъ молнія мечу.

Опшъ спранъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Ашланшской буря вышины
Сспремилъсь чрезъ бугрисны бреги,
Являя спрашныя слѣды:
Съ дубами камни похищаешъ,
И горы двигнувъ, раздираешъ:
Налегши на морской хребетъ,
Волнамъ вспрѣчаеши волнами,
Песокъ валяшъ со дна съ кипами;
Тамъ въ пѣнѣ спонешъ новой свѣшъ.

Такъ Россовъ мужество въ походы
Течешъ прошивниковъ шерзашъ,
И роешъ чрезъ поля и воды,
Услышавъ щедрю въ гнѣвъ машъ!
Гдѣ нынѣ Королевско слово,

Чѣло спрашно воинство гошова
На Западъ пушь нашъ прекрашнѣ ?
Уже окровавленна Прегла
Крушясь въ швоей земли, пробѣгла
Россійску силу возвѣснѣнѣ.

;

Тамъ Мемель въ видѣ Фаешонпа
Спремглавъ лешя, Нимфъ прослезмѣ,
Яншарнаго въ заливахъ Понпа
Мечпанѣ въ правду прешворилъ.
За Вислой и за Варшой грады
Паденія или опрады
Опъ воли Росской власпи ждушъ,
И сердце гордаго Берлина,
Неисшоваго исполнѣ,
Перуны, близъ гремя, шрясушъ.

Еще не допусшѣ до року,
Съ ошвагой сопрѣгнѣшѣ шаланъ,
Гиганшу приложили сроку,
Дабы ему умножишѣ ранъ.
Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови шоки
Соединясь, кипѣли въ васъ !
Намъ правда опдаемъ побѣду;
Но врагъ шакаго послѣ вреду,
Еще дерзаемъ прошнѣ насъ.

Богини нашей важность слова
Къ безсмертной славы совершивъ
Спредишься сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломишь.
Ни Польскіе лѣса глубоки,
Ни горы Шлонскія высоки
Въ зацѣпу не сподѣшь врагамъ;
Напрасно пушъ намъ возбраниють:
Россійскіи сподѣи досягають
Черезъ пруды къ Франкфуртскимъ спѣнамъ.

Съ шрофѣи на шрофѣи спупая,
Геройство Росское спѣшивъ.
О Муза, къ облакамъ взлѣшая,
Представъ ихъ раздраженной видъ!
Съ желѣзомъ сердце разкаленнымъ,
Съ Перуномъ руки усшремленнымъ,
Съ зарницей очи равны зрю!
Противникъ слѣдуя Борею,
Сказаль: я буйностью своею
Ударъ ударомъ предварю.

Подобно граду онъ густому
Лѣпяще воинство спѣсниль,
Искаль со стороны пролому,
И рвался въ сердце нашихъ силъ:
Но вихря крушосиъ прежеснока

Въ спремленъи вѣчнаго востнока
Коль долго проспираешъ ходъ?
Обрушась пятгоспнымъ урономъ,
Внезапно съ шумомъ, ревомъ, спномъ,
Преобрапшася въ сонны водъ.

Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сѣчи;
Главы валяпся какъ лиспы.
Теперь съ гошовыми трубами
Передъ Берлинскими врапами
Побѣды нашей дайше звукъ:
Что вашъ Король, полки, снаряды
Не могушъ вамъ подашь опрады,
Разспшпаны опъ нашихъ рукъ.

О чеспъ Россійскаго народа,
Въ дни наши войновъ примѣрь,
Чшо силой перваго похода
Двукрашно сопоспашовъ сперь!
Тебѣ пошъ лавры усплупаешъ,
Кшо прочимъ храбро изшоргаешъ,
Кшо внѣ привыкнулъ побѣждашь,
При дверяхъ домъ свой защищаъ
И крайни силы напругая,
Не могъ прошивъ шебя спюпшъ.

Такіе у тебя герои,
Монархія, въ злошій швѣй вѣкъ;
Такіе Богъ полковъ далъ спрои,
Какъ царствовашъ тебя нарекъ.
Во всемъ послалъ тебѣ успѣхи,
И въ мирѣ и въ войнѣ ушѣхи:
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, шоргъ, науки,
Побѣдоносны слыша звуки,
Блажащъ свой внутренній покой.

Какого свѣплосшь зрю собора?
Подвижники межъ звѣздъ спояшъ,
Пешрова наслаждаясь взора,
Красуйшесь, къ сродникамъ гласяшъ;
Мы сперли мужествомъ гордыню,
Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ опдаешъ живошъ,
Отъ казни винныхъ свобождае,
Щедрошю бѣдныхъ воскрешае,
И духъ вливая шѣмъ въ народъ.

)

Ревнуйте нашему примѣру:
Поможешъ Богъ, какъ намъ помогъ.
Ее, опечесство и вѣру
Предсцавивъ, презирайте рокъ.
Не ускоряшъ вамъ дни спокойны?

Ляпнешь въ брани насъ достойны,
И дѣшамъ сей внушише гласъ.
Герои съмени Пепрова,
На зависъ устремляясь снова,
Въ пощомкахъ нашихъ спросяшъ насъ,

Воздвигнися въ сей день, Россія,
И очи окрестъ возведи;
Къ шебѣ гласяшъ концы земныя:
„Межъ нами распри шь суди
ЕЛИСАВЕТИНОЙ державой:
Ея великолѣпной славой
Вселенной преисполненъ слухъ.
Мы равно нынѣ восклицаемъ,
Желаній жерцву возсылаемъ,
Какъ вѣрныхъ ей Россіянъ духъ.

„Ея неодолимо войско
По правдѣ ходишъ поборашъ,
И сердце съ крошоспью геройско
Съ пощадой знаетъ побѣждашъ.
Коль щещно пышное упорство,
Надѣясь на свое проворство,
Сбираешъ бѣглые полки;
Въ предѣлы крошкаго зефира
Златаго не пріемлетъ мира:
Еще кровавой ждешъ рѣки.“

Съ верховъ цвѣтущаго Парнасса
Смошря на рвеніе сердець,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губишельныхъ брани.“
О Боже! мира Богъ, возспани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
О имени Пешровой дщери
Военны запечатай двери,
Пишай насъ пишиной швоей.

Иль мало, смершны мы родились,
И удвоашъ должны свой плѣнь?
Ещель мы мало упомились
Жишпейскихъ шягошпой бременъ?
Воззри на плачь осирошѣвшихъ,
Воззри на слезы преспарѣвшихъ,
Воззри на кровь рабозъ швоихъ.
Къ тебѣ, любовь и радость свѣша,
Въ сей день зовешъ ЕЛИСАВЕТА;
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

О Д А XV.

На день возшествія на всероссійскій престолъ
влаженный памяти Государыни Императрицы
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,

Ноября 25 дня 1761 года.

Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
Иль лучше, льешь на насъ щедроты,
Монархиня, коль благъ совѣсть
Для Россовъ вышнія доброуты!
О коль къ намъ склонны Небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода олъды
Приосѣняешь благодасть;
Война и миръ дають побѣды:
О Боже, чѣмъ тебѣ воздасть?

Еще, еще бодрись, возпой
Злашая лира дщерь Пепрову,
Гласи и брани и покой,
И силу возпріявши нову,
Въ преклонной звѣкъ мой возлещай;
Младя лѣта превышай.
Она щедроты умножаетъ,
Ты возносишься не преспанъ:
Ей свѣтъ довольства посвящаетъ,
И пш сугубъ желаній дань.

Красуйся въ сей блаженный часъ,
Какъ вдругъ шріумфы возсіяли;
Тѣмъ вѣще озарили насъ,
Чѣмъ были мрачныя печали.
О радость, дай вспомянушь!
О радость, дай на нихъ взглянушь!
Мы больше чувствуемъ оспрады,
Какъ скорби видимъ за побой:
Злощасья независны взгляды
Любезный красящъ образъ швой.

Безгласна видя на одрѣ
Защипника, Опца, Героя,
Рыдали Россы о Пешрѣ;
Вездѣ наполненъ воздухъ волъ,
И съшоваи всѣ мѣсна;
Земля казалася пуща;
Взглянушь на небо, не сіяешь;
Взглянушь на рѣки, не текутъ,
И горь высокосшь осядаецъ;
Нашуры всей пресѣхся шрудъ.

ЕКАТЕРИНѢ скипшръ врученъ
Опечесшвомъ и домою правящъ!
Народъ нашъ шцілся ободренъ
Трудовъ Пешровыхъ не ошавящъ.
Но ахъ, свирѣта наша часъ!

Любезна жизнь ея и власъ
И мужескъ полъ за ней пресѣкъся;
И унывающій народъ
Въ печали вѣреще'облекся,
Что ошлученъ Пешровъ былъ плодъ.

Ужасны хляби, спремнины
Стоящъ противъ Пешровой дщери,
И швердосъ тяжкія спѣны,
И въ вѣкъ заклепанныя двери
И непроходныхъ спранъ морей
Липающъ насъ надежды всей;
Нѣтъ способа и нѣтъ совѣща!
Но Вышній нашъ услышалъ гласъ:
Великая ЕЛИСАВЕТА
Се царствуетъ и щедритъ насъ!

Поспавиль Богъ и Россовъ духъ,
И не подвигнешся во вѣки.
Какая рѣчь плѣняетъ слухъ?
Гласящъ моря, лѣса и рѣки,
Тамъ Нимфы повпоряютъ рѣчь,
Какъ въ спрѣчу ей спѣшили петь:
„Кшо ты? Минерва иль Діана?
Кшо мать тебѣ и кшо отецъ?
Богиней въ свѣтъ бышь избрана,
Доспойная носишь вѣнецъ!

„Не ты ли, коей долго ждемъ,
Желаемъ, льемъ попоки слезны?
Она и спаномъ и лицемъ,
ЕКАТЕРИНИНЪ взоръ любезный,
Подобіе и духъ Петровъ,
Оспрада наша и покровъ.“
О дщери Россіи, играйше!
Надежда ваша васъ не льстишь,
И съ удовольствіемъ внимайше,
Что вамъ Богиня говоришь.

„На ошческой пресполю встожу
Спасши отъ злобы ушесненныхъ,
И щедрой власшью покажу
Свой родъ, умножу просвещенныхъ.
Моей державы кропка мочь
Отвергнешъ смершной казни ночь;
Владѣшь хочу зефира шипше;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ успахъ прощенье, въ сердцахъ Богъ.

О дѣломъ совершенный гласъ!
Благодѣянiя швомъ держава,
Щедрошъ исполнень всякой часъ!
Единая шокмо брань кровава
Принудила правдивой мечъ

Противу гордости извлечь,
Какъ спѣну Росску грудь постлавить
Въ защиту дружескихъ державъ,
И ошъ насильныхъ рукъ избавить,
Въ союзъ вѣрность показавъ.

Какъ вожделѣнный солнца лучъ,
Хотя не пресная сіяетъ,
Скрываешься ошъ мрачныхъ шучъ,
И не повсюду согрѣваешь.
Подобно милосерда власшъ
Любя себѣ врученну часшъ,
Сіянiе даетъ всечасно,
Чшобъ грѣшъ и освѣщаешъ народъ:
Но шерпишъ дѣйствіе прекрасно
Уронъ ошъ бранныхъ непогодъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чшобъ въ нѣдрахъ мягкой пишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Чшо вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спяшъ,
И подъ лѣтними лисшами
Презрѣнной производяшъ гадъ.

Война плоды свои расшпишъ,
Героевъ въ міръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей еспъ щипшъ
Могущество крѣпипшъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россійска повѣсшъ шѣмъ полна,
Уже изъ шмы на свѣшъ выходипшъ
За ней великихъ полкъ мужей,
Что на птеапръ всесѣпный взводитипшъ
Одѣшыхъ солнечной зарей.

Се бодрый воинъ Святославъ
Славянъ и Скиѣовъ съ Печенѣги
И Болгаръ съ Турками собравъ,
Дунайски наполняетъ брегъ,
И побѣдипшъ всѣмъ гласипшъ:
„Здѣсь сердце спранъ моихъ лежишъ,
Смарагды, шолкъ даюшъ мнѣ Греки,
Вино и золото Угровъ шрудъ,
Народъ и хлѣбъ велики рѣки,
Что въ опчеспивъ моемъ шекупшъ.“

Ему геройшвомъ равный сынъ
Владиміръ, превосходный вѣрой,
Войной и миромъ исполинъ,
Ошмспивъ за брата равной мѣрой,
Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ

Часть I.

12

Вливаєть свѣтъ Хриспювъ въ народъ;
Степавъ съ любовью поспоянспю,
Гуспую разбиваетъ шѣнь;
На Пѣруна, и на поганспю
Спупивъ, возшедшій кажешъ день.

Не шо ли храбрый Мономахъ?
Онъ метъ вознесъ на Визаншю,
И Комцинь облеченный въ спрахъ
Вънецъ залагаетъ на Россію.
Тамъ плещушъ Невски берега,
Низвергнувъ дерзкаго врага
Пешрова мужесшвомъ предпечи,
Опъ Запада защипникъ онъ.
Се Дмишпріевы сильны плечи
Гуспяшъ Ташарской кровью Донъ.

Тезоименни дѣдъ и внукъ і)
Разбишши бросаюшъ узы,
И кажушъ всей вселенной вкругъ,
Державу, права, метъ, союзы;
Тамъ равный сродникъ Алексій,
О Висла, до швоихъ зыбей
Границы дѣлъ своихъ посшавиль,
Прошелъ бы далѣй, мало жилъ!
Но плоды геройскихъ дѣлъ оспавиль,
Какого сына онъ родиль!

і) Государи: Великій Князь Іоаннь Васильевичъ
и Царь Іоаннь Васильевичъ.

Бодрихъ мой духъ, смощри, внимай:
Сквозь дымъ небесный лучъ блиспаешъ!
Сквозь волны, пламень, вижу рай;
Тамъ Богъ десницу проспираешъ,
И крѣпость неизмѣрныхъ силъ
Пешру на свѣшъ поручилъ.
„Низвергни храбросшю коваршво,
Войнами укропи войны;
Одѣнь оружьемъ новымъ царшво,
Полночны оживи спраны.“

Ведешъ Творецъ, онъ идешъ въ саѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйше
На образъ въ знакъ его побѣдъ
Рифейски горы изшощайше,
Дабы его безсмертный ликъ,
Какъ солнце, свѣшель и великъ
Сіалъ во всѣ концы земныя,
Опъ неизвѣстныхъ зримъ былъ мѣстъ,
И небу равная Россія
Казала дѣлъ, колъ много звѣздъ.

Посмощримъ въ западны спраны:
Опъ спрѣлъ Россійскія Діаны.
Изъ превеликой вышины
Спретглавно падають Типаны.
Ты Мемель, Франкфуртъ и Киспринъ,

Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ,
Ты звужъ лешающаго спрора,
Ты Шпрея хипрая рѣка,
Спросите своего Героя:
Что можешь Росская рука?

Великая ЕЛИСАВЕТЪ

И силу кажешь и державу;
Но въ сердцѣ держишь сей совѣтъ:
Размножишь миромъ нашу славу,
И выше, какъ военной звукъ,
Поспавишь красоту наукъ.
По мнѣ, хошябъ руно злѣное
Я могъ какъ Язонъ получить;
Тобѣ Музамъ для жишя въ покоѣ
Не усумнился подарить.

Въ войну кишишь съ землею дровъ,
И суша съ моремъ негодуешь;
Владѣешь въ мирны дни любовь;
И вся напура шоржесшвуешь.
Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
Здѣсь красишь всѣ довольства умъ.
Се милосшъ испияну срѣшаешь,
Возрише, смершны, въ высошу!
И правда пишину лобзаешь,
Я вижу вѣчну красоту.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
Всего пресвѣтлѣе сіяешь,
Вокругъ и злато и лазурь:
Всесвѣтлый Миръ себя являетъ,
Оливна вѣшъ, лавръ, слава, мечъ!
Внимай, подсолнечная, рѣчь:
Петрова дщерь вамъ въ вѣкъ залогомъ.
„Я живъ и обладаю Петръ,
Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
И, какъ ЕЛИСАВЕТА, щедръ.“

О Д А XVI.

Блаженный памяти Императору ПЕТРУ
ФЕОДОРОВИЧУ на возшествіе на пре-
столю и купно на новый 1762 годъ.

Сіяй, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь густошу печальныхъ шуть:
Прошло зашменіе ужасно,
Умножь, умножь ошрады луть.
Уже плачевная ушраша,
Дражайшая сокровищъ злаца,
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы спокрашно:
ПЕТРА великаго обрашно
Вспрѣчаешъ Росская спрана.

ПЕТРА воздвигъ съ Екашериной,
И съ Павломъ, о драгой залогъ!
Послалъ намъ радосшь за судьбиной
Въ щедрошахъ неизмѣрный Богъ.
Орель великій обновился,
На высошъ своей явился,
И надъ Европою парилъ.
Россіане руками плещушъ,
Враги въ уныніи прѣпещушъ,
Познавъ, кшо носишъ скипцрь, мечъ, щипцъ.

Премудрая Елисавета
На опшескій прешоль возшедь,
Движеньемъ вышнята совѣща
Блюла опшесство опъ бѣдь.
Доспигнувъ мужескимъ геройствомъ,
Опъсюду облекла спокойствомъ,
Свое наслѣдство ушвердивъ,
Чшобъ былъ для счастья Россовъ, славы,
Безъ пресѣченія державы
Великій ПЕТРЪ во вѣки живъ.

Ея совѣшми совершились:
На шронъ наслѣднй шм вспунилъ,
Монархъ, мы въ вѣкъ ея лишились;
Но шм восходомъ оживилъ.
Приемлешь скипшрь, она вручаешъ,
И въ вѣчношъ опходя, вѣщаешъ:
„Владѣй, храни, возмись народъ,
Моей опасностью спасенный,
Угѣрь всѣхъ, мною благословенный,
Чшо шм ПЕТРОВЪ и АННИНЪ плодъ.

„Когда я съ нею разлучалась
И въ ложеснахъ ея съ шобой,
Коль горесшно тогда шерзалась,
Опчала на въ судьбинѣ злой!
Но большу ощущала радостъ,

Твою возлюбленную младость
Въ объятія свои принявъ:
И нынѣ оплохну съ покоемъ;
Опечесство побой Героемъ
Превыше будетъ всѣхъ державъ.

Уже ко предспоящимъ слезнымъ
Опъ облакъ обратила видъ;
И. умиленіемъ любезнымъ
Озрѣвшись, къ высотѣ спѣлннѣ,
Освободясь опъ часпн плѣнной,
Восходишь къ жизни непремѣнной.
Молчише горы и лѣса,
Моря и вѣпры безпокойны,
Внимаише мнѣ и будыше спройны;
Мой умъ вперился въ небеса.

Опворенный ЕЛИСАВЕТЪ
Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сіаешь въ безконечномъ свѣтѣ,
По звѣзднымъ распросперитъ полямъ.
Среди геройскаго собора
Лучемъ божественнаго взора
Яснѣйшій прочихъ духъ ПЕТРОВЪ
При входѣ свѣшозарной двери
Десницу просширая дщери,
Къ себѣ въ небесный вводишь кровъ.

„Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно торжествѣ,
Гряди и царствуй здѣсь со мною,
Такъ хочешь выше Божество.
Ты живи съ безсмертными досщойна;
Россія по тебѣ спокойна:
Ты возвратила въ ней уронъ;
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдствѣ внука утвердила;
Тобою онъ возшелъ на пронъ.”

„Великодушія, щедроты
И мужества дала примѣръ,
Чтобъ руку онъ къ своимъ для льготы
И мечъ противъ враговъ просперъ.
Тобой цвѣшешь мой градъ любезный,
Петрополь славный и полезный;
Но будешь выше древнихъ дивъ.
Предѣлы тѣ распространила;
Его благословенна сила
Поспавишь, вѣчно утвердишь.”

„За истинную добродѣтель
Земля тебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣтель;
Въ довольствѣ множилъ пшвы народъ.
Наслѣдникъ шюю же спезею

Спуная ревностью своею,
Преклонить вышнее добро.
Была, какъ пы, напура щедра,
Ошкрыла горь съ богатствомъ нѣдра;
Ему спорично дастъ сребро.

„Ты награждала всемъ науки;
И онъ щедрой оживить,
Искусствомъ обученны руки
Снабдишь, умножишь, просвѣишь.
Онъ постыдишь, какъ пы, злодѣвъ.
Ошавленъ посредѣ профеевъ,
До облакъ оны вознесешь;
И на просипранной свѣсна часни
Конѣцъ своей положишь власни,
Гдѣ знакъ спощишь пивомъхъ побѣдъ.

„Но больше чѣшу сію заслугу,
Что пы усердствуя къ нему,
Доспойную дала супругу,
Любезну опчещву всему.
Уже изъ общей ихъ любви
Цвѣщешь опъ нашей опрасль крови
Дражайшій Павелъ правнукъ мой.
Продлишь Господь его пошомки;
Дѣла ихъ возвеличить громки,
Прославишь брани и покой.“

Богиня новыми лучами
Красуешься окружена,
И звѣзды видишь подъ ногами
Свѣтлѣ оныхъ какъ луна.
Уже щоржеспивенные лики
И радостныхъ Героевъ клики
И браннымъ нестерпимый свѣтъ
Всю силу ока прищупляють, (
Вниманье слуха заглушаютъ:
Видѣнія закрылся слѣдъ.

Оспавивъ высошу прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народовъ ревность всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣтила шли.
Ошъ Юга, Запада, Востока
Полями, славою широка
Россія кажетъ вѣрной духъ.
И какъ ЕЛИСАВЕТЪ твердо
ПЕТРУ вдаешь себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.

Хребты полей прекрасныхъ, шумныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ послуши Пешровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая шрудъ,
Тебѣ обильны движутъ воды,

Тебѣ, Монархъ, павдятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ пошребъ,
Что воздухъ и вода раждаетъ,
Что мягкая земля пашаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Тамъ мерзлыми шумишь крилами
Опеешь густыхъ снѣговъ борей,
И ошворяешь ходъ межъ льдами
Дашь волю пущь въ Воспокъ швоей,
Чтобъ Хины, Инды и Японы
Подверглись подъ швой законы,
Тебѣ отъ вѣрной глубины
Руками плещутъ воды бѣлы;
Ликуютъ запады предѣлы,
Предвидя счастье войны.

Европа нынѣ восхищенна
Внимая, смотришь на Воспокъ,
И ожидаешь изумленна,
Какой опредѣлишь ей рокъ.
То видишь зракъ швой предъ полками
Подобный Марсу межъ врагами;
То предсказываешь общій пиръ,
Оспрады ради упомленныхъ,
Избавы ради раззоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Сплѣзнуть по дальности безмѣрной,
И не является конецъ;
Прилѣжно смотришь пищицъ полешы,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣшны,
И какъ ужъ помню главу
На брегъ желанный полагаешь,
Въ слезахъ опъ радости лобзаешь
Песокъ и мягкую праву.

Германія сему подобно
По собсшвенной крови плывешь;
Во время смутно, неспособно
Конца своихъ не видишь бѣдъ;
На Фарось силъ своихъ взираешь,
Къ тебѣ дорогу направляешь,
Тебѣ себя въ покровъ опдашь
Въ согласіи желаешь спройномъ
Въ швоемъ приспанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣтви цѣловашъ.

Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускоришь покой,
Пребудешь знавшійшій въ сосѣдахъ,
Прехваленъ миромъ и войной.
Тогда въ шрудахъ тебѣ любезныхъ,

Россійскимъ областямъ полезныхъ,
Все время будешь провождатьъ;
И каждой день алашаго вѣку,
Коль долго можно человѣку,
Благодѣяньями вѣнчать.

Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ буръ;
Въ зеркалѣ жидкомъ представляеть,
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ вышины дивится,
Чѣмъ само шоль глубоко зрится.
Такъ ты, о нашихъ дней вѣнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь,
И свѣтлый ликъ изображаешь
Въ спокойной радости сердецъ.

Великолѣпно облекися
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися,
Самсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ ПЕТРЪ подобно обладають,
И Голяеовъ презирають.
Сильнѣе шигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избрана.
Иссохнеть на земли поприща:
Свирѣпость змѣевыхъ головъ.

Голшпинія возвеселися,
Что опъ тебѣ цвѣщентъ нашъ Кринъ.
Ты къ морю въ празднеспвѣ спремися,
Цвѣщущій славою Цвейшпінъ.
Хошя не силенъ ты водою,
Но радостью сравнись съ Незою,
До Зунда шумъ швой разпроспри.
Соединенные Россійскимъ
Пославъ по берегамъ Балпійскимъ
Желаній вѣрныхъ алшари.

Спѣши, спѣши, весна злаяша,
Умножь ошраду шеплошой;
И новы вѣки начиная,
Спихій здравіемъ напои;
Вели благоуханъ Зефиру;
Съ ПЕТРОМЪ поля одѣнь въ порфиру,
И вѣмъ пріятношпямъ швоимъ
Подобную ЕКАТЕРИНУ
Надежды нашей причину
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.

Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждиншеля,
Источникъ всякаго добра,
Царей и царшвѣ земныхъ Правипшеля,
Ты оправдалъ владѣшь ПЕТРА
Подсолнечной великой часпью,

Упѣшь его народы властью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругъ вѣщи вожделѣнной,
И больше какъ во всей вселенной
Въ ПЕТРОВѢ домъ обитай.

О Д А XVII.

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ, НА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛЪ ГОСУДАРЫНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. Іюня 28
дня 1762 года.

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайше, что можете Богъ!
Воскресла намъ ЕЛИСАВЕТА:
Ликуешь церковь и черпогъ.
Она, или ЕКАТЕРИНА?
Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Зластой наукамъ вѣкъ возспавишь,
И ошъ презрѣнія избавишь
Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль ты ужасенъ,
Въ поляхъ прошивъ своихъ враговъ;
Толь домъ пивой въ нѣдрахъ безопасенъ,
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуетъ.
Ты буря шамъ, здѣсь пишина.
Умѣренность тебѣ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Ошъ прехъ въ сей вѣкъ Богинь дана.

Часть I.

13

Петра Великаго супруга
Введенная самимъ на шронъ,
Краса и честьъ земнаго круга
И слава скипшровъ и коронъ,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго спрою
Даетъ спасительный совѣтъ,
Военно сердце умягчаетъ;
И миръ пріявши лобызаетъ
Разженный яросшью Магметъ.

ЕЛИСАВЕТА царшвомъ мирнымъ
Россійскія мягчитъ сердца,
И какъ дыханіемъ зефирнымъ,
Взираньемъ крошкаго лица
Вливаетъ благосклонность въ нравы,
Въ войнахъ не умаляя славы.
Возложенный себѣ вѣнецъ
Побѣдой, миромъ украшаетъ,
Трофеями превозвышаетъ
Державы своей конецъ.

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ истиннымъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даетъ ЕКАТЕРИНА намъ.
Мы крошесши Богинь навмкнувъ,

И въ счастіе ими данно вникнуъ,
Судбину щчимся ошврашишъ.
Ужъ для общесшвенна покова
Согласно всѣхъ душа гошова
Въ ней дщерь Пешрову возврашишъ.

Слыхалъ ли кто въ свѣшъ изъ рожденныхъ,
Чшобъ шоржесшвующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О спыдъ, о спранной оборонъ!
Чшобъ кровью куплены шрофеи
И побѣдшелей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасной даръ
И данную залогомъ вѣру.
Въ шебъ Россія нѣшъ примѣру;
И нынѣ ошвращенъ ударъ.

Любовь швоя къ ЕКАТЕРИНѢ,
ЕКАТЕРИНИНА къ шебъ
Побѣду даровала нынѣ;
И Небо вѣрной сей рабъ
Безъ раздробляющаго звуку
Крѣпишъ благословенну руку
На нашихъ буйныхъ сопосшашъ.
О коль видѣніе прекрасно!
О коль мечшпаніе ужасно!
Чшо смошришъ сей, чшо слышишъ градъ?

Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Пешровъ?
Онъ взоромъ смущень пробудился
И произноситъ гласъ плаковъ:
„Я мертвъ терплю несносну рану!
На шо ли вселюбезну АННУ
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ шо моя Россія
Подъ игомъ обласни чужія
Ляпилась власни, славы, силъ?

„На шоль, чѣмъ въ всѣмъ пруды несчетным
И приобрьщенны плоды
Разрушились и были щедры,
И новы возрасли бѣды?
На шоль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальныя границы,
Кошоры я разпространилъ?“

О шѣнь великая, покойся!
Мы помнимъ шмы швоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой шрудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ швоей любви,

Не пощадимъ послѣдней крови.
Спѣшимъ опечесство покрывъ
Во слѣдъ премудрой Героинѣ,
Любезной всѣмъ ЕКАТЕРИНѢ,
Любезны ей и вѣрны бышь.

Что чаяли, вы Невски Музы,
Въ великій оный громкій часъ?
„Согласны мыслей всѣхъ союзъ
Веселый возвышали гласъ.“
Какъ звали ревностну присягу?
„Благословенную ошвагу.“
Что зрѣли, какъ закрылся день?
„Намъ здѣшніе брега и волны
Величествя, пріятствя полны
Сквозь шонкую казались плѣны.

„Среди избраннѣйшихъ Героевъ
Между блискающимъ ружьемъ,
Среди непобѣдимыхъ спроевъ
Сверкаетъ красота мечемъ,
И нѣжность пола уважаетъ,
И шюю храбросшь украшаетъ:
Объими сердца влечетъ.
Всякъ видя, слѣдуя за нею,
Гласишь усшами и дущею:
Такъ шла на шронъ ЕЛИСАВЕТЬ!“

Гряди Россійская опрада,
Гряди желаніе сердець,
И буди ошъ враговъ ограда,
Поспавъ опасностямъ конецъ;
И оправдай ЕЛИСАВЕТУ,
Всему доказывая свѣшу,
Что полная шріумфовъ брань
Постыждена поноснымъ миромъ,
И сопоспашъ почпень кумиромъ,
Ошъ насъ пріемлешъ въ жершву дань.

Уже намъ дневное свѣшило
Свое пресвѣщенное лице
Всерадостнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ;
Туманы, мраки разгоняя,
И радость нашу предваряя,
Поля, лѣса, брега живишь;
Въ росѣ, въ струяхъ себя являешь.
Ему подобный къ намъ сіяешь
Избавившей Богини видъ.

Въ удвоенномъ Пешрополь блескъ
Торжественный подъемлешъ шумъ,
При громкомъ возхищаясь плескъ
Ощрадой, возвышаешъ умъ.
Взирая на свою избаву,

На мысль приводишь прежню славу.
Въ церквахъ, по спогнамъ, по домамъ
Несчетно множеству народу
Гремящу представляешь воду,
Что гласъ возносишь къ небесамъ.

Теперь злоумышление въ ямъ
За гордость свержено лежитъ;
ЕКАТЕРИНА въ Божьемъ храмъ
Съ благоговѣніемъ споконитъ;
Хвалу на Небо возсылаешь,
И купно сердце всѣхъ пылаешь
О цѣлости ея и насъ;
Что Вышній крѣпкою десницей,
Богиню намъ подавъ Царицей,
Отъ гибели невинныхъ спасъ.

Услышите судиѣ земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушаютъ священные
Отъ буйности блюдились вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученіемъ, милостью, шрудомъ.
Вмѣстивше съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословишь вашъ домъ.

О коль велико, какъ прославяшъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оспавяшъ,
Опъ пѣснопы своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру,
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ,
Твердѣ всякаго щипа.

А вы, копорымъ здѣсь Россія
Даепъ уже опъ древнихъ лѣпъ
Довольство вольности зланыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣпъ,
Храня къ своимъ сбѣдамъ дружбу,
Позволила по зѣрѣ службу
Безпрепъкновенно приносишь.
На шоль склонѣлись къ вамъ Монархи
И согласились Іерархи,
Чпобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто, чпобъ вамъ бышь межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считашъ насъ вашими рабами
Въ проптивности испинны вещей,
Искусство нынѣшне доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено ошъ вашихъ главъ,
Къ попоранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью прона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

Обширность нашихъ спранъ нзмѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите шьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ Героевъ
Ошъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у священнаго алцаря.

О коль Монархъ благополучень,
Кпо знаешь Россами владѣть!
Онъ будешь въ свѣшъ олавой звучень
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣшь.
Тебя шоль счастливу счищаемъ,
Богиня, въ коей признаваемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, справедливосшь,
И съ посполнствомъ прозорливосшь,
И истинной геройской духъ.

Оснадцать лѣтъ ты украшала
Благословенный домъ ПЕТРОВЪ;
ЕЛИСАВЕТЪ подражала
Монаршихъ въ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы тебя избавишь,
Надъ нами царствовалъ цоспавишь,
И оперешь намъ шокы слезъ.

Науки нынѣ погрешивуйше:
Взошла Минерва на преспошь,
Пермесски воды ликовшвуйше,
Шумя крупнѣшесъ въ златный долъ;
Вы въ рѣки и въ моря спѣшише,
И нашу радость возвѣспише
Лугамъ, горамъ и оспровамъ;
Скажице, что для просвѣщенъя
Повсюду утвердитъ ученъя,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

А ты, о оспрасъ вожелѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Будь жизнь твою благословенна,
Прекрасна посреде наукъ!
Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся,

Въ объятыхъ рождшей утѣшайся,
И бывши скорби забывай.
Она всѣ бури успокоитъ ;
Щедрошой, ревностью устроитъ
Тебѣ и намъ прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промыслъ положилъ
Пріять намѣренія тверды
Противу беззаконныхъ силъ
Въ защиту нашей Героинѣ,
Красуйшесь, веселишесь нынѣ:
На васъ лавровы вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянутъ,
Доколѣ Россы не преспанутъ,
Гремѣшь въ подсолнечной концы.

О Д А XVIII.

На новый 1764 годъ Государынь Импе-
ратрицъ ЕКАТЕРИНЪ II.

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красоша вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой правишь поручаю
Послушницѣ швоей судьбѣ;
И можноль, чтобы наши лѣша
Россійскаго ошрадѣ свѣша
Не уподобились тебѣ?

Геройскихъ подвиговъ хранишель
И проповѣдашель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдишель,
Возвыси нынѣ свѣцлый гласъ,
Приблужи къ небесамъ вершины;
И для похвалъ ЕКАТЕРИНЫ
Какъ наша радость разцвѣшай:
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврати въ зефиры,
Представъ зимой въ полнощи рай.

Среди шоржесшвеннаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Чшо нынѣ чшя Пешрову внуку,
Пою, какъ пѣль Пешрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Чшо слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже зависпливы злодѣи
Чрезъ вредны воспяшяшъ запѣи
Почшишельный къ Монархамъ духъ.

Усыновленна добродѣтель
Россійскій украшаетъ свѣтъ:
Тому начало и свидѣтель.
Избраніемъ ЕЛИСАВЕТЬ.
Усердіе всего народа
Крѣпитъ, какъ кровная природа.
О скипшрь, вѣнецъ, о пронъ, чершогъ,
Сужденны вновь ЕКАТЕРИНЪ,
Красуйтесь о вшпорой Богинѣ!
Той Пешрь вручалъ, сей вѣрилъ Богъ!

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кшо ходъ его оспановитъ?
Какъ океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кшо пославишь щинъ?
Гдѣ звуки? гдѣ огни и спрашъ?

Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благоспыню;
Но щедра крошку Героиню,
Покрывъ, воздвигъ, вѣнцемъ почтили.

Превыше облакъ возходящій
Недвижно зришь отъ звѣздъ Ашлантъ
На вихрь въ подножіяхъ шумящій:
Такъ блещущій ея шалантъ
Души и шѣла красотою
Надъ мрачною налоговъ мглою
Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
Туманы, бури презираешь,
И дни неспройны премѣняешь
На ясность радостныхъ времянь.

О! ты пресвѣтлѣй предводишель
Отъ вѣчноши текущихъ лѣтъ,
Цвѣшущихъ, дышущихъ живишель,
Ты око и душа планешь,
Позволь ко швоему мнѣ дому,
Ко храму швоему злашному,
Позволь приближившись возрѣшь!
Уже изъ свѣтлыхъ врасть сафирныхъ
Направилъ коней ты Ефирныхъ
Ржушь, шончушь, швердъ, сиѣшашъ лешѣшь.

Ты съ новымъ шоржесивуя годомъ,
Между блиспающихъ колесъ
Лазуревымъ пусшился сводомъ,
Течешь на крупизну небесъ;
Сшремясь къ пріятсшвамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги.
Таковъ ЕКАТЕРИНИНЪ нравъ,
Народну грубость умягчаешь,
И всѣхъ къ блаженству приближаешь
Теченьемъ обновленныхъ правъ.

Потомъ сильнѣйшими лучами
Сіяя въ большей высотѣ,
Прольешь испочки полями
Въ цвѣшущихъ злаковъ красотѣ;
Лисшами увѣнчаешь лѣсы;
Въ кустахъ кругомъ молодой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ пшницъ.
Туда расшущимъ сель богашсшвомъ,
Туда пы привлечешь пріятсшвомъ
Поющихъ юношъ и дѣвицъ.

ЕКАТЕРИНИНЫ доброты
Сіяли къ намъ изъ мрачныхъ шуть;
Но больше шѣмъ ея щедроты,
Чѣмъ выше и яснѣ лучъ:
Державы свояя весною

Къ доводьству, славѣ и покою
Обильно сыплеть сѣмена,
Печешся, ограждаетъ, грѣетъ.
О коль богатый плодъ поспѣетъ
Въ шебѣ, Россійская страна!

Когда съ превыспреннихъ неспосной
Приблизился на землю жаръ;
То дождь прольешь намъ плодоносной
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ,
Умѣришь шѣмъ прекрасно льшо,
Какъ сердце Росское нагрѣно
ЕКАТЕРИНИНЫМЪ лучемъ.
Ты сладосщной росой прохладу,
Она щедрошою опраду
Подаситъ и удовольствію всѣмъ.

Украшитъ пищаъ лице земное,
Ночную сокращаетъ шѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печешся, ночь вмѣняя въ день.
Россіане, народъ послушной
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчель
Въ шрудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

Уже по изобильномъ лѣшѣ
Доспигнешь солнце, гдѣ вѣсы
Равняющъ день и ночь на свѣшѣ,
И слѣдомъ лѣшніа красы
Приспѣешь по шрудахъ опрада,
Какъ сладостной изъ винограда
Попоками прольешься сокъ;
Тогда дыханія способны
Съ богачествомъ въ приспани удобны
Поспавяшъ корабли на срокъ.

Я слышу Нимфъ поющихъ гласи,
Носящихъ сладкіе плоды,
Тамъ въ гумнахъ чистяшъ пучны класи;
Шумяшъ огромныя скирды.
Среди охопничей шревоги
Лѣсами раздаюшся роги,
Въ покоѣ представляи брань.
Сіе Богинѣ несравненной
Въ избытокъ принесушъ осенной,
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.

Въ сіи часы благословенны,
Когда Всевышній оградилъ
Помазаньемъ швой верьхъ священный,
И славою вѣнца покрывъ;
Когда по ожиданью многомъ

Часть I.

14

Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
Младого ПАВЛА даровавъ;
Какого мы добра предсавишь
Не можемъ, и Творца прославишь,
Толикіе дары пріявъ.

На пронъ взошла ЕКАТЕРИНА
Не токмо, чѣмъ себя спасши
Опъ бѣдъ, чѣмъ ближила судьбина;
Но чѣмъ Россіянъ вознесши.
Предвидя общія напасши,
Чѣмъ угрожалъ вредны спрасши,
Готова съ нами поспрадашь,
Чрезъ опмѣнишое геройство
Себѣ и намъ дала спокойство,
Какъ истинная чадамъ мапъ.

Блаженны мы, чѣмъ ей послушны:
Покорностъ наша къ счастью пушъ!
О вы спраны единопущны,
Согласіемъ едина грудь
Обыкли жишъ въ Монаршей волъ,
Лижуйше: правда на пресполь,
И ей премудростъ присѣдитъ,
Небесными блеснувъ очами,
Богини нашея усшами
Законы вѣчныя гласишъ.

„Цвѣтушъ во славу мною царства,
И пишушъ правой судъ Цари;
Гнушаясь мераосшю коварства,
Рѣшу нелицемѣрно при.
Могу дѣла изчислишъ задни,
И что раждается повсядни;
О будущемъ предвозвѣщу;
Мои полезны всѣмъ совѣшмъ,
Опъ чпшптелей моихъ навѣшмъ
Предупреждай ошвращу.

„Господь швореніа начало
Премудросшю положилъ;
При мнѣ впервые возсіало
На шверди множесшво свѣшилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной безднмъ
Назначилъ словомъ бѣгъ звѣзднмъ.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ спшхіяхъ прекрашилъ раздори,
Унизилъ доль, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.“

Премудрый гласъ сей Соломономъ,
Монархини, сей гласъ ешъ швой.
Пребудешъ швердъ швоихъ законовъ,
Ограда испшннмъ свшпой.
Онъ предупредилъ тебѣ вѣками,

•

Превзойдешь ты его дѣлами,
Въ чемъ власиъ господспивуешь ума,
По ясныхъ знанія возходахъ
Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнешь شما.

Твой трудъ для насъ обогащеніе,
Мы чпимъ спѣною подвиговъ твоихъ;
Твой разумъ наше просвѣщеніе,
И неусыпность наше покои.
О Пиндаръ, естлибъ въ оны вѣки
Подъ сею власью жили Греки,
Тобѣ пѣлъ ты о своихъ богахъ,
Чѣмъ можешь навсегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой нектаръ пишь на небесахъ.

Какіе представляешь виды
Оспрадой возхищенный умъ?
Не вы угрюмые Друиды,
Не мрачной лѣсъ, не грозной шумъ,
Не изъ дымящейся пещеры
Звѣрообразны изуверы
Даютъ глухимъ вышьемъ описишь:
Ко мнѣ пророчицы согласны,
Каспалькія сестры прекрасны
Съ Парцасса жьютъ и гласъ и свѣтъ.

„Смотри, смотри, внимай, вѣщаютъ,
Въ обширны Россіе края,
Гдѣ сильны рѣки протекаютъ,
Народы многіе поя:
Изъ нихъ чрезъ горы хребты высоки
Прольются новыя попоки
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой,
Дабы чрезъ сочешаны воды
Другъ другому пользуясь народы,
Размножили избытокъ свой.

„Дабы сердцецъ какъ спруй союзы
Удобный намъ опроверзли ходъ,
Дабы усердныя мы Музы
Повсюду приносили плодъ.
И се Богиня несравненна
Возлюбленна и просвѣщенна
Сіеишь радостнымъ лицемъ,
Обищель нашу посвящаетъ
И дверь ученьямъ опроверзаетъ
Во всемъ владычествѣ своемъ.

„На полночь кажетъ Уранія:
Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
Руно златое взять Россія
Денницы доспигаетъ врагъ;
Язвы, Тифы и Алкиды

Россійской въ волю Амфишриды
Опдавшись, какъ въ способной въспрь,
Препятствва, спрахъ презираюшь
И счастье ПАВЛОВЫМЪ кончаюшь,
Чего жалааъ великій Пешрь.

„Озрися на спрану десную,
Гдѣ напыщенный исполниъ
Сѣдишь и чаешь, что земную
Рукою держишь власъь единъ;
Толстыми окружень спѣнами
И опдаленными морями,
Въ ничто змѣняешь прочій свѣтъ,
Не зная, что обширнымъ силами
Безъ храбраго искусствва гнилы,
Какимъ Европы край цѣлится.

„Кишай! предупреждая бѣдство,
Не спраша времени блюдишь,
Гордыней раздражишь сосѣдство,
И гнѣву Росскаго спрадишь.
Безплоднымъ степи и пущи
И шучи спрѣлъ швоихъ гущи
Послужаешь въ неизбежной спидѣ.
И сей послушный напѣ любитель,
Каковъ швой бѣгъ и побѣдитель,
Съ Парнасса свѣпу возвѣснись.“

Сія желанія сердечны
Героевъ духъ и судъ Небесъ
Исполнишь и поспавишь вѣчны.
Въ надеждѣ шаковыхъ чудесъ
Россія окомъ умиленнымъ
И сердцемъ въ щассть услажденнымъ
Какой въ возпоргъ казешъ видъ!
Взирая какъ на нѣжнм крини
Въ объяснѣхъ ЕКАТЕРИНЫ,
Младому ПАВЛУ говоришь.

„О шы цвѣтущая опрада,
О вѣрносшь чаяній моихъ,
Тебя родила мнѣ Паллада
Для продолженья дней злпшыхъ;
О плодъ божеспивенныя крови,
Распи, крѣпись въ ея любви,
Во слѣдъ шрудовъ ея взирай,
Какъ съ радосшю носишь державу,
Хранишь свою съ моею славу
Ея примѣрамъ подражай.

„О чада ревностны, усерды,
СлаVENовъ въ свѣстѣ славный родъ,
О корень вѣрносшю швердый,
Владѣшель многихъ царствъ и водъ,
Покрышый орлимѣ крылами,

Украшенный ея дѣлами,
Чѣмъ долтъ Богинѣ возвратишь?
Въ шрудахъ полезныхъ обращайся
Въ сей годъ, и завсегда спарайся
Достоинства ея почтешь.“

Талантъ высокое рожденъе,
Дала напура красоту,
ЕЛИСАВЕТА присвоенъе,
Какъ небо духа вышоту,
Планета бытъ любезной міру,
Судьба корону и порфиру;
Чшожъ, Россы, посвящимъ ей въ даръ?
За нашъ покровъ, за царство спройно
Чшо можемъ принести достойно?
Усердія безсмертннй жаръ!

Капнншесь щасливимъ сѣшнла
Во весь ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ;
Живншнелная вапа сила
Съ прнншннотншю Едемскнхъ рѣкъ
Влнвайся въ сердце ей и въ члены.
И въ очн духомъ ободренны
И на прекрасное чело,
Чшобъ дравіе ея безцѣнно
Для нашей пользы безпремѣнно
Какъ вѣчная весна цѣло!

ВЪЗНАННАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ
ВЪ ВЫСОКІЙ ПРАЗДНИКЪ КОРОНОВАНІЯ
ВСЕПРЕСВѢТѢЙШИЯ, ДЕРЖАВНѢЙШИЯ,
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
Е Л И С А В Е Т Ы П Е Т Р О В Н Ы
И М П Е Р А Т Р И Ц Ы
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ,
ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
А К А Д Е М І И Н А У К Ъ
ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАННѢЙШЕ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА
СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ОТЪ

ГОТЛОВА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА ЮНКЕРА,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОР-
НАГО КАМЕРНАГО СОВѢТНИКА ИНТЕНДАНТА СОЛЯ-
НЫХЪ ДѢЛЪ И ЧЛЕНА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССИЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ
М И Х А Й Л О Л О М О Н О С О В Ъ,
АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТЪ.

О Д А XIX.

Россія, чшо тебя за весеѣ духъ живишь?
Какъ можешь рада бышь? Европа вся скорбишь:
Тебѣ грозишь раздоръ, лукавство сѣни спавишь,
Продерзкій толкъ землей и моремъ бѣгъ свой
правишь,
Чшо мыслью въ швой предѣѣ уже давно вступишь,
Пограбилъ всѣ мѣща, швое добро сглопишь.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали,
Подкрались шигры къ вамъ, внезапно львы напали.

Но радость испиши; уже призналъ весь
свѣтъ:
Какъ ты на прогъ ПЕТРОВЪ взопла, ЕЛИ-
САВЕТЪ,
Чрезъ сильной духъ его въ прошивныхъ спрахъ
вложиши,
Онъ будешь свой пророфѣй, швой щипъ насажд-
ство крыши,
Вступила вольной ты въ спезю его ногой,
Гдѣ рокъ его вспяшилъ, шупъ пушъ начался швой,
Ты будешь, шакъ какъ онъ, любовь во всей
вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли шебѣ врученной,

Велико дѣло въ семъ равно душѣ швоей:
Какъ онъ опецъ нашъ былъ: ты масть Россіи всей.
Когда Олимпъ давалъ шакихъ Монарховъ славныхъ?
Весь свѣтъ, чшо чинишь его, ему не узришь
равныхъ.

**Сквозь всѣ прешаши главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, шамъ опещъ, хвадой къ верьху
 небесъ.**

Приспойны, скажешъ кто, къ правленью спранъ
науки,

Гдѣ не былъ духъ его и храбры купно руки?

Надежда спранъ его вѣнчанна днесъ въ шебъ;
Понеже всякой чинъ пособы ждетъ себѣ.

Ты, шты Монархия, на пользу все исправивъ,
Неполной кончишь, шрудъ его совсѣмъ, просла-
вивъ.

Ты скипшрь рукой берець, коварна злосць дро-
житъ.

Хотѣ шажко злато въ немъ, любовь шебя крѣ-
дитъ.

Щаслива будеш шѣмъ земель Имперашица,
Печаль прогонишь всю сердцеъ людскихъ Царица.

Какъ ясной солнца лучъ въ немрачной
ушра часъ,

Такъ швой пріянной взоръ опрадой свѣишишь
въ насъ.

Въ шебѣ съ величешвомъ сіяешъ къ намъ прі-
дшшво.

Съ небесъ вліянои даръ доброты твоихъ изряд-
снво.

Къ почтенью насъ вѣдѣть прекрасной зракъ лица,
Въ шебѣ дивимся мы премудрости Творца,
Въ спаланнахъ чино пивохъ вѣнца достойныхъ
шихъ,

Через кои мы давно желали въ вѣкъ плѣниться.

Твоя высока мысль Цесарску кровь значить,
Что ты Геройска дщерь, твоей бодрой духъ
гласить,
И склонность въносил чинилъ всегда награду,
Невинныхъ братья подъ кровь и бѣднымъ дасть
опраду.
Коль сильныхъ сихъ добротъ въ тебѣ велика
власть!
Хвалы достойна мысль и славой полна спрасить,
Животъ души твоей, что пишется полъ ревниво
Прилично проку жить, являть породы диво.

Тебя къ сему избравъ Тверецъ изволил самъ,
И древо дней твоихъ раскинулъ въ цвѣтахъ къ
плодамъ.
Являешь склонность къ намъ, что прежде ты
шала,
Копору съ бодростью спараньемъ ты открыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинилъ,
То правилъ зрѣлъ совѣтъ, и добръ успѣхъ ско-
рилъ.
Пресильной разумъ твой поспѣшно все при-
заетъ.
Намѣренье твое съ желаньемъ всѣхъ кончаетъ.

Мы можемъ нашъ шалашъ уже впередъ
прозрѣть:
Духовной будешь чинъ ученьемъ насъ крѣпить,
И чисту жизнь блюсти, съ словами оныхъ сходну,
Съ наукой крошкой нравъ и съ пѣмъ премуд-
рошь сродну,

И мирно въ Бозѣ жишъ и ревности въ щомъ
казаиъ,
Чшобъ бѣднымъ помощь даиъ, спраспей на-
бѣгъ попраиъ,
Они покажушъ всѣмъ промежъ собой согласно,
Чшо шо сама любовь, чшо зримъ во оныхъ ясно.

Тобою будешъ сей почтение чинъ имѣшъ,
Чего достоинъ онъ, всегда шо будешъ зрѣшъ:
Чшобы просшой народъ пороковъ впредъ чуждался
И свяшо въ мѣрѣ жишъ по ихъ словамъ спарался.
Священство въ ревности предъ Божій спанешъ
пронъ,
Имѣя чисту мысль, храниаъ его законъ,
И духъ его гоговъ небесну власиъ склонилии,
Чшобъ сердце взялиъ его, и миръ благословиши.

Твой вѣры полный умъ умножитъ щасиье
въ насъ:
Понеже правда, свѣшъ съ шобой на всякой часъ,
Чшо шы чрезъ швой совѣшъ въ единый союзъ
приводиша,
Чрезъ умно слѣдство всѣ препяишва превосхо-
дишъ.
Ты держишъ зависиъ злу и ненавиши въ бро-
здахъ,
И правду съ разумомъ всегда въ швоихъ очахъ,
И вѣрности истинну и вольну мысль въ совѣшъ,
Источникъ шоль богатъ къ дѣламъ преславнымъ
въ свѣшъ!

Хочя велика поль Монарша власнѣ пшол;
Но видимъ, правишь какъ самую пш себя.
Ты мысль пшвою шогда на инной пущѣ склоняешъ,
Когда другихъ совѣшь правдивъ бышь познаваешъ.
Тебѣ сія хвала пребудешъ въ вѣкъ красой,
Возвысишь швой народъ на щаснѣя верхъ съ
собой,
Не зная, что Цари съ Князями мимо ходящъ,
Когда шѣ ложну власнѣ, какъ сонъ на мысль на-
водящъ.

Тебѣ единой данъ высокой верхъ хвалы,
Твоими должно званъ, пошомъ другихъ, шруды;
Что ошпрой разумъ швой въ вещахъ ошмѣну
знаешъ,
Извѣстное чинишь не шю, что шолько чаешъ.
За ясной солнца свѣтъ луны не чпишь лучей;
Князей искусство все, совѣшь, разборъ вещей,
Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей дер-
жавѣ,
Для щаснѣя ихъ земель и къ большей шрона
славѣ.

Коль здравѣ мыслишь шм, шоль скоро все
кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣшь даешъ, шю дѣломъ шамъ
велишь
Съ приспѣшной бодростью во вѣхъ дѣлахъ сво-
бодно,
Что Царску кажетъ кровь, Монархамъ что
природно.

Ты зришь всегда умою, что долга мысль въ
дѣлахъ
Дася часно худшій плодъ, нежъ въ скрытыхъ
жаръ сердцахъ,
И чрезъ единъ моментъ, излишно что проба-
вленъ,
Разумной замыслъ прочъ бываетъ шакъ опспа-
вленъ.

Твоя спрана и шакъ большая свѣта часна,
Разумна храброся гдѣ надъ злобой держишь
власна.
И звукъ ея хвалы возбуждае что долженъ къ
чесни
Какъ шеръ въ чужихъ ногахъ и ое въ очахъ у
лестни.
И завися мѣшишь въ насъ, гдѣ не лзя силой
взяшь,
Тупя ложной дружбой кою жааетъ насъ прель-
щашъ.
Державнѣйша! шюихъ совѣшовъ онъ не знаешъ,
Коль скоро разумъ швой шакую съшь шерзаешъ.

Нынѣ завися какъ змѣя ведешъ лукавой
взглядъ,
И ядомъ полную мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россійскій родъ подъ игомъ въ шмѣ держался,
И злаго Башня кумиру ницъ склонялся.
Та мыслишь паки впредъ помуже бышь у насъ,
Однако все сіе лишь снись ей на часъ.
Не будешъ съ нами шакъ въ бою опашъ глумишься,
Чтобы противу сна и тысячъ склонишься.

Нѣтъ, о Монархія! въ помѣ разумѣ
швой во всёмъ.
Блещи ПЕТРОВЫМЪ въ верьхъ чрезъ равну
мочь мечемъ,
Что дерзка гордосишь вновь себя казнишь возбу-
дила;
Онъ вышелъ самъ наружъ, лишь ша себя явила.
Поспигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ крашкую войну,
Неблагодарносшь что воздвигнула съ хулою
И мздой зависливъ родъ подкупленный чужою.

Покрой швой племомъ верьхъ, Минерва, на-
шихъ дѣшъ,
Вошкни коньѣ швое, швой полкъ гошовъ идешъ,
Полпавскихъ сѣмя полъ, къ побѣдамъ склонны
дѣши,
Попранна что врага въ ногахъ обыкли зрѣши,
Отъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожалъ
И съ Вислой черныи Поншъ, какъ сильныхъ
бурь, бѣжалъ,
Побишыхъ что враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли геройскою рукою.

Въ хвалу Балтійскихъ водъ ихъ храброй
духъ горяшъ,
Съ весельемъ какъ на боршъ, плакъ въ цолѣ
бышъ спѣшишъ.
Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
Поспавашъ грудь свою, опшавныхъ мыслей по-
лы.

Морской народъ спѣвши, возносишь весель
гласъ:

Что долго ждали шель, уже проходишь часъ.
Каморы полны всѣ, далубы пушки кроюшь,
Гопшovy въ пушъ совсѣмъ, вошъ въ море вдругъ
пороюшь.

Вели швой флагъ подняшь и вымпелъ въ
вѣпръ пустишь,
И спрашной лѣсъ въ волнахъ Россійскихъ машешь
ошкрыть,

Пресильной выведешь флошь изъ ледныхъ устій
въ море.

И мочь швоихъ галеръ къ пособию оныхъ вскорѣ;
Вогнали что великъ въ морски заливы спрахъ,
Мушила чѣмъ болѣзнь Евксинской Поншъ въ брѣ-
гахъ.

Судамъ на брань бѣжашъ вели въ ужасномъ видѣ:
Ощецъ швой былъ Непшунъ, пы равна будѣ
Фешидѣ.

Дай имъ указъ къ шому; ружье уже оспро
И вѣрносшь силу дашъ въ солдашъ швоихъ плечо.
Съ весельемъ правыше пушъ въ поля полки ор-
лины,

Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдище всѣ долины;
Разройше гнѣзда ихъ, добыча хощъ мала;
Однако будетъ въ шомъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольство намъ, чѣмъ вашу хра-
бросшь пѣши:

Не возмемъ хощъ богатствъ, но будемъ мири
имѣши.

Пускай, Державныйша, пускай шуда пойдушь,
Куда собой хошишь, гдѣ пальмы ихъ цвѣшуть.
Безъ страха мы живемъ, чѣмъ Богъ врага сму-
щаешь,

Онъ рокъ примѣшилъ свой, къ намъ ближе не
держаетъ.

Границы съ крѣпосными имѣють швердъ покровъ,
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядь по
верьхъ валовъ,

На гору дерзость чпо, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещень громъ и смерть между
врагами.

По праву должно шакъ ихъ силою смиришь,
Чпо Богъ извоилъ самъ шебъ для насъ послать:
Твой бодрой духъ спѣшишь любви щедрому
даши,

И сильнѣйшимъ ружьемъ шебъ шриумфъ сыскаши.
Тебя прославишь шю, не помнишь чпо обидъ,
И щедро презрила просшупокъ, гнусной видъ:
Хошя пришна месшь; но бышь въ шебъ не
смѣешь:

Чпо швой высокой духъ собою самъ владѣешь.

Я мышлю, чпо нашъ врагъ въ швоей добро-
шѣ зришь,

Чпо склонна къ милосши, хошя полки крѣпишь.
Онъ спавишь войско въ спрой, пришомъ и мер-
швыхъ числишь,

То перемирныхъ дней просишь, шю миру мы-
слишь.

Изволь, Державныйша, явила ты предъ симъ,
Чшо хочешь миловатьъ, не вредна быши имъ.
Вся власшь въ швоихъ рукахъ, когда ихъ прозь-
ба нравна,
Твоя земля и шакъ своимъ пространствомъ славна.

Какъ Норду миръ подашь, имѣшь все бу-
дешъ онъ;
Премудру кажешь мысль, на швой возшедши
пронъ.
Подобна ты во всемъ Бришанской Лисавешъ,
Славный чшо разумомъ была, не бранью въ
свѣшъ.
Науки введъ, хвалу Бришанцевъ вознесла,
Богатшва и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ поржешвахъ казну и честъ
доспала,
По царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скон-
чала.

Ты видишь равно ей къ шаланшу путьъ прямой,
Извѣсны будущъ намъ науки всѣ побой.
Чрезъ оны человекъ приходишь къ совершенству,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ нашурою блажен-
ству.
Тѣ красяшь нашу плоть, оспряшь и разумъ въ
насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазъ,
Чшо въ дикомъ камнѣ скрытъ очей людскихъ
таицца,
Гдѣ свѣтлость и цѣна въ всегдашней смѣ не
зришся.

Кшо имъ добро чинишь, воздашь пѣ мо-
гушь все,
И дѣломъ кажешь намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художесствъ разныхъ плодъ обильный въ пѣмахъ
являющъ,
Чрезъ прибыль славную своихъ обогащающъ.
Тираннамъ мерзки пѣ: они враги себѣ.
Монархи любящъ ихъ подобные шебѣ.
Когда покоишь ихъ какая гдѣ держава,
Бывающъ щасливѣмъ спранъ, коронъ краса и слава.

Имперія швоя просправный домъ для нихъ.
Коль много скрытыхъ естъ богатствъ въ го-
рахъ швоихъ!
Чшо прошлой вѣкъ не зналъ, напура чшо
щаила,
То все опкроетъ намъ швоихъ спараній сила.
Ты помощь въ помъ даешь, какъ самъ Родитель
швой.
Чшо намъ прилѣжнось дашъ, шо пражнишь
врагъ собой.
Послѣдню мочь его голодна скудосъ склонишь,
И горду мысль его сильнѣй огня прогонишь.

Позволь купечеству торгомъ довольну бышь
Въ излишесствѣ швоемъ и безопасно живишь;
Позволь свободной пущъ, умножь суда, шовары
Чрезъ крошкіе швои добротъ душевныхъ дары:

Спрана какъ человекъ, какъ сердце бьется въ немъ.

Содержитъ кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ,
То можешь каждой членъ напишанъ быть удобно:
Какъ шло духъ живишь, такъ земли шоръ
 подобно.

Въ дѣлахъ съ рѣчными людей согласія прибавь,
 Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсь поспавъ:
 Чшобы въ поругу своемъ никшо не зная урону,
 Гони опшъ поршовъ прочь обманъ, ушпану, спону;
 Чрезъ вольношсть къ намъ зведи шаланшъ земель
 чужихъ.

И для того, что всякъ прибыхиковъ ждешь
своихъ,
Дай большу вольноснѣ шѣмъ, что намъ живущѣ
согласно,
И нашѣ шоварѣ берущѣ, какъ мы ошѣ оныхъ
власно.

Въ швоей премудрости высокой даръ сей
скрѣпѣ.

Поспавъ правдивой судъ, откуду ложь бѣжишь,
Лукавство, ковь и лѣсъ низринь изъ мѣсѣ
судебныхъ,

Вели на правду зрѣшь, какъ пы, въ дѣлахъ
враждебныхъ.

Безъ шрапы времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависѣ, злосѣ по ихъ дѣламъ карай.

Невинныхъ шоку слезъ послѣ швою ушѣху.

Избавъ отъ хищныхъ рукъ швоихъ людей къ
успѣху.

Благословень будь день, что избранъ былъ
къ пому,
Когда склонилась ты къ народу швоему.
О коль предрагъ залогъ ошъ сей высокой спраспи!
И коль пресладокъ плодъ, любовь подданныхъ къ
власпи!
Колика радоспъ намъ шебъ врученнымъ бышъ!
Велика сладоспъ коль себя любиму зришъ!
Геройска бьешся грудь, смопря швоихъ забаву,
А наша, чтобъ швою почтшишъ довольно славу.

Господспивуй и имѣй надъ шаспьемъ полную
власпъ,
Всевышній даспъ шебъ въ шаланшъ лучшу часпъ:
Члюбы познатъ могли въ грядущій вѣкъ попомки,
Что ты всѣхъ женъ краса, швои дѣла коль громки.
Желая шо, гласпъ берега Балшійскихъ водъ
Дошоль, гдѣ кажешъ свой Японцамъ солнце
всходъ;
И ошъ Каспійскихъ волнъ до горъ, гдѣ мразъ
насилный,
Гдѣ малъ народъ, большихъ звѣрей спѣда обильны.

Воспокъ и Западъ весь большая часпъ земли
На промыслъ смоприпъ швой и читипъ дѣла швои.
И сила войскъ швоихъ и чеспъ ошъ многихъ
шпроцовъ,
И оныхъ спранъ союзъ и швердъ швоихъ законовъ
Будь какъ начальной лучъ въ срединѣ всѣхъ пла-
нешъ,
Что самъ собой спомнишъ и кругъ себя шечешъ,

И сколько тяжких шёл проспраннымъ ви-
хремъ водить,
Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный путь свой
ходить.

Тебя Творецъ для насъ до времени скрывалъ,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущалъ.
Въ мятежны шѣ часы и мудры всѣ молчали;
Что рокъ опияшь не могъ, то злы насильно
взяли,
Смутили все въ одно. Въ союзѣ силы нѣтъ!
Полиптика зрѣтъ вдаль; но слабъ ея совѣтъ.
Ужасна будешь колъ ея попомъ кончина?
Того намъ не лѣзя знашь, покажешь впредъ го-
дина.

Довольно небо будь пошокомъ слезъ люд-
скихъ;
Поспавъ ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ
швоихъ.
Низвергни мерзкой ковъ, что вводить брань въ
народы,
Подай спокойной вѣкъ, сгони опъ насъ погоды.
Вдыхаетъ вѣрносъ, шакъ того Россія ждешь.
Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ даетъ,
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и
ясный,
Тебѣ, Монархия, нашъ Ангелъ мира краснѣй.

О Д А ХХ.

На день коронации Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, сочиненная на Нѣм. языкъ Иоганномъ Георгомъ Бокомъ, а на Россійской переведенная Михайлою Ломоносовымъ 1758 года.

Нашуры хилыя возможныхъ опытъ силъ,
Къ кошорому свой взоръ весь смертныхъ родъ
вперилъ,
Россіи щасливой Богиня просвѣщенна,
Ты восхищаешь умъ, какъ солнце, вознесенна;
Корона съ швоед главы лѣюща свѣтъ
Злащыхъ округъ въ швоемъ наслѣдствѣ значишь
лѣтъ.
И шѣмъ побуждены подсолнечной всѣ часши
Усердносшь жертвующъ швоей крѣпчайшей вла-
сши.

Кшо спранъ швоихъ предѣлъ и множество
позналъ,
Твою великосшь шощъ по власши измѣрять,
Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
Души величество за ону признаваю.
Ему принадлежащъ обширныхъ спраны,
Чшо вышнимъ промысломъ тебѣ подарены.

Открышь къ щедрошамъ путь ты на престолъ
вступила;

Высокъ онъ; но твоихъ даровъ превыше сила,

Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
И крошешь изъ нея проходишь за предѣлъ.

Ты больше щистишься бышь прямымъ добромъ
вселенной,

Какъ слышь Монархинею надъ всѣми вознесенной,

И злою надъ шобой не знаешь власти взять:

Величешвомъ твоимъ что можешь обладашь?

Твое богатство всѣмъ на счастье и оспраду,

Къ почтенію наукъ, художествамъ въ награду.

Опеческій твой градъ премудрости есть
храмъ,

Сокровище твоимъ нескрытое спранамъ:

Тамъ лира бодрая веселы водишь лики,

И струны оныя суть радостей языки.

Парнасъ въ очахъ твоихъ не холмъ лишень красы,

Что можешь разцвѣсти безъ солнца и росы.

Какъ на главѣ твоей Минервинъ шлемъ сіяетъ,

Ея щипкомъ рука науки покрываетъ.

Хотя душъ твоей несны злы дѣла;

Но казней спрогал жестокость тяжела;

Прискорбнымъ сердцемъ ты повинныхъ осу-
ждаешь,

И вмѣсто крови ихъ щедроты проливаешь.

Пускай чрезъ хипросии предсавяются лучи,
И радости общую изобразашъ въ ночи,
Пусть мрачность пламеннымъ размахомъ раздѣ-
лился;
Усердіе въ сердцахъ ярче воспалился.
Цвѣтами разными возженные свѣщи
Являющъ каждыя веселіе души.
Когда блиспанія соспавы въ верхъ возводятъ.
То значашъ, что къ звѣздамъ желанія восходятъ,

Богиня, коей блескъ вседневно восплаещъ
Достоинный плодъ ПЕТРОВЪ вѣнца онъ нѣжныхъ
лѣтъ,
Онъ, жизни онъ опшелъ; геройскихъ мыслей
сила
Пренесена въ тебѣ, ПЕТРА возстановила.
Всевышній дай тебѣ свящую благодасть,
Достоинствамъ своимъ вѣкъ равный обладашь;
Да въ сей шоль кратко день на пронѣ возсіеши,
Какъ веселишь народъ, щедрой побѣждаешь.

О Д А
на
Щ а с т и е
г о с п о д и н а
Ж А Н Ъ Б А Б Т И С Т А Р У С С О .

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

Г. Сумороковыми и Г. Ломоносовыми.

Любители и знающие словесныя науки могутъ сами по разному сихъ обоихъ пиитовъ свойству каждаго переводъ узнать. Ова сии переводы первымъ тисненіемъ напечатаны въ полезномъ увеселеніи на мѣсяцъ Генварь 1760 года; а оригиналь взятъ изъ сочиненій Г. Руссо.

O D E.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis,
Du faux éclat qui t'environne
Serons-nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorons-nous tes autels?
Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices
Et par l'hommage des mortels?

Le peuple dans ton moindre ouvrage
Adorant la prospérité,
Te nomme grandeur de courage,
Valeur, prudence, fermeté:
Du titre de vertu suprême
Il dépoille la vertu même
Pour le vice que tu chéris:
Et toujours ses fausses maximes
Erigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris.

Mais de quelque superbe titre
Dont ces héros soient revêtus,

О Д А на щастіе.

ПЕРЕВОДА Г. ЛОМОНОСОВА.

Доколѣ щасъе шм вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшашъ?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣпляшъ?
Доколѣ, испуканъ прелестной,
Мы спанемъ жершвой намъ безчестной
Твой пицешной почипашъ алшаръ?
Доколѣ будешь спроишъ храмы,
Твои чпишъ замыслы упрямы,
Прельщенная словесна шваръ?

Народъ порабощенъ обману,
Малѣйшія швои дѣла
За умъ, за храбросшъ чпишъ избранну.
Ты власшъ, шм чешшъ, шм силъ хвала;
Въ угоду швоему 1) пороку,
И добродѣтель превысоку
Лишаешъ собшвенныхъ красощъ.
Его неправедны усшавы
На верхъ возводишъ пышной славы
Твоихъ любамцевъ злобной родъ.

Но пусшъ великосшю сею
О шиплашъ хвалѣшя своихъ;

1) То ешъ, опъ шебя произходящему пороку.

Prenons la raison pour arbitre,
Et cherchons en eux leurs vertus,
Je n'y trouve qu'extravagance,
Foiblesse, injustice, arrogance,
Trahisons, fureurs, cruautés.
Etrange vertu qui se forme
Souvent de l'assemblage énorme
Des vices les plus détestés!

Apprens, que la seule sagesse
Peut faire les héros parfaits:
Qu'elle voit toute la bassesse
De ceux, que ta faveur a faits:
Qu'elle n'adopte point la gloire,
Qui naît d'une injuste victoire
Que le fort remporte pour eux;
Et que devant ses yeux Stoïques,
Leurs vertus les plus héroïques
Ne sont, que des crimes heureux.

Quoi! Rome et l'Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Attila?
J'appellerai vertu guerrière
Une vaillance meurtrière,
Qui dans mon sang trempe ses mains?

Поспавимъ разумъ въ помъ судьбою,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безмѣрносшь,
Надменносшь, слабосшь и невѣрносшь,
Свирѣпство, бѣшенство и леснь.
Доброша спранная! ошкуду
Изъ злосши сложенному чуду
Дается оной должна чесшь?

Ты знай: герои совершеннымъ
Премудростию въ свѣтъ даны;
Она лишь видишь, коль презрѣннымъ,
Что чрезъ себя возведены.
Она шу славу презираешь,
Что рокъ неправедной раждаетъ
Въ побѣдахъ слѣпошой своей;
Предъ спрогими ея очами,
Герой съ суровыми дѣлами
Ничто, какъ щасливой злодѣй.

Почтнншь ли шоки пѣ кровавы,
Что въ Римѣ Сулла продявалъ?
Доспойноль въ Александрѣ славы,
Что въ Ашшилѣ всякъ зломъ призналъ?
За добродѣтель и геройство
Хвалишь ли звѣрско неспокойство
И власшь окровавленныхъ рукъ?

Часть I.

16

Et je pourrai forcer ma bouche
A louer un héros farouche
Né pour le malheur des humains?

Quels traits me présentent vos fastes,
Impitoyables conquérans!
Des vœux outrés, des projets vastes,
Des rois vaincus par des tyrans;
Des murs que la flamme ravage,
Des vainqueurs fumans de carnage,
Un peuple aux fers abandonné,
Des mères pâles et sanglantes
Arrachant leurs filles tremblantes
Des bras d'un soldat effréné.

Juges insensés que nous sommes,
Nous admirons de tels exploits!
Est-ce donc le malheur des hommes
Qui fait la vertu des grands rois?
Leur gloire féconde en ruines
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sauroit-elle subsister?
Images des dieux sur la terre,
Est-ce par des coups de tonnerre
Que leur grandeur doit éclater?

Mais, je veux, que dans les allarmes
Réside le solide honneur:

И принужденными успами,
Могу ли возносить хвалами
Начальника толликихъ мукъ?

Издревле что объ насъ извѣстно,
О хищники чужихъ державъ!
Желанье въ мѣръ всемъ невмѣсно,
Попраніе вѣнчаныхъ главъ,
Огня и шруповъ полны сѣны,
И вы въ пару кровавой пѣны,
Народъ пожранный опъ меча,
И въ шумъ блѣдна машъ великомъ
Свою дочь пщипся съ плачемъ, съ крикомъ
Опняшъ съ насильнаго плеча.

Слѣпые мы судьи, слѣпныя,
Чудимся шаковымъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенья злыя,
Даютъ доспоянство царямъ?
Ихъ славу бѣдспивами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ успояшъ?
Не можно божеству земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блисташъ?

Но бытъ должна во время бою
На первенствѣ прямая честь:

Quel vainqueur ne doit qu'à ses armes
Ses triomphes et son bonheur?
Tel qu'on nous vante dans l'histoire,
Doit peut être toute sa gloire
A la honte de son rival:
L'inexpérience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout les succès d'Annibal.

Quel est donc le héros solide,
Dont la gloire ne soit qu'à lui?
C'est un roi que l'équité guide,
Et dont les vertus sont l'appui,
Qui prenant Titus pour modèle,
Du bonheur d'un peuple fidèle
Fait le plus cher de ses souhaits:
Qui fuit la basse flatterie;
Et qui, père de sa patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits.

Vous, chez qui la guerrière audace
Tient lieu de toutes les vertus,
Conçus Socrate à la place
Du fier meurtrier de Clitus:
Vous verrez un roi respectable,
Humain, généreux, équitable;
Un roi digne des vôtres autels.

И кто поправъ врага собою,
Побѣду могъ себѣ причесть?
Издравле войны извѣсны,
Похвальны, знасны, славны, честны,
Оплошностью прошивныхъ силъ.
Худымъ Варроновымъ призоромъ,
Упрямымъ и неправымъ споромъ
Ганнибалъ славу получилъ.

Когоже намъ почесть героемъ.
Большимъ собственнѣйшей хвалой?
Царя, что правдой и покоемъ
Себя, народъ содержимъ свой;
Послѣдую Веспасіану,
Едину радость неказанну
Имѣеть въ щастіи людей,
Отецъ опечеслива безъ лести;
И спавишь выше всякой чести
Числомъ своихъ щедротъ дней.

О вы! что въ добродѣтели чтите
Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
Себѣ Сократа вобразите
За Клишова убицу въ умъ!
Вамъ будетъ царь въ немъ несравненный,
Правдивой, крошечью почтенный,
Достоинный олпая во вѣкъ;

Mais, à la place de Socrate,
Le fameux vainqueur de l'Euphrate
Sera le dernier des mortels.

Héros cruels et sanguinaires,
Cessés de vous énorgueillir
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit cueillir.
En vain le destructeur rapide
De Marc Antoine et de Lépide
Remplissoit l'univers d'horreurs :
Il n'eût point eu le nom d'Auguste
Sans cet empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.

Montrés-nous, guerriers magnanimes,
Votre vertu dans tout son jour ;
Voyons, comment vos coeurs sublimes
Du sort soutiendront le retour ;
Tant que sa faveur vous seconde
Vous êtes les maîtres du monde,
Votre gloire nous éblouit :
Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'homme reste,
Et le héros s'évanouit.

L'effort d'une vertu commune
Suffit pour faire un conquérant.
Celui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.

Тогда спрашилище Евфраша
Прошивъ вѣнчаннаго Сокраца
Послѣдней будешь челоуѣкъ.

Герои люты и кровавы!
Поставьте гордоспи конецъ,
Рожденной опъ воинской славы
Забудьте лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелишель
Окшавій, свѣща побѣдипель,
Навелъ въ его предѣлы спрахъ;
Онъ Августомъ бы не нарекося,
Когда бы въ кропоспъ не облекся,
И спраха не скончалъ въ сердцахъ.

О воины великосерды!
Явите вашихъ лучъ добропъ;
Посмотримъ, коль шогда вы шверды,
Какъ щасшье возьметъ поворопъ.
Когда по къ вамъ великодушно
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпипъ;
Но шолько лишь оно опспанепъ,
Геройска похвала увянепъ,
И смершный будепъ всѣмъ опкрыпъ.

Способноспъ средспивенна довлѣепъ
Завоевашелями быпъ:
Кшо щаспие преодолѣепъ,
Одинъ великимъ можепъ слыпъ:

Il perd sa volage assistance,
Sans rien perdre de la constance
Dont il vit ses honneurs accrus;
Et sa grande ante ne s'altère
Ni des triomphes de Tibère,
Ni des disgraces de Varus.

La joie imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès;
Et sa crainte active modère
L'yvresse des heureux succès
Si la fortune le traverse,
Sa constante vertu s'exerce
Dans ces obstacles passagers.
Le bonheur peut avoir son terme,
Mais la sagesse est toujours ferme,
Et les destins toujours légers.

En vain une fière déesse
D'Enée a résolu la mort;
Ton secours, puissante Sagesse,
Triomphe des dieux et du sort.
Par toi, Rome, au bord du naufrage,
Jusque dans les murs de Carthage
Vangea le sang de ses guerriers;
Et suivant tes divines traces,
Vit au plus fort de ses disgraces
Changer ses cyprès en lauriers.

Хоть помощь оцъ него перяешъ ;
Но съ поспояншвомъ пребываешъ,
Для коего оцъ всѣхъ почтенъ ;
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверіемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.

Излишне радощь не внушаешъ
Въ недвижности своей предѣлъ,
И оспорожно умѣряешъ
Неисповѣсто успѣшныхъ дѣлъ.
Пусть щастіе преобращишя ;
Недвижна добродѣтель щитишя
Презрѣнной разрушаешъ упоръ.
Конецъ имѣешъ благоденство,
Споишъ въ премудрости блаженство,
Непоспоянень рока взоръ.

Вошще гоповишъ гнѣвъ Юнони
Енею смертъ среди валовъ,
Премудрость! чрезъ швои законы,
Онъ выше рока и боговъ ;
Тобою Римъ по злой напаси
Въ срединѣ Кареагенской власти
Своихъ героев смертъ ошмсишъ ;
Ходя въ швои небесны слѣды
Во время слезныя побѣды,
Въ Трофеи гробы превращишъ.

Переводъ Г. Сумарокова

Ты Форшуна украшаешь
Злодѣянiя людей,
И мечпанiе мѣшаешь
Разсмошрѣши жизни сей.
Долголь намъ повиновашься
И доколь покланяшья
Намъ обману швоему?
Всѣ шобою побѣждены,
Всѣ ли смершныя рождены,
Супрошнвишья уму?

Малосшн съ швоимъ покровомъ
Кажущя не малы бышъ;
Пышнымъ именемъ и словомъ
Должны превеляки слышъ.
Всѣ народъ шому свидѣшель,
Чшо пороки добродѣшель,
Коишъ помогаешь шы,
И во смрадношн природы
Беззаконнику доводы
Шлюшъ безсмершя цвѣшны.

Имя сихъ героевъ пышно:
Но разсмотримъ ихъ дѣла,
Будешь намъ иное слышно,
Коль судьба намъ умъ дала:
Какъ мы ихъ ни почитаемъ,
Жадносшь, гордосшь обрѣпаемъ,
И свирѣпство только въ нихъ:
Все, что ихъ ни прославляетъ,
Добродѣпель сославляетъ
Изъ пороковъ лишь однихъ.

Ты не можешь быть причиною
Славы опмѣненныхъ душь,
Но премудросшью единой
Славились великой мужъ;
Опъ швоей одной державы
Нѣтъ безсмертія, ни славы;
Смертныхъ по незапна часшь;
Не геройски по успѣхи,
Но пиранскіе успѣхи
Ближнимъ приключашъ напасшь.

Какъ почиташъ могу я Силлу,
Пепломъ зря прикрышой Римъ?
Хулимъ одного Апшилла,
Помня Александра съ нимъ.
Человѣковъ убивающъ,

А другіе называють
Добродѣшелю кровь лишь.
Праведноль искашь выпійснва
Къ прославленію убійснва,
И разбойника хвалишь?

Побѣдишели злосерды!
Всѣ зрю ваши я плоды:
Вы въ желаньяхъ вашихъ шверды,
Міру извлекашь бѣды.
Тамо слышу бѣдныхъ сноны,
Тамъ валящся ваши шроны,
Грады превращенны въ прахъ,
Возлагающся желѣзы,
Вдовъ, сиротъ ліющся слезы,
Тамъ смѣшеніе и снпрахъ.

На сіе, что тако хвалять,
Разсуждая кто воззри,
Иль безъ бѣдъ людскихъ умалять
Дарованный санъ цари?
Вънценосцы! для оплики
То ли способы велики,
Чѣмъ вы можете блиснать?
Въ васъ боговъ изображенъе:
Тольколь онымъ подраженъе
Громъ и молнію мешаешь?

Въ приключеніяхъ прошивныхъ
Обрѣшаю важну чесшь;
А въ побѣдахъ и предивныхъ
Лавръ оружію должно пѣснь.
Побѣдитель часто славенъ,
Что прошивнику не равенъ,
И его соперникъ малъ,
За побѣду малоспорну
Долженъ вождю непроворну
Всѣмъ успѣхомъ Аннибалъ.

Коему хвала герою
Въ почномъ имени его?
Щедрой кроющу рукою
Чадъ народа своего;
Образцомъ кошпорой Типа,
Поданнымъ опъ бѣдъ защита;
Жалостно смошря на нихъ,
Леспи кто и внишь не мыслишь,
И владѣнія дни числишь
По числу щедрошъ своихъ.

Вмѣсто яростію взяша,
Звѣрски Клиша кто убилъ,
Вобразимъ себѣ Сокраша:
Ешьлибъ онъ на шрокъ былъ,

Въ немъ царя не горделива
Зрѣлибъ мы и справедлива,
И доспойна олшарей.
А Евфрапта побѣдишель
Вмѣсто былъ его бы зришель
Только подлосши своей.

Крови жаждущи герои
Возмущенія шворцы!
Вась мечшою славяшъ бои
И лавровые вѣнцы.
Раззоренія безсмѣшны
Всѣ Окшавіевы щещины
Вознесшися до небесъ:
Правосудія блаженствомъ
И спокойства благоденствомъ
Тако онъ себя вознесъ.

Мужи храбрые! являйше
Въ полномъ свѣшъ вы себя,
Равномѣрно прославляйше
Имя, щасшье погубя,
Души ваши въ немъ велики,
Мира вы сего владыки,
Слышанъ лишь огромный вѣкъ,
Щасшье только упадаешъ;

Все геройство увядаешь,
Оспашся человекъ.

Для победы изобильно
Духъ посредственный имѣшь,
И попребно сердце' сильно,
Коль форшуну одолишь.
Мужъ великій презираешь,
Что форшуна имъ играешь,
И въ бѣдахъ неколебимъ,
И въ благой и въ лютой часи
Сердце держишь онъ во власти,
Въ швердомъ посмоянствѣ зрими.

Вся его успѣха сладость
Не въ излишествѣ своёмъ,
Неумѣренная радость
Не обрящешь мѣста въ немъ;
Всѣ ему препящсва вшунѣ,
Онъ ругается форшунѣ,
И спокойно видишь ихъ.
Щасье въ жизни скоростно;
Но достоинство есть вѣчно,
Сколько рокъ ему ни дихъ.

Тщешно гордостью Юноны
Осужденъ на смерть Еней!
Добродѣтель въ обороны,

Ты прошивилася ей.
Римъ шобою Кареагены
За него разсыпаль спѣны,
Славу ихъ пославъ на низъ;
И въ его люшѣйшей часли,
Преврапиль, шѣ зря напасши,
Въ вѣчны лавры дшпарисъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНАКРЕОНТОМЪ.

АНАКРЕОНТЪ.

О Д А И.

Мнѣ пѣшь было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣшь,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велящъ звѣнѣшь.
Я гусли со спрунами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли по неволѣ
Любовь мнѣ пѣшь велятъ
О васъ герои болѣ,
Прощайше, не хошащъ.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Мнѣ пѣшь было о нѣжной,
Анакреоншъ! любви,
Я чувствовалъ жаръ прежней
Часть I,

Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгаю спалъ персами
По поненькимъ спрунамъ,
И сладкими словами
Послѣдоваю спопамъ.
Мнѣ спруны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайше болѣ
Любовны мысли умъ;
Хоть нѣжноспи сердечной
Въ любви я не лишень;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищень.

АНАКРЕОНТЪ.

О Д А XXII.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжишь,
То спалъ бы я неложно
Сокровища копишь,
Чипобъ смерть въ мою годину
Взявъ деньги, опошла,
И за опкупъ кончину
Опсрочивъ, жишь дала.
Когда же я то знаю,
Чшо жишь положень срокъ:
На чшо крушусь, вздыхаю,

Что мзды скопишь не могъ,
Не лучшесть безъ шерзанья
Съ пріятельми гуляшь,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылашь?

Л О М О Н О С О В А

ОТВѢТЪ.

Анакреонитъ! ты вѣрно
Великой Философъ,
Ты дѣломъ равномерно
Своихъ держался словъ.
Ты жилъ по шѣмъ законамъ,
Которые писалъ;
Смѣялся забобонамъ.
Ты пѣшь любилъ, плясалъ,
Хоть въ вѣчноспѣ ты глубоко
Не чаялъ больше бытъ,
Но славой послѣ року
Ты могъ до насъ дожишь.
Возьмише прочь Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу челоуѣку;
И кто по онымъ жилъ?

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А Х І.

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ спарыхъ лѣтъ,

И зеркало мнѣ дали,
Смошри, шы лысь и сѣдъ.
Я не шужу нимало,
Ещель мой водось цѣль,
Иль шемя гладко спало,
И весь я побѣльль.
Лишь въ шомъ могу божишься,
Чшо долженъ спаричокъ
Тѣмъ больше велелишься,
Чѣмъ ближе видишь рокъ.

Л О М О Н О С О В А

О Т В Ъ Т Ъ .

Ошъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ!
И слушай, чшо ворчишь, нахмурившися Капонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злосишь ли адская шакой оспавя шумъ,
Ошъ ревности на смѣхъ склонишь мой хочеть
умъ?
Однако я за Римъ, за вольноспъ швердо спану,
Метпаніями я шаками не смущусь,
И симъ ошъ Кесаря кинжаломъ свобожусь.
Анакреоншъ! шы былъ роскошенъ, весель, сла-
докъ;
Капонъ спарался ввесь въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой;
Его угрюмшвомъ въ Римъ не возвращень покой.

Ты жизнь упопреблялъ, какъ временну утѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ швой опіялъ духъ пріятной винограда;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смершнй супо-
спашъ.

Беззлбна роскошь въ шомъ была шебѣ причина;
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходспва чудны вдругъ и сходспва понялъ я.
Умнѣ кпо изъ васъ, другой будь въ шомъ судья.

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А ХХVIII. 3

Масперъ въ живописшѣ первой,
Первой въ Родской споронѣ,
Масперъ наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри черны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ ешь шаковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ предспавъ бѣлу;
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою.

Не распавъ ихъ межъ собою,
Сдѣлай хипросшю своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесной,
Какъ Минервинъ покажи,
И Венеринъ взоръ прелесной
Съ пихимъ пламенемъ вложи;
Чпобъ уша безъ словъ вѣщали,
И пріятствомъ привлекали,
И чпобъ ихъ безгласна рѣчь,
Показалась медомъ шечь.

Всѣхъ пріятностей зашѣи
Въ подбородокъ умѣспи,
И кругомъ прекрасной шеи
Дай лилеямъ разцвѣспи,
Въ коихъ нѣжноспи дыхающъ,
Въ коихъ прелеспи играющъ,
И по множеству опрадь
Водящъ усумнѣнной взгляды.

Надѣвай же плащъ ало,
И не щипсись всю грудь закрышъ,
Чпобъ ея увидѣвъ мало,
И о прочемъ разсудишъ.
Коль изображенъ мочно!

Вижу здѣсь шебя заочно,
Вижу здѣсь шебя мой свѣшъ.
Молвижь дорогой поршпрешъ!

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Ты счасливъ сею красошою
И масперомъ, Анакреонъ!
Но счасливѣй пы собою
Черезъ пріятной лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы попищился написатьъ
Мою возлюбленную мащъ.

О масперъ въ живописивъ первой!
Ты первой въ нашей споронѣ,
Доспоинъ бышь рождень Минервой,
Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрасшъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Оспрады ясношъ по челу
И вознесенную главу?

Попищись представивъ члены здравы,
Какъ должны у богини бышь,
По плечамъ волосы кудрявы

Признакомъ бодрости заявилъ.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Чшо кажетъ послѣ шутъ покой.

Возвысь сосцы млекою обильны,
И чшобъ созрѣвша красона
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости успа
Въ бесѣдѣ важности общали,
И шакъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистой голось лебедей,
Коль можно, хшпростою швоей.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипешрь, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру,
И распрямъ предписатьъ конецъ.
О коль изображенъе сходно!
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мапъ!
И повели войнамъ прешпанъ,

ПОХВАЛЬНЫЯ НАДПИСИ.

НАДПИСЬ I.

Къ спашуъ ПЕТРА Великаго.

Се образъ изваянь премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ, и царсвуй служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру просперъ въ работу руки,
Монаршу власъ скрывалъ, 'чтобъ намъ открыть
науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ пруды въ
войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ, и странствовалъ въ
моряхъ.
Художниковъ собиралъ и обучалъ солдатъ,
Домашнихъ побѣждалъ и виѣшнихъ сопоспашовъ;
И словомъ, се естъ ПЕТРЪ ошечесхва ошець.
Земное божество Россія почищаетъ,
И сполько алшарей предъ зракомъ симъ пылаешь,
Коль много естъ ему обязанныхъ сердець.

НАДПИСЬ II.

Къ шойже.

ЕЛИСАВЕТА здѣсь воздвигла зракъ Пешровъ
Къ ушѣхъ Россовъ всѣхъ: но кшо онъ былъ ша-
ковъ;
Гласишь сей градъ и флотъ, художества и
войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

НАДПИСЬ III.

Къ шойже.

Металль, что пламенемъ на брани успра-
шаешь,
Въ Пешровомъ градѣ се Россіанъ ушѣшаешь,
Изобразивъ въ себѣ лица его черты!
Но естлибы его душевны красоны
Изобразить могло припомъ раченъ наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣшъ краше.

НАДПИСЬ IV.

Къ шойже.

Ваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ сшавили за славные походы,
Невѣжесшвомъ вѣковъ чѣсть божеска дана,
И чпили жершвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра праая шворишь всегда препишь.
Но вамъ проспищелью, о поздніе попомки,
Когда услышавъ вы дѣла Пешровы громки,
Посшавише алшаръ предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его превышшимъ смерпныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ опъ смерпныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почишали.

НАДПИСЬ V.

Къ шойже.

Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ по-
бѣды
И Россовъ чрезъ весь свѣтъ шоржесшвовавшихъ
сѣды,
Собраніе наукъ, исправленны сѣды,
Премѣнное въ рѣкахъ шеченіе воды,
Покрѣпшій флосомъ поншъ, среди волнъ грады
новы
И прочія дѣла увидѣвъ смерть Пешровы,

Рекла: сей челоѡкъ предѣлъ мой нарушилъ,
И долѣ въ мѣръ семъ Маѡусаила жилъ.
Такъ лѣша по дѣламъ щипная, возгласила,
И въ гробъ великаго сего героя скрыла.
Но образомъ его красуется сей градъ.
Взирая на него Персъ, Турокъ, Гошеъ, Сармашъ,
Величеству лица геройскаго чудится,
И мертваго въ мѣди безчувственной спрашивается.

НАДПИСЬ VI.

Которая изображена на великолѣпной серебряной рацѣ святому, благовѣрному и великому Князю Александру Невскому поспроенной Высочайшимъ повелѣніемъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

Свяшій и храбрый Князь здѣсь тѣломъ
почиваетъ,
Но духомъ оупъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на берега, гдѣ онъ прошивныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо ПЕТРУ споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему зацѣщику воздвигла раку въ честь
Оупъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Ошкрыло, какъ на цронтъ благоволила съспѣть.

НАДПИСЬ VII.

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1749 года.

Поднявшись солнце въ верхъ, возводитъ
взоръ по свѣшу,
Спѣшащу зрѣть во градъ Петровъ ЕЛИСАВЕТУ,
Дивился, что зима покорна ей и снѣгъ,
И что по оному полю быстрой видишь бѣгъ;
На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуешь,
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуешь.
О солнце, не спыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядесть Россійскія спраны:
Мы блеску швоего не столько ожидаемъ,
Какъ видѣть свѣпное лице ея желаемъ.

НАДПИСЬ VIII.

На спускъ корабля, именуемаго свяпный Александръ Невскій 1749 года.

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на бысприну сбѣжала,
Между палащъ спонитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ великаго ПЕТРА мы не имѣли.

НАДПИСЬ IX.

Къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ на маскарады 1751
года.

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного таланта не опияшь.
Великъ былъ швой отецъ, была прекрасна мать;
Герой тебя родилъ, носила героиня;
Какой бышь долженъ плодъ? не иной какъ
богиня.

Но сколько смертныхъ ты превыше почтена,
Ты сполько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна;
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедрою сіяешь.

НАДПИСЬ X.

На тѣ же.

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ опмѣ-
ныхъ,
Я въ мысляхъ нынѣ зрю воспоргомъ восхищен-
ныхъ,
Монархиня, концы державы швоея,
И въ оныхъ нахожу ушѣки видѣ селъ.

Опѣ тихихъ вѣспочныхъ водъ до береговъ Бал-
тійскихъ
Опѣ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ,
Каспійскихъ
Въ одеждахъ много доль и въ лицахъ перемѣнь!
Сугубымъ нынѣ я видѣнемъ удивлень!
Я слышу шамъ, какъ здѣсь, пріятную мѣзку:
Тамъ опѣ усерднаго народовъ разныхъ клику
Черезъ горы, черезъ поля согласный шумъ шепчетъ,
Что ты едина всѣмъ покровъ, опрада, свѣтъ.

НАДПИСЬ XI.

На иллюминацію предсѣвленную предъ лѣш-
нимъ домоу Ея Величества Государыни Им-
ператрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
торжественный день Тезоименишства Ея
1747 года, гдѣ изображена была Минерва въ
храмѣ значащая премудрость Ея Величества,
по споронамъ символическія изображенія
мира и войны и прочая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешь,
И пѣмъ людей своихъ веселье умножаешь,
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радостныхъ сіяніе огней.
Но есѣлибъ съ нашею любовью то сравнилось,
То солнцѣбъ передъ нимъ въ полудни успѣдилось.

НАДПИСЬ XII.

На иллюминацію предсавленную въ шорже-
сшвенный деѣ възшесшвіа на Всероссійскій
пресполъ Ея Величества 1747 года предъ
зимнимъ домомъ, на которой изображена
была криспальная гора, а на ней Имперашор-
скій пресполъ съ около споящими Импера-
шорскими на сполпахъ признаками, а надъ
спрономъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора спойтъ блаженство наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И швой, Монархиня, пресполъ благословенъ,
На нашей вѣрности недвижно ушверженъ.
Пусшъ мнимая другихъ свобода угнѣшается,
Нашъ рабство подъ швоей державой возвышается.

НАДПИСЬ XIII.

На иллюминацію предсавленную въ шорже-
сшвенный день коронованія Ея Величества
1748 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ пред-
савленъ былъ въ храмѣ алшаръ изъ сердець
сложенный, на верьху Имперашорскій вѣнецъ,
по споронамъ галлерей къ восходящему и за-
ходящему солнцу.

Во храмѣ ревности на алшарѣ сердець
Къ подавшему шебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Ошъ подданныхъ швоихъ чистѣйшій огнь пы-
лаешъ,

Да ічасшiemъ швоимъ Россію увѣнчаешъ,
Да солнце восходя и заходя, дивишся,
Что всюду красота швоихъ пріумфовъ зрится.

НАДПИСЬ XIV.

На иллюминацію представленную въ торжественный день тезоименитства Ея Величества 1748 года Сѣнтября 5 дня предъ лѣшнимъ домомъ, на копорой изображенъ былъ фоншанъ, а по споронамъ храмы мира и войны.

Богиня красошой, породой ты Богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты маешь щедрошами, ты именемъ покой:
Смущенный бранью міръ миришь господь побой.
Россійска пишина предѣлы превосходишь,
И льешь избышокъ свой въ окрестныя сираны:
Воюешь воинство швое прошивъ войны,
Оружіе швое Европѣ миръ приводишь.

НАДПИСЬ XV.

На иллюминацію представленную Ея Императорскому Величеству оныхъ ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенбаумъ 1750 года Іюля 31 дня, гдѣ изображены были два соединенныя сердца, пылающія на алтарь къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ молодой мѣсяцъ и восходящая денница.

Какъ солнце съ вышины, Богиня, къ намъ
сілешь,

И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій раж-
даетъ.

Мы оба чувствуя любовь швою къ себѣ,
Приносимъ ревности взаимно жаръ щей.
Монархия, пы всѣмъ единъ источникъ свѣта,
Россійскій горизонтъ шобою освѣщенъ,
Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.
Мы свѣтъ заимствуемъ, даетъ ЕЛИСАВЕТА.

НАДПИСЬ XVI.

На иллюминацію представленную въ шоржешвенный день возшествія на престолъ Ея Величества Нолбря 25 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ Вавилонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по сторонамъ шоржешвенные столпы.

Во время швоея, Монархия, державы
Сугубой шасшавы мы лѣта красешой.
Одну даетъ намъ Богъ, округъ въковъ создавшій,
Другую даршвуешъ приходъ, Богиня, швой.

Изъ Вавилона бѣдъ изведены побою,
Вошли покойствіа въ прекрасные сады,
И спавя нынѣ сполны съ швоею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятные плоды.

Н А Д П И С Ъ XVII.

На иллюминацію представленную въ шоржесшвенный день рожденія Ея Величештва Декабря 18 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была сіяющая звѣзда надъ алшаремъ, на кошоромъ пылаешъ сердце, по сторонамъ храмы.

Щаспливая звѣзда на горизонтѣ блиспала,
Когда ЕЛИСАВЕТЪ Россіи возсіяла.
Монархиня, швой къ намъ сверкнулъ пресвѣт-
лый лучъ,
Возжегъ и освѣпилъ всѣхъ сердце послѣ шучъ.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ тебѣ пылаемъ,
И шое на алшаръ усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласяшъ,
Да Вышній дасшъ сей день шоржесшвовашъ спо-
крашъ.

НАДПИСЬ XVIII.

На иллюминацію въ новыи 1751 годъ представленную предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ земный глобусъ, на кошоромъ спояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года; по споронамъ опшверзныи храмы и алшари съ возженнымъ на нихъ пламенемъ.

Опшверзныи храмы всѣ и алшари дымяшя,
Желанъ всѣхъ къ тебѣ, Монархиня, спремяшя,
И ревностъ подданныхъ со временемъ расшешъ,
И оныхъ щастіе съ числомъ восходишъ лѣшъ,
Полсвѣта, что шволя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новыи годъ съ пошбой благословишъ,
И слухъ швой и другу полсвѣта удивишъ.

НАДПИСЬ XIX.

На иллюминацію представленную въ шорже-
сшвенный день коронованія Ея Величества
Апрѣля 25 числа 1751 года предъ зимнимъ
домомъ, гдѣ изображена въ амфишеатрѣ
окруженная сіяніемъ Имперашорская корона
и скипшр на украшенномъ посшаменишъ съ
вензловымъ именемъ Ея Величества; по обш-
имъ споронамъ два поршала далече просшп-
рающахся аллеи, при кошорыхъ посшавлены
грудныи изображенія чешырекъ чашпей свѣша.

Лучи отъ шшого, Монархиня, вшнца
Въ чешыре разлились вселенныи конца,
Европа, Африка, Америка, Асія
Чудашя, ясности, отъ коея Россія

Сяесть чрезъ концы земны просвѣщена.
О ты блаженная въ подсолнечной спрана!
Взведи свой умный взоръ къ божественному
свѣту,
Дабы въначанную въ сей день ЕЛИСАВЕТУ
На много лѣтъ своимъ бласпаньемъ окружилъ,
И съ нами съверъ весь спокойствомъ озарилъ.

НАДПИСЬ XX.

На иллюминацію предсавленную въ день шестоименишства Ея Величества Сентября 5 дня 1751 года.

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣшетъ,
Лежишь оружіе, и съ кровью слѣзъ не льешь;
И земледѣлецъ плугъ выносишь безопасно:
Спокойство съ именемъ твоимъ вездѣ согласно.
По правдѣ, Божій миръ, Монархія, слывешь,
Когда ты щипину Европѣ всей даешь.
Съ почтеніемъ она главу свою склоняетъ,
И славы храмъ тебѣ безсмертный возвышаетъ.
Напрасно лютая война шумѣице снѣжишь,
Гдѣ имя кропикія Богини въ свѣтъ гремишь.

НАДПИСЬ ХХІ.

На иллюминацію представлеиную въ день Коронованія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1752 года, на которой изображень былъ зодіакъ съ вѣшними зодіаки и съ пекущимъ посреда его солнцемъ, внизу межъ обелискомъ алтарь съ пламенемъ.

Монархиня, нося порфиру десяти лѣтъ,
Гремящей славой пы наполнила весь свѣтъ.
Геройской былъ возходъ, и слѣдствие побѣды:
Тобой побѣждены и спасены сосѣды:
Тобою ускоренъ во всей Европѣ миръ:
Тобою дышеть въ ней покойствіа Зефиръ.
Во успокоенномъ пы свѣтѣ нынѣ сіяешь,
И славу дѣлъ своихъ съ числомъ лѣтъ умножаешь.
Державства швоего свѣтлѣищій зодіакъ
По вся дни кажетъ намъ благополучный знакъ.
И нынѣ празднуя, какъ пы вѣнчана Богомъ,
Вѣнчанну зришь себя покойствіа задогомъ.
Намъ радуга швое пріятіе вѣнца,
Поспавлена весной въ созвѣздіе шельца,
Довольство и покой и радость изъясляетъ,
И здравіе тебѣ и крѣпость обѣщаетъ.
Ликуя, веселясь мы празднествомъ швоимъ,
Усердно всѣ въ тебѣ усердно сердце чшимъ.

НАДПИСЬ XXII.

На иллюминацію предсавленную въ сезонъ-
нишество Ея Величества Сеншября 5 дня
1752 года, гдѣ изображена была приспань съ
Колоссомъ на подобіе Родскаго.

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ
Пловущихъ по морю спасашъ отъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискашъ, другимъ давашъ опраду,
Поставилъ на брежу пречудную громаду;
Великій Исполинъ седмидесять лакшей
Свѣщильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверхъ
зыбей,

Далече блескъ пускалъ чрезъ море неуспройно,
И корабли вводилъ въ приспанище спокойно.
Ты именемъ и всемъ, Монархиня, покой,
Твой слухъ, какъ Исполинъ, касаясь звѣздъ
главой,

Лучемъ доброшъ пвоихъ вселенну освѣщаешъ,
И именемъ возшокъ и западъ наполняешъ.
Спасайшесь здѣсь отъ бурь, у насъ ЕЛИСАВѢТЬ.
Опраду въ пишинѣ съ довольствомъ подаешъ.

НА Д П И С Ъ XXIII.

На иллюминацію предспавленную въ день воапешествія Ея Величества на Всероссійскій престолъ Ноября 25 дня 1752 года, гдѣ изображено было восходящее солнце и вазы съ чувспвищельными правами.

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, берега и понтъ,
Чувспвищельны цвѣты во тьмѣ себя сжимають,
Отъ холоду кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ шеплошъ, сіяетъ каждой цвѣтъ.
Богатство красошъ предъ онымъ опверзаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жершву, проливаетъ,
Подобенъ солнцу твоей, Монархия, возходъ,
Кошорый освѣтилъ во тьмѣ Россійской родъ.
Усердны предъ побой сердца мы опверзаемъ
И жершву вѣрности тебѣ всѣ изливаемъ.

НА Д П И С Ъ XXIV.

На иллюминацію предспавленную въ Москвѣ на новый 1753 годъ, гдѣ изображенъ былъ орелъ прилетающій отъ Санкшпешербурга къ Москвѣ и на Возшокъ и Западъ взирающій.

Въ любезной пишинѣ наспавшій новый годъ
И твой, Монархия, всерадостный приходъ
Сугубой радостью сей городъ оживляетъ,
Сугубо щастіе Россіи обѣщаетъ.

Военной укротивъ во всей Европѣ шумъ,
Къ однимъ вперяешь намъ божеспвенный швой
умъ.

Подобіемъ орла на высопу возводишь,
Повсюду опъ среды свой быспрой взоръ возво-
дишь,

На сѣверъ и на югъ, на западъ и возшокъ,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскій
шокъ

Между Петровыхъ спѣтъ ликуя пропекаешь,
Въ ошущспвіа шебя, Богиня, ошущаешь.
Россія вся швоей щедротой шакова,
Какъ нынѣ зря шебя, красуешь Москва,
Гласишь: о Боже дай, чшобы ЕЛИСАВЕТА
Съ усердьемъ нашимъ къ ней свои сравнила лѣта!

НА Д П И С Ь XXV.

На иллюминацію предспавленную въ Москвѣ
на день Коронованія Ея Величспва Апрѣля
25 дня 1758 года, гдѣ изображено было въи-
чачное вензловое имя Ея Величспва на шор-
жеспвенной колесницѣ, въ шріумфальныя во-
ропта възжающей.

Побѣдъ слѣдуешь весело шоржеспво,
Герой приемлешь чешъ и жершву божеспво.
Звучашъ въ полкахъ шрубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ прошивничей крови несуть щиты багровы.

Побѣда швой восходѣ, пріумфъ швой праз-
дникъ сей,
Монархія, мы что явимъ къ хвалѣ швоей?
Не городъ шь одинъ, ниже едино войско
Въ свою пріяла власъ чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ
И многи шмы къ тебѣ пылающихъ сердець.
Не кровію земля кипящей обогрилась;
Но, радости въ струяхъ Россія насладила.
Не ярыи насъ спрашили пожаръ горящихъ спѣвъ,
Но ревностію пылалъ народъ къ тебѣ возжень.
Не пляскія на насъ въ плѣну звучали узы;
Но съ плескомъ спавили мы вѣрности союзы.
Когда шоль радостно шбой плѣненнымъ быше,
Коль громка похвала побѣду получили!
Богиня, шоржествуй шмъ болѣе) надъ нами,
Чѣмъ выше смертныхъ шь безсмертными дѣ-
лами.

Торжественны враша, шрофен, колесница:
Въ насъ вѣрныи сердца и радостныи лица.

а) Долѣе.

НА Д П И С Ь XXVI.

На день тезоименичества Ея Величества 1753
года, гдѣ Россійскій покой уподобляется пре-
красному селенію съ великолѣпными зданіями.

Хоша щасливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣпѣ похвала;
Но въ ясной пищинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ помѣ, чѣмъ часто побѣждаешь;
Но болѣе того всегдашней миръ держашъ.
Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ щаспію почпи дана вся воля,
Спокойной миръ хранишъ одна премудра власъ,
Не можешъ войску бытъ, ни щаспію въ помѣ
часть.

Производишъ плоды природно шолько лѣшу,
И крошкѣй миръ единъ даешъ богатство свѣшу.
То правда, надлежитъ и зиму шѣмъ хвалишъ,
Чѣмъ можешъ суровство повѣспрѣй опшрапишъ,
И вредны умершвишъ въ лѣсахъ и нивахъ гады:
Подобныя даешъ щасплива брань опшрады.
Но какъ между стихій съ зимой минетъ война,
И намъ явлется прекрасная весна;
Опъ ней неистовы бореи убѣгають:
Опъ ней прѣяшныя зефиры вылепають,
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Веляшъ всходишъ цвѣтамъ, веляшъ упасъ вол-
намъ.

Ведушь суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Готовашь сладкой плодъ и въ приспанъ пуша
щаспливый;

Лють радостъ въ понть, въ дуга, и въ воз-
духъ, и въ ефиръ,

Толь щаспливы мѣсна, гдѣ домъ имѣеть миръ!

Но гдѣ прекраснѣ селеніе покою,

Какъ шо, Монархія, что даль намъ Богъ
шобою?

Поспавлена чужимъ шобою шишина:

То коль спокойна бытъ должна швоя спрана!

Подобень крѣпости великихъ пирамидъ,

Среди щаспливыхъ мѣстъ недвижимо спкоишь,

Возлегли на него блаженная Россіа,

Подъ скипешромъ швоимъ считають дни зланыя.

Въ довольствѣ спѣють шрудъ, довольствіе въ
шрудъ,

Взаимно другу другу способствуя вездѣ:

Какъ вѣщся виноградъ на илимѣ высокомъ,

Держася, и его пишая сладкимъ сокомъ:

Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ

Довольствуемся мы, имѣя всѣмъ покровъ

Въ шебъ Монархій ошъ Бога просвѣщенной,

Къ нему и къ опчеству любовію возженной.

Въ сей праздникъ веселясь веселіемъ швоимъ,

Съ шоржесшвеннымъ огнемъ мы къ Вышнему
горимъ.

Да продолжишь шобой дни мирны и прекрасны,

Со кропосшью швоей и съ именемъ согласны.

НАДПИСЬ XXVII.

На день возшесшвіа на престоль Ея Величества
1753 года, гдѣ Ея Величество уподобляется
Минервѣ молніею поражающей дракона мно-
гоглавнаго.

О древности славная пречудными дѣлами,
Что Пиндаръ до небесъ шрубящими ушами
Черезъ множество вѣковъ въ концы земны гремишь,
Геройскихъ подвиговъ изображая видъ!
И вы великаго амфицеапы града,
Народа по войнахъ Лапинскаго опрада,
Въ сей день скончайте вапъ доннѣ слышный
плескъ,

Яснѣ возсіялъ ЕЛИСАВЕТИНЪ блескъ.
Не зубы сперь боецъ предъ Римлянами лъвицъ,
Ниже кто облещѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницъ;
Но, мужесшвомъ прешла мужей ЕЛИСАВЕТЪ,
И подвига ея смошришель цѣлой свѣшъ!
Седьмъ главъ сіяли въ шѣлѣ вдругъ единомъ,
Гдѣ зависъ въ жалѣ лдѣ носящая змѣиномъ,
И злобы мерзскія свирѣпый крокодилъ,
И вепрь неистовства неодолимыхъ силъ,
Съ языкомъ лисіимъ пронырливое льщенье,
Зѣвъ волчія алчбы, шигръ ярый похищенье,
И лъвины челюспи рыкающей войны
Въ одномъ чудовищѣ на дерзосшѣ рождены.
Взирая на сего ЕЛИСАВЕТЪ дракона

Лежащаго кругомъ ошеческаго шрона,
Рекла: что сей мнѣ врагъ препяшствуетъ возходъ,
Котораго давно жилаешь мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщерь ПЕТРОВА?
И Россы моего всѣ пребудушь покова:
Ничто не можешъ мнѣ ко славѣ пушь пресѣчь.
Сю геройскую окончивая рѣчь,
Сіянемъ въ округъ небеснымъ просвѣщилась,
И выше смертныхъ величествомъ явилась:
Минервы чудный въ ней изображался видъ,
ПЕТРОВЪ духъ былъ ей племъ, любовь Россіянъ
щипъ.

Безъ грому молнія изъ женошти блиспая,
Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сражень, прогнанъ, убѣгъ Рифейскихъ далъ горъ.
Угасла молнія, однѣ лучи сіяли:
Вселенныя концы рѣками восплескали.
Тогда красудъ Россъ, главу свою вознесъ:
Петрополь мнилъ себя превыше бытъ небесъ.
Мы нынѣ празднуя шой часъ благословенный,
Огнями кажемъ огнь во всѣхъ сердцахъ возженный.
О есѣлибъ съ внушреннимъ огнь внѣшній ра-
вень былъ!

Онъ выше бы возшелъ въ ночь блещущихъ свѣшилъ.
Монархія, шобой любовь есѣ въ насъ рожденна:
Какаяжъ въ свѣшъ вещь съ ней можешъ бытъ
сравненна?

Н А Д П И С Ь XXVIII.

На день рожденія Ея Величества, гдѣ оное возхо-
дящей зарѣ уподобляеши во время оныя шор-
жеспвеннаго вѣзду Пешра Великаго оныя
Полшавы.

О вы, кошоры все по разсужденію злomu
Обыкли случаю приписывашь слѣпому,
Увѣрьшесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Чшо промысль Вышняго господствуеши во всемъ.
Когда готовилъ онъ блаженство нащихъ лѣтъ,
Оныя чреслы Пешровыхъ намъ послалъ ЕЛИСАВЕТЪ,
И знаки предъявилъ, кошоры оныя Полшавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Пешровой славы.
Съ рожденіемъ Ея шоржеспвенный былъ вѣздъ.
Тогда внесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ шрофеи окружали,
И воплю первому войскъ плески ошѣщали.
Подвиглись радостью земля, моря, ееръ.
Пешръ шествовалъ во градъ, ЕЛИСАВЕТА въ
міръ;
Низвергнулъ Пешръ враговъ; Она въ Пешровы
слѣды

Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явственно тогда сама промысль предъявилъ
Чшо послѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь; какъ ясная заря намъ возсіяла,
И царства своего день свѣшлый предвѣщала.
Монархиня, мы шѣмъ освѣщены всегда
Избавились во шѣмъ сокрышаго вреда;

Часть I

19

И радостнымъ въ ночи огнемъ Тебѣ явля-
емъ ,
Чшо ночи мы въ сердцахъ и шемношх не зна-
емъ.

НАДПИСЬ XXIX.

На новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляется ве-
ликому зданію.

Взирая вѣчноспи на зданіе обширно,
На множеспво вѣковъ, на жишіе всемірно,
Мы видимъ. разносспъ дѣлъ со разносспію лѣтъ.
Тамъ брань гориптъ, шамъ миръ возлюбленный
цвѣщептъ;
Тамъ вѣки ясносспію ученій просвѣщенны;
То въ мраѣъ варварспва глубоко погруженны;
Терзаептъ смерпсныхъ шамъ гоненіе и гладъ;
Тамъ всѣ довольспвія безчисленныхъ оспрадъ.
Сіи неравноспи придежно разсуждая,
Зримъ ясно, ошъ чего премѣна шаковая.
Монарковъ милоспи, премудросспъ, бодрый духъ
О щаспѣъ многихъ спранъ просперли вѣчный
слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣта;
Но лучше нынѣ намъ даептъ ЕЛИСАВЕТА.
Подобясь время Ей въ божеспвенныхъ дѣлахъ,
Являептъ образъ намъ во всѣхъ своихъ часпяхъ.

Весна краснѣе всегда пріятными цвѣтами,
Равняйся съ льющими опраду всѣмъ усами;
И лѣто съ осенью обильные плоды
Намъ сыплетъ, какъ она съ избыткомъ за шруды.

Зима въ спокойствіи довольствомъ услаждаетъ,
Какъ миромъ всѣмъ Она богатымъ украшаетъ;
И щипишь ускорить щедротой всходъ наукъ,
И хитросиъ разную художественныхъ рукъ.
Россія, ликовствуй, изчисли лѣта новы:
Щастливы щастіемъ Наслѣдницы Петровы.
Прости, какъ просишь ты, оцъ Вышняго проси,
И громкій къ небу гласъ и сердце вознеси,
Да здравіемъ Ея всегда пребудемъ здравы,
И громкихъ дѣлъ Ея да насладимся славы!

Н А Д П И С Ь XXX.

На день коронаванія Ея Величества 1754 года,
гдѣ добродѣтели Ея прекрасной и великой
горѣ уподобляющся.

Кшо знашныя дѣла въ нашуръ разсуждаетъ,
Петровой Дщери въ нихъ примѣры обрѣтаетъ.

Посмотримъ въ понтъ, въ поля, во весь посмотри
свѣтъ;

Чшо славно найдемъ въ нихъ, въ чемъ къ Ней
примѣра нѣтъ?

Коль всѣхъ красота число въ напурѣ есть про-
спранно,
Толь множество доброта въ Ней видимъ не-
сказанно.

Не лзя предсказать всѣхъ предъ мысленный
нашъ взоръ :

И такъ предскажемъ съ Ней едину славу горъ.
Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходящъ ;
Онѣ намъ щиптъ, когда войну враги наводящъ ;
Плывущимъ въ глубинѣ онѣ являющъ ходъ ;
Изъ нихъ шумящъ ключи и шоки многихъ водъ ;
Поютъ лице земли, плодомъ обогащающъ ,
Пріятные сады и доли орошающъ.

Не въ сихъ ли образъ всѣхъ ЕЛИСАВЕТЫ зримъ?
Она вошла къ звѣздамъ величествомъ своимъ :
Мы крѣпосщю Ея ошъ сопоспашъ покрывшъ,
И бѣдствіа въ волнахъ бѣжимъ къ ней для за-
щипшъ:

Ошъ Ней на поддачныхъ печешъ щедрошъ по-
шокъ ,

И разливается на западъ и воспокъ.

Прекрасная гора ошъ Бога ушвержденна,
ЕЛИСАВЕТЪ вѣнцемъ и славой увязенна ,
Среди Россійскаго рая недвижно спой ,
Сіе гласишъ любовь и вѣрносшъ предъ Тобой,
И удовольствіе съ надеждой несомнѣнной
Подъ шѣнію Твоей щедрошъ несравненной.
Покровъ Твой смѣжныя пребудушъ небеса :
Къ намъ снидетъ ошъ Тебя всегда ошрадъ
роса.

Коль чудныя дѣла ЕЛИСАВЕТЬ являютъ!
Черезъ прохлажденіе въ насъ пламень возбуж-
даетъ.

НАДПИСЬ XXXI.

На иллюминацію предсавленную въ день пе-
зоименишства Ея Величества 1754 года, гдѣ,
изображенъ былъ храмъ Россійскаго благопо-
лучія, предъ копорымъ на вратахъ обелискъ
съ вензловымъ именемъ Ея Величества, при-
шомъ сидящая въ радости Россія.

Россія вознося главу на вышшу,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту;
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утверждень, Монархиня, Тобою;
Счишая многія довольства, говоритъ:
Коль сладкое меня блаженство веселишь!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзають,
И алчны мышари внутрь шоргу не смущають:
Спаль шѣсенъ къ злобѣ пушъ коварникамъ въ
судахъ:

Свобода съ пишиной и въ селахъ и въ градахъ:
Приспанищъ, крѣпосней и храмовъ всходящъ
спѣмъ,

И знанія цвѣтущъ щедрою снабдѣнны. *
Что я Монархинѣ своей могу воздашь?
И въ славу имени Ея мнѣ что создашь?
Какія радости въ сей день предсавляю виды?
Мнѣ шѣсны храмы всѣ и низки пирамиды.

Ахъ, есплибъ съ ревностію сравнилась крѣпость
силъ,
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Россійскомъ нынѣ былъ,
Поставилабъ Ей въ честь претудны обелиски
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ бли-
зки!

Н А Д П И С Ь XXXII.

На день возшесствія на престолъ Ея Величества
1754 года, гдѣ оное уподобляешся великому
свѣщильнику, возженному огнемъ небеснымъ
и лучи свои просвѣщающему на пшаврѣ, на-
полненный изображеніями дѣлъ Петра Вели-
каго.

Ошца опечесшва Великаго Петра
Положены труды для общаго добра:
Ужасныя врагамъ полки вооружены
И флотами моря велики покровенны:
Полезныя вездѣ обряды и суды,
Художествъ и наукъ всходящія плоды
Ошъ сѣмени его опъяшны колебались,
И щемной зависши во мракѣ покрывались.
Нѣ Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
Не попустивъ стояшъ свѣщильнику подъ спудомъ.
ЕЛИСАВЕТИНЫ доброты какъ свѣщи
Ошкрылъ, и день блеснулъ пресвѣтлымъ намъ въ
нощи.

На пронъ возвышена, Монархия, сілешъ,
И просвѣщеніе Пешрово умножаетъ,
И Вышній утвердилъ чрезъ ПАВЛА намъ за-
вѣсть,
Что племени подася неугасимый свѣтъ.

НАДПИСЬ XXXIII.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Подъ славнымъ скипетромъ своимъ, ЕЛИ-
САВЕТА,
Къ блаженству Росскаго не доспавало свѣта,
Въ попомкахъ одного наслѣдія Пешру.
Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару,
Сего единого чрезъ девять лѣтъ желали,
И гласы къ Вышнему и очи возвышали.
„Когда ты чрезъ Пешра и чрезъ Пешрову Дщерь
„Благородилъ опровергъ къ довольствіямъ нашимъ
дверь,
„О Боже! призри къ намъ единого лишеннымъ,
„И успокой нашъ духъ довольствомъ совершен-
нымъ:
„Великія пруды Пешровы помани,
„Со славою его наслѣдіе сравни.,,
Сей гласъ, Монархия, съ Твоимъ соединенный
Достигнулъ къ Небесамъ, и Богъ имъ прекло-
ненный

Возвеселилъ Пешровъ благословенный домъ ,
И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ.
Къ его же щедрости съ усердною мольбою
Зовемъ, да подъ цвѣтѣю щасливую рукою
Младаго ПАВЛА вѣкъ до зрѣлости возрастишь ,
Тебя , родишелей и насъ возвеселишь ;
Да племенемъ его какъ нынѣ мы сердечно,
Возрадующся всѣ потомки безконечно!

НАДПИСЬ XXXIV.

На маскарадъ 24 числа Октябрия 1754 года въ
домъ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера
Ивана Ивановича Шувалова.

Европа что родишь , что прочи часши
свѣта ,
Что осень, что зима, весна и крошескъ лѣта,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса;
Все было у тебя довольство и краса.
Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ ,
Музыку, громъ и шрескъ еще внимаю слухомъ:
Я вижу скачущи различны красоти,
Которыхъ, Меценатъ, подвиглъ къ веселью шты.
Оспраду общую своею умножаешь ,
И радостъ внушрению со всѣми сообщаешь.
Красуемся среди обильныхъ Райскихъ рѣкъ.
Коль щасливѣе , коль красенъ ЕЛИСАВЕТИНЪ
вѣкъ!

НАДПИСЬ XXXV.

На рожденье Государя Императора ПАВЛА I.

Мы радости ошъ небесъ , щедрости , благо-
дашь

Приемлемъ чрезъ Тебя, Россіянъ вѣрныхъ, Мамъ!
Въ шринадцать лѣтъ Твоей Божеспивенной дер-
жавы

‘Мы наслаждались всѣ щедростъ , покоя , славы.

Но нынѣ промыслъ намъ сугубо доказаль.

Чшо бодрспвуешъ для насъ , какъ ПАВЛА намъ
послаль ,

Чшо для швоихъ доброшъ, Богиня, несравненныхъ
Довольство удвоишъ во дняхъ благословенныхъ.

О шасшливой народъ! блаженная спрана!

Кошорой шакова Моначхия дана!

НАДПИСЬ XXXVI.

На иллюминацію и маскарадъ Графа Пешра Ива-
новича Шувадова , Окшября 26 дня 1754
года.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженца свою близъ видѣла кончину!

Чшо Рурикъ съ скипетромъ Моначпешкимъ
пріаль

Чшо Ольга, Свяшославъ, Владимиръ Россамъ далъ;

Чшо Ярославомъ мы и храбрымъ Мономахомъ

Доспигли, какъ враги взирали къ намъ со спра-
хомъ;

Потомъ чшо Александръ онъ бѣдъ Геройспвомъ
спасъ;

Чшо онъ враговъ покрывъ Димитрій въ спраш-
ный часъ;

И чѣмъ насъ вознесли два спруги Іоанны ,

Всѣ славы ихъ пруды оплакала цопранны;

Едва главу свою изъ пепла подняла ,

И въ прадѣдъ Твоемъ помощника нашла;

Монархия, онъ спѣтъ развалины возспавиль ,

Неспройсво прекрашилъ , и онъ враговъ изба-
вилъ:

Твой Дѣдъ на вышнюю спепенъ Россію взвелъ ,

И свѣшу показавъ хвалу преславныхъ дѣлъ :

Великій Твой Опець широкими спопами

Всходя, возвысилъ насъ надъ прочими спранами:

Но не дошедъ верха по общей всѣхъ судьбѣ ,

Весь прудъ свой совершилъ преноручилъ Тебѣ.

И бодрости пвоей Всевышній споспѣшаетъ ,

На верхню насъ спепенъ побоемъ посспавляетъ.

Чшо вѣчно въ насъ его пребудетъ благодать ,

Младый въ шомъ ПАВЕЛЬ данъ залогъ намъ и
печатъ.

О предковъ красота , Пешрова Дщерь и слава!

Пріяшна мужеспвомъ Твоимъ его держава ,

Чрезъ спизхожденіе Твое къ намъ возспаетъ ;

И жершва искреннихъ желаній вопіетъ :

Да милоспи свои всевидящее око

Посспавилъ надъ Тобой, какъ верхъ небесъ вы-
соко.

НАДПИСЬ XXXVII.

БОГУ
Всемогущему!
и Его Угоднику
Благовѣрному и Вели-
кому Князю
АЛЕКСАНДРУ Нев-
скому,

Россовъ усердному за-
щитнику, презрѣвше-
му прещеніе мучише-
ля, шварь богопворитъ
повелѣвшаго,

укропившему варвар-
ство на восшокъ,
низложившему за-
висъ на западъ,
по земномъ княженіи
въ вѣчное царство
преселенному въ лѣто
1263,

усердіемъ ПЕТРА ВЕ-
ЛИКАГО на мѣсто
древнихъ и новыхъ по-
бѣдъ пренесенному.
17.. года,

Державнѣйшая
ЕЛИСАВЕТА
опеческаго ко свя-
тымъ почипанія
подражательница,
къ нему

благочеспіемъ усерд-
свѣуя,
сію
мужесства

и
святости
его дѣлами
украшенную раку изъ
первообрѣшеннаго

при Ея
благословенной дер-
жавѣ
сребра
сооружитъ благоводи-
ла

Въ лѣто 1752.

НА Д П И С Ъ XXXVIII.

На новый 1755 годъ, гдѣ владѣніе Ея Величества
уподобляешь приспани съ храмомъ упокое-
нія и съ входящими и исходящими кораблями.

По правдѣ вѣчность естъ проспиранный
Океанъ,

Чшо вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней лѣпа корабли, чшо скоро пробѣгаютъ,
И въ дальности себя безвѣстной закрывають.
Кшо рока злобнаго въ пучинѣ погруженъ,
Или волненіемъ боязней ушомленъ,
Тотъ черезъ спреминны и жерла бѣдъ глубоки
Не можеть видѣть ихъ сквозь горькихъ слезъ
попоки.

Но какъ приспанища чрезъ ихъ въ себя приходъ
Богатствомъ веселятъ и зрѣніемъ народъ;
Подобно крошка и намъ ЕЛИСАВЕТА
Въ приспанищѣ щедрошь являешь долги лѣпа.
Сіи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ, веселясь, со щастливой земли.
По многымъ радостямъ мы долгоси лѣтъ счи-
щаемъ,

И милосши Ея ихъ мѣрой признаваемъ.
Пусшь мимо шѣ другихъ среди валовъ лешають,
Отъ нашей пишины отъѣздомъ не спѣшаль.
Въ прекрасномъ оспровѣ держави вождельной
Препровождаемъ вѣкъ спокойной, несравненной.
Изшедшимъ насладясь обильнымъ кораблемъ,
Чшо насъ увеселятъ въ приспанищѣ Твоемъ,

И новаго дождавъ , Монархиня , прихода ,
Прими желанія ошъ вѣрнаго народа :
Дабы среди Твоихъ спокойныхъ царства водъ
Великъ былъ щаспемъ корабль сей новый годъ ;
Да многіе попомъ довольствъ увидимъ полны ,
Не вѣдая , что вихрь , не вѣдая , что волны .

НАДПИСЬ XXXIX.

На спускъ корабля именуемаго Іоаннъ Злапо-
ушный .

Сойди къ намъ , Злапоушъ , оставивъ небеса :
Достойна швоего здѣсь зрѣнія краса .
Петрова Дщерь шебъ корабль сей посвящаешъ ,
И именемъ швоимъ все море наполняешъ .
Когда шм пойдешъ въ пушъ на немъ между за-
ловъ ,
Греми прошивъ Ея зависпавыхъ враговъ :
Злапными преждемъ гремѣлъ въ церквахъ устнами ,
Но пламенными впредъ звучи въ водахъ словами .

НАДПИСЬ XL.

На конное лишее изъ мѣди изображеніе Ея Им-
ператорскаго Величества Государыни Импе-
ратрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
Амазонскомъ уборѣ .

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
Богини Россіи великолѣпный видъ ,

И бодростью шого металл одушевленный,
Со щичаніемъ свѣщилъ къ нему съ Парнаскихъ
горъ;
Промолвилъ восхищень къ спройшело перуновъ:
Сшоялъ бы и поднесъ мой городъ и Непшуновъ,
Когда бы защищашъ Пріамовъ скипшръ и шронъ
Пришла подобна сей Царица Амазонъ;
И щещнабъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
ЕЛИСАВЕТАбъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

НАДПИСЬ XLI.

На шо же изображеніе.

Великаго Ошца и Машери прекрасной
Подобную металл здѣсь Дщеръ изобразивъ,
Геройской бодростью и кропкимъ взоромъ живъ,
Вѣщаешъ, кажешся, ошъ вещи къ намъ безгласной
Надежду, мужество, щедрость, милость, миръ;
Пріяшна какъ весна, лепашъ какъ зефиръ.
Свѣщаѣе злаша мѣдъ въ семь образъ сіяешъ,
Чшо толь великую Богиню представляешъ.

НАДПИСЬ XLII.

На ошѣздъ изъ Санктшербурга въ Москву Ен
Величешва 1752 года Декабря дня.

Чшо воздухъ пнихъ стоишъ по полъ бурли-
выхъ дняхъ?

Просшперся мягкій снѣгъ въ спокойшвѣ на поляхъ?

ЕЛИСАВЕТА въ пушѣ прещедра поспѣшаетъ;
Монархиня, Твой взоръ къ Тебѣ все привлекаетъ.
Не шокмо на земли Твоя любезна власпъ ,
Но небо плешъ свою Тебѣ подъ ноги часпъ.

НАДПИСЬ XLIII.

На оказаніе Высочайшей милосши Ея Величества
въ Москвѣ 1753 года.

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льетъ и радость, какъ рѣка,
Сильнѣе, нежели ключей Каспальскихъ шокки,
Сспремленіе къ спихамъ и духъ даетъ высокій.
О радостной воспоргъ! куда я полечу?
Но большее языкъ богатство словъ являетъ,
Когда умѣренно веселіе бываетъ :
Веселіе мое безмѣрно — я молчу.

НАДПИСЬ XLIV.

На новое спроеніе Сарскаго Села.

Хопя по царспвамъ Римъ поверженнымъ
спупаль ,
Однако седмъ вѣковъ и больше возспаваль ;
Скорѣ крошкой Ты, Монархиня , рукою
Россію безъ войны возводишь за собою ;
И щедролубіемъ возносишь насъ своимъ ,
Не разрушая царспвъ, въ Россіи спроенишь Римъ.

Примѣръ въ шомъ Сарской домъ : кто видишь ,
всякъ чудился ,
Сказавъ , что скоро Рямъ предъ нами поспыдишся .
Ни время , ни шруды , ни подданной весь свѣшь
Тамъ такъ не успѣвалъ , какъ здѣсь ЕЛИСАВЕТЬ .

НА Д П И С Ь XLV.

Къ ракъ свяшаго Димитрія Митрополиша Ро-
стовскаго .

ВСЕМОГУЩІЙ и НЕПОСТИЖИМЫЙ
Б О Г Ъ

Чудными изкони дѣлами , явиль
свѣшую свою великолѣпную славу
и во дни наши ,

Въ благословенное государствование
Благочисливѣйшія , Самодержавнѣйшія ,

Великія Государыни

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ,

Самодержицы Всероссійскія ,
новыми чудотвореніями въ Россіи про-
сѣявшаго ,

з д ѣ с ь

почивающаго свяшаго Мужа ,

Преосвященнаго

МИТРОПОЛИТА ДИМИТРІЯ

Ростовскаго и Ярославскаго ,

Отдавшаго Божіа Богови :

Върою , кропостію , воздержаніемъ ,
ученіемъ , шрудолубіемъ ,

Кесарево Кесареви:
Ревностію и шерпѣніемъ,
поборствую
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
прошгъ съемуудраго раскола.
Въ Богоспасаемомъ градѣ Києвъ
родился сей жишель небеснаго Іерусалима
Декабря 1651 года,
Ангельскій образъ принявъ 18 ти лѣтъ,
На свяшительскій Престолъ
возведенъ
Марта 23 дня 1701 года,
Пасъ церковь Божию
7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней,
живъ 58 лѣтъ,
Въ вѣчной покой преселился 1709 года.
Написавъ житія Свяшыхъ,
самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ бысть
удостоился
въ лѣто 1754 Апрѣля 9 дня.

О! вы, чшо Божество въ предѣлахъ чпише пѣ-
сныхъ,
Подобіе его мня бысть въ часпяхъ пѣлесныхъ,
Вперше въ мысль, чему Свяшитель сей училъ,
Чшо нынѣ вамъ гласишь оцъ лика горнихъ силъ.
На милость Вышняго, на истинну склонитесь,
Ихъ машери своей въ церкви примиритесь.

НАДПИСЬ XLVI.

Напечатана въ уславѣ Воспиташельнаго въ Москвѣ дома 1764 года.

Блаженство общесства вседневно возра-
сшаепсь ,

Монархия къ прудамъ прудъ присоединяепсь ,
Сшараясь о добръ великихъ имъ опрадь ,
О воспитаніи печешся малыхъ чадъ ,
Дабы , что въ опчѣсшвѣ осшавлено презрънно ,
Приобрѣло ему сокровище безцѣнно ;
И чшобъ изъ пшжакаго для общесства числа
Воздвигнушь съ нравами похвальны ремесла.
Внемлите съ радосшю полезному пшномшву ;
Рачишели добра грядущему пошмомшву ,
Похвальнѣ дѣло естъ убогихъ призирапсь ,
Сугуба похвала для пользы воспиташь :
Нашура шю гласишь , повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности монаршаго примѣра :
ЕКАТЕРИНА васъ предводишь къ чѣсти сей :
Слѣзишше щедросшю , какъ вѣрносшю за Ней.

НАДПИСЬ XLVII.

На Сарское сѣло, Августа 27 дня, 1764 года.

Луга, куспарники , пріятны вышомы ,
Примѣръ и образецъ Едемской красомы ,
Досшойно похвалишь я нынѣ васъ желаю ,
Но выше почему почшишь , еще не знаю ,

Не шѣмъ ли, что вездѣ пріятности въ садахъ
И нѣжны Зефиры роскошествующъ въ цвѣщахъ?
Или что ради васъ художесствъ славныхъ сила
Возможность всю свою и хипросить испостила?
Или что менше съ васъ златая блескъ гора,
Ошкуда видимъ градъ Великаго ПЕТРА?
Гора, или по домъ богамъ земнымъ приспойной,
Къ опдохновенію величества спокойной?
Всѣхъ больше красить сей ЕКАТЕРИНА край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и разцвѣщаетъ рай:
Она всѣ красоты присущствомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

НАДПИСЬ XLVIII.

На изобрѣшеніе роговой музыки.

Ловцовъ и паспуховъ межъ селами опрада,
Одни ловятъ звѣрей, другіе смопрягъ спада.
Охотникъ въ рогъ ревешъ, паспухъ свиститъ
въ свирѣль.
Тревожитъ оной Нимфъ; пріятна шиха шрѣль.
Тамъ шумной песей ревъ; а здѣсь у шихой рѣчки
Молоденьки блеютъ по мащери овечки.
Здѣсь нѣжностъ и покой, здѣсь царствуетъ
любовь,
Охотнической шумъ, какъ Марсовъ, движетъ
кровь.
Но нынѣ къ обоемъ, вы Нимфы, собирайшесь,
И равно обоей музыкой услаждайшесь:

Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
Нарышкинъ умягчалъ при нашихъ берегахъ :
Чего и дикія животныя убѣгали ,
Въ шомъ слухи нѣжныя пріятности сыскали.

НАДПИСЬ XLIX.

Се ЕЛИСАВЕТА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО Великая Дщерь,
Благочестивая, Щедрая,
Мужественная, Великодушная,
Всемилоштивѣйшая Самодержица,
Моя Избавишельница,
Защитница, Просвѣтительница,
Слава моя ,
Вознесшая главу мою,
Во гробъ низходишь!
Рыдайте обласши ,
Насладившіяся кроткою ея державою;
Въ слезы обратишесь
Великія мои моря и рѣки!
Всѣ вѣрныя мои чада
Къ Богу возопиште :
Упокой, Спасе, въ вѣръ къ тебѣ преславль-
шуюся, Царствія твоего сопричастницу
сотвори; на тя бо упованіе возложи ,
Человѣколюбче.

Конецъ части первой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ :

Жизнь сочинителя	спран. I.
Предисловіе Сочинителя о пользѣ книгъ церковныхъ	XLIV.
Письмо его же /о правилахъ Россійскаго стихотворства	LVII.*
Оды духовныя или преложеніе псалмовъ	1.
Ода выбранная изъ Іова	25.
— содержащая упреннее размышленіе о величествѣ Божіемъ	30.
— содержащая вечернее размышленіе	31.
Оды похвальныя	37.
Ода на щастіе изъ сочиненій Г. Руссо перевода Г. Ломоносова	238.
Таже ода перевода Г. Сумарокова	252.
Разговоръ съ Анакреоншомъ	257.
Похвальныя надписи	267.

